

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Васильева Александра Вадимовна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ
XX ВВ.**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история
диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Т. А. Сабурова

Омск – 2015

Содержание	
Введение	3 – 46
Глава I. Социальный облик и деятельность православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.	47 – 139
§1. Епархии Западной Сибири: территории, конфессиональный состав, система управления	47 – 63
§ 2. Правовое положение и социальный состав духовенства епархий Западной Сибири	64 – 87
§ 3. Деятельность православного духовенства епархий Западной Сибири	88 – 125
§ 4. Материальное положение православного духовенства епархий Западной Сибири	126 – 139
Глава II. Социокультурные представления православного духовенства в Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв.: идентичности и отношения с «миром»	140 – 227
§1. Региональная идентичность и локальный религиозный миф православного духовенства Западной Сибири	140 – 153
§2. Представления о браке и семья православного священнослужителя: роли, нормы и девиации	154 – 172
§ 3. Представления сибирских священнослужителей о смерти как основа коллективной идентичности	173 – 183
§ 4. Политическая идентификация сибирского духовенства	184 – 195
§ 5. Кризис прихода и социокультурные конфликты в приходской среде	196 – 227
Заключение	228 – 232
Список источников и литературы	233 – 259
Приложения	260 – 261

Введение

В современном российском обществе значителен интерес к истории церкви. Десятилетия «атеизма» привели к прерыванию в изучении истории Русской Православной церкви и русского православия и как уникального пласта российской культуры, и как фактора культурного развития российского общества в целом, и как одного из важнейших элементов самоидентификации жителей Российской империи.

Понимание роли православия в истории Российской Империи невозможно без изучения православного духовенства, отвечавшего за духовное состояние своей паствы и часто выступавшего связующим звеном между властью и народом. Священнослужитель играл особую роль в развитии российского общества, наставляя в вопросах веры, он должен был выступать нравственной опорой своим прихожанам, просвещал, организовывал школы, общества помощи бедным и трезвенные общества, сопровождал рождения, браки и смерти. Поэтому естественным было стремление власти найти поддержку у духовенства, способного оказывать влияние на мировоззрение других сословий, прежде всего – крестьянства. В условиях модернизации общества именно духовенство могло сыграть роль «опоры обновления»¹.

Не могла не происходить трансформация традиционной системы ценностей и в самом сословии². Насколько духовенство осознавало отводимую ему властью роль «опоры»? Как оно адаптировалось к процессам, происходящим в обществе, как менялись его поведенческие модели и система ценностей в условиях Западной Сибири? Без ответа на эти вопросы нельзя получить целостное представление о процессах, происходивших в сибирском обществе в переломный для истории России период.

¹ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С.9.

² Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи: монография. Киров, 2012; Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2006.

Степень изученности проблемы. История духовенства тесно связана с историей Русской Православной церкви и неотделима от неё. Исходя из проблемно-хронологического принципа, могут быть выделены следующие периоды в изучении церковной истории и, соответственно, истории духовенства в России:

– начало XIX в. – 1917 г. в этот период были рассмотрены вопросы общей церковной истории, в некоторой степени затронуты вопросы жизни духовенства: его материальное обеспечение и быт, образование, замкнутость как сословия; взаимоотношения с прихожанами, в том числе и в связи с «кризисом прихода»; взаимодействие с представителями других конфессий. Период завершился расколом историографической традиции: историография истории РПЦ начинает делиться на историографию русской эмиграции и историографию советскую.

– 1930-е – начало 1980-х гг.: в рамках советской историографии работы этого периода были преимущественно направлены на «разоблачение» духовенства как глубоко порочного сословия. Продолжается изучение истории РПЦ исследователями русской эмиграции. В 1959 г. выходит «История Русской церкви» Н. Д. Тальберга, в которой затрагиваются вопросы духовного просвещения, образования и распространения сектантства.

– конец 1980-х – 2010-е гг.: этот этап характеризуется все возрастающим интересом к истории духовенства как самостоятельной области исследований, расширением понятийного аппарата, постепенной выработкой новых методов исследования, открытием новых тем в истории духовенства и рассмотрением истории духовенства отдельных епархий.

Первый период изучения церкви был открыт трудами общей направленности, охватывающими историю РПЦ от основания и до современного авторам периода, и начало ему положили работы представителей духовенства – в 1805 году митрополита Московского

Платона³ (в миру П. Г. Левшин), которого позже С. Г. Пушкарев назвал «зачинателем научной разработки истории Русской Православной Церкви»⁴, далее – Амвросия⁵, епископа Пензенского и Саратовского (до пострижения А. А. Орнатский), и Евгения, митрополита Киевского⁶ (Е. А. Болховитинов). К середине века был выпущен фундаментальный труд – «История Русской церкви»⁷ архиепископа Филарета (Гумилевского), который предложил теперь уже ставшую традиционной классификацию истории РПЦ. Работы этого периода претендовали на всеохватность и обширность, в них впервые предлагались периодизации истории Русской церкви, поднимались наиболее широкие проблемы истории церкви, проводился историографический обзор истории церкви. Целью этих работ выступало, с одной стороны, стремление заложить основу в изучении истории церкви и сформировать некие общие представления о российской церковной истории, с другой же – систематизировать накопленные разрозненные сведения с целью преподавания учащимся духовных учебных заведений. Тем не менее, поднимались отдельные проблемы религиозной жизни России, ставшие впоследствии «сквозными», устанавливались их исторические истоки – искалась «связь времен».

Профессор П. В. Знаменский заложил методологические основы исследования РПЦ и определил круг вопросов, которые должна освещать история Русской церкви. В своей работе⁸ ввиду обширных хронологических рамок (от крещения Руси и до начала XX века) исследования он уделил не слишком большое внимание XIX веку, однако дал точные и емкие характеристики религиозным течениям Российской империи, процессам, происходящим в среде монашествующих и «белого» духовенства, оценил

³ Митрополит Платон (Левшин). Краткая российская церковная история. Сергиев Посад, 2010.

⁴ Пушкарев С. Г. Историография русской православной церкви // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 5 (ЖМП). С. 67 – 79.

⁵ Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М., 1807 – 1815.

⁶ Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. СПб., 1827.

⁷ Филарет (Гумилевский). История Русской церкви. М., 1848 – 1859.

⁸ Знаменский П. В. История Русской церкви: учебное пособие. Сергиев Посад, 2006.

количественно состав духовенства, подсчитал число православных храмов на пространстве империи, проанализировал реформы XIX века, дал характеристику распространению православия в Сибири (в том числе краткий обзор деятельности Алтайской духовной миссии). Успехи в приобщении к православию униатов и представителей других ветвей христианства, также язычников и мусульман он связывал и с политическими причинами, и с процессами внутри самих общин, и с усердием православных миссионеров.

Другой церковный историк, Е. Е. Голубинский, в своей работе «История русской церкви»⁹, охватывающей период от X до середины XVI веков, дал представление о ходе христианизации и просвещения Руси, делая неутешительные выводы: христианство на Руси было исключительно обрядовым, без осмысленной веры, в допетровской Руси подлинного просвещения не существовало.

П. Н. Милюков в обширном труде «Очерки по истории русской культуры»¹⁰ поставил новый для периода вопрос: как сложилась духовная жизнь народа в рамках православия. Он проследил историю взаимодействия общества и церкви, мирян и духовных лиц. Касаясь одной из самых актуальных для его времени проблем – вопроса уровня образования и нравственности духовенства, – он отметил, что в период, когда митрополиты и значительная часть епископов была греками, присылаемыми прямо из Византии, уровень духовного образования был значительно выше, чем тогда, когда все духовенство стало русским, поскольку русское духовенство было куда менее подготовленным к делу учительства и пастырства¹¹. С этого периода «гораздо быстрее, чем поднимался уровень массы, падал ему навстречу уровень пастырей»¹². Однако к XVII веку «иноземный продукт акклиматизировался»¹³ – вера стала национальной. Затем, при активном

⁹ Голубинский Е. Е. Т. История русской церкви: в 2 т. М., 1880 – 1900. Т. 2.

¹⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 4 т. СПб., 1896 – 1903.

¹¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской ... Т 2. Ч. 1. С. 20 – 25.

¹² Милюков П. Н. Очерки по истории русской ... Т 2. Ч. 1. С. 26.

¹³ Там же.

желании духовенства, – вывел закономерность и объяснил проблему историк, – произошло сращение церкви и государственного аппарата, постепенное превращение духовного служения в ремесло, наследуемый род профессиональных занятий. Превращение духовного сословия в замкнутое и закрытое сопровождалось и «опусканием его на самый низ социальной лестницы»¹⁴. В этом трудном положении, когда духовные лица не имели возможности выхода в другие сословия, но при этом численность его строго контролировалась государством, сословие и вступило в XIX век. Но даже и реформа 1869 года не поменяла, по мнению исследователя, положения. Кроме того, автор дал обзор религиозным течениям от Раскола и до конца XIX века, выведя закономерность о различиях старообрядчества и сектантства: первое имеет опору в нижних и средних слоях населения, второе по преимуществу в среде интеллигенции, являясь результатом неудовлетворенной религиозной потребности. В работе также приведены общие статистические данные о переходе в православие представителей других религиозных течений, причем Милюков особой заслугой православных миссионеров в отношении, например, проповеди в среде представителей других христианских конфессий не видел, делая вывод о политических причинах такого приращения численности православных. К успехам миссионерской деятельности православного духовенства он относил только крещение коренных нехристианских народностей Сибири, и то часто под руководством не только религиозных причин, но в связи с материальными поощрениями и изменением политической обстановки в государстве. Автор коснулся вопросов церковной деятельности в период русских революций. Здесь Милюков видел неготовность церкви к общественным преобразованиям ввиду ее охранительной роли в предшествующий период, хотя и указал на отдельные попытки идти навстречу духу времени в виде отдельных течений в среде духовенства высших учебных заведений.

На протяжении всего XIX – начала XX вв. продолжается исследование

¹⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской ... Т 2. Ч. 1. С. 162.

отдельных периодов в истории РПЦ, поднимаются новые проблемы религиозной жизни в России: появляются работы о духовенстве как сословии, о его быте и материальном обеспечении, образовании и замкнутости внутри сословия, о взаимодействии пастыря и прихода, представителей иных религиозных конфессий. Большинство этих работ носит публицистический характер, яркую социально-полемическую окраску и имеет целью выразить взгляды авторов на современное состояние проблемы и пути к ее разрешению.

Так, в работе Д. И. Ростиславова «О православном белом и черном духовенстве в России»¹⁵, вышедшей в 1866 году, наряду с общими вопросами поднимаются нетипичные для исследователей церкви проблемы: о бедности духовенства и о доходах архиереев (Ростиславов большое внимание в работе уделяет источникам доходов как монашествующих, так и «белого» духовенства), о порочности сложившейся в России системы получения духовенством доходов. Так же проводится сравнительный анализ «белого» и «черного» духовенства на предмет получения первыми и вторыми наград, званий и иных поощрений, поднимается вопрос взаимной вражды между этими двумя группами духовных лиц, затрагиваются и психологические аспекты духовной службы (о «гордости, как типичном качестве монашествующих», о «фаворитах архиереев»). Результатом исследования становится вывод: «белое» духовенство исключено из общественной жизни, находится вне остальных сословий, что оно «не уважаемо», и что все это – результат искусственного процесса ограничения социально-политических прав духовенства как сословия.

П. В. Знаменский подробно рассматривает эволюцию духовенства как замкнутого сословия, изменение порядка избрания на духовные должности, мотивацию лиц, занимавших эти должности, гражданские права духовенства, способы его содержания, которых исторически сложилось два: на средства

¹⁵ Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. М., 2011.

казны и силами самих прихожан¹⁶.

Работа И. В. Преображенского «Исторические заслуги нашего духовенства перед престолом и отечеством»¹⁷ представляет собой пример официального взгляда на духовенство в конце XIX века, согласно которому основная роль духовенства заключается в решении вопросов образования, благотворительности и обеспечения «идеологического фона» в империи.

Касается положения и роли духовенства и Е. Е. Голубинский – в статье, озаглавленной «О реформе в быте в русской церкви», вышедшей впервые в 1913 году¹⁸, он затрагивает ряд остро стоящих вопросов церковной жизни: положение священника и его нравственный облик, круг обязанностей, состояние прихода, устройство церковного управления. Так же упоминает как общеизвестные факты обширность епархий и вытекающие из этого проблемы в управлении, трудности взаимодействия мирян с церковными правлениями (Консисториями), пороки церковных «властителей». Решение проблем Голубинский видит в возвращении «исконной» соборности, формированию мелких и очень мелких церковно-территориальных образований (городских и даже деревенских) взамен епархий – тем самым поддерживая усиление роли прихода.

Вопросом, еще более волновавшим исследователей, выступает духовное образование. Факт недостаточной образованности священнослужителей современники считали общеизвестным и не требующим доказательств¹⁹, поэтому весь полемический жар они направляли на обличение положения, сложившегося в духовном образовании. Такова работа священника И. С. Беллюстина, предоставившего немалый материал по церковному образованию²⁰. В своем сочинении «Очерк истории церковно-приходской

¹⁶ Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времен Петра. Казань, 1872.

¹⁷ Преображенский И. В. Исторические заслуги нашего духовенства перед престолом и отечеством. СПб., 1873.

¹⁸ Голубинский Е. Е. О реформе в быте в русской церкви. СПб., 1913.

¹⁹ На настоящий момент значительная часть исследователей отказалась от такого взгляда. Напр.: Б. Н. Миронов, апеллируя к статистическим данным, указывает на то, что духовенство как сословие по уровню образования не только не уступает, но в отдельные периоды и превосходит дворянство: Миронов Б. В. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XXв.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 101 – 102.

²⁰ Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1858.

школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени»²¹ С. И. Миропольский делает вывод о низком уровне подготовки в начальной школе, о малом внимании власти к процессам, в ней происходящим, о презрении власти к национальной народной школе, и о том, что реформирование школы производилось такими методами, которые делали невозможным создание системы образования, адекватной запросам общества к образованию широких его слоев, в том числе и будущих духовных лиц. Кроме того, о духовном образовании в конце XIX – начале XX века писали Б. В. Титлинов²², И. В. Преображенский, Н. Глубоковский. И. В. Преображенский в 1900 году выпускает работу «Духовенство и народное образование»²³ в ответ на статью «Земство и народное образование». Автор прослеживает динамику роста числа церковных школ и численности учащихся в них с момента возникновения в 1836 году и до конца XIX века, в периоды реформ и контрреформ. Он делает выводы о важнейшей роли духовенства в открытии этих школ, в их развитии и деятельности, в упадке же системы церковного образования винит вынужденное отстранение духовенства от дел народного образования, связанное с неопределенностью его полномочий в деле народного просвещения. В работе Глубоковского Н. Н. «По вопросам духовной школы средней и высшей и учебном комитете при Святейшем Синоде»²⁴ указывается: самим обществом пастырское служение воспринимается как профессиональная должность, а образование всего лишь необходимо для вхождения в «профессиональное сословие». Вопросам роли духовенства в народном образовании так же были посвящены работы В. Скалона²⁵, Ф. Благовидова²⁶, в целом очень высоко оценивавших вклад

²¹ Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб., 1894.

²² Титлинов Б. В. Духовная школа России в XIX столетии: Вып. 1. Время Комиссии Духовных Училищ. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вильна, 1908.

²³ Преображенский И. В. Духовенство и народное образование: По поводу сообщ., сдел. в Собр. экономистов г. Соколовым «Земство и нар. Образование». СПб., 1900.

²⁴ Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы средней и высшей и об Учебном комитете при Святейшем синоде. СПб., 1907.

²⁵ Скалон В. Духовенство и народная школа // Русская мысль. 1885. № 3. С. 155 – 180.

²⁶ Благовидов Ф. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра I. Казань, 1891.

духовенства в развитие народного образования.

Другим вопросом, волновавшим историков и общественных деятелей XIX – начала XX вв., был вопрос «кризиса прихода» и «упадка» приходской жизни. Православный приход рассматривался как низовая единица церковно-управленческой структуры, повсеместно констатировался «кризис прихода» и «недостатки», «омертвление» приходской жизни²⁷. Современники приходили к выводу: состояние прихода неудовлетворительно, что проявляется в совершенном отходе прихожан от дел церкви.

Весь описываемый период характеризуется слабым интересом к специфике религиозной жизни «на местах», в отдельных регионах. Большинство исследователей обращается к региональным особенностям лишь в отдельных случаях, преимущественно же ссылаясь на сведения о центральных епархиях Российской империи в целом. Однако постепенно в связи с епархиальными нуждами начинает возникать интерес к истории отдельных территорий²⁸, зарождается представление о том, что религиозная жизнь отдельных областей обладает своеобразием, которое в отношении Западной Сибири²⁹ пока видится в отдаленности, сложных природно-географических условиях и обширности территорий этих окраинных епархий.

Таким образом, в XIX – начале XX вв. предлагаются подходы к периодизации истории РПЦ, ставшие впоследствии традиционными, формируются основные направления дальнейших исследований, поднимаются центральные проблемы: особенности духовенства как сословия и его сословная история; взаимодействия духовенства и «мира» в приходах; роль духовенства в истории Российской империи; способы взаимодействия духовенства с «уклоняющимися» разных толков. Значительная часть работ

²⁷ Самарин А. Приход: в 3 ч. М., 1867 – 1868; Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900; Витте С. Ю. О Современном положении православной // Рус. мысль = La pensee russe. Париж, 1995. № 4070. С.1-11.; Коссович И. Земство, школа, приход. СПб., 1899; Рункевич С. Г. Новый опыт оживления приходской самодеятельности. СПб., 1914; и др.

²⁸ Попов Е. Великопермская и Пермская епархия (1379 – 1879). Пермь, 1879; Покровский И. М. Русские епархии в XIV – XIX вв., их открытие, состав и переделы: в 2 т. Казань, 1897 – 1913. Т. 2.

²⁹ Сулоцкий А. И. Сочинения: в 3 т. Тюмень, 2000 – 2001. Т. 3.

носит публицистический, острополюемический характер, достижение идейно-воспитательных, дидактических целей работ во многих случаях преобладает над целью формирования исторически достоверных описаний. К началу XX возникает интерес и к «религиозному климату» конкретных епархий, несколько выходящий за рамки сбора статистической информации и связанный с интересом к местной истории со стороны самих обитателей отдаленных епархий.

20 – 30 гг. XX в. в отечественной науке ознаменовались расколом историографической традиции – отныне историография истории РПЦ начинает делиться на историографию русской эмиграции и историографию советскую. Работы историков русской эмиграции продолжают историографическую традицию XIX – первого десятилетия XX вв. С. Н. Булгаков в работах «Церковь и культура»³⁰ (1906) и «Православие» (1925)³¹ говорит о тесной и взаимной связи государства и церкви в России, с одной стороны, обеспечившей православию господствующее положение к основной религии Российской империи, с другой – ставшей оковами для свободного развития православной церкви, естественного религиозного творчества. Кроме того, он отмечает, что церковь воспринимается обществом как обладающая «лишь функциями охранительными, консерватизмом предания», что она замкнута на храме и не влияет ни на развитие искусства, ни на социальную и научную мысль.

Еще один видный историк-эмигрант А. Карташев не склонен оценивать деятельность русской церкви исключительно отрицательно с позиции «русской отсталости»³². В тот же период С. Г. Пушкарев выпускает небольшую работу «Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности» (1938), в которой показывает, что на протяжении всего своего тысячелетнего пути в России церковь «не стремилась к захвату власти над государством, но и сама не обращалась в его безгласное и безвольное

³⁰ Булгаков С. Н. Церковь и культура // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906.

³¹ Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1911. 416 с.

³² Карташев А. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. М., 1997.

орудие»³³. В целом в работах «русской эмиграции» продолжают традиции дореволюционного периода, отличающиеся большим уважением к исследуемому объекту. Также как и дореволюционные историки, историки эмиграции почти полностью исключают из сферы интересов региональную церковную историю, мало интересуются духовенством как сословием.

Работ по вопросам истории православия, написанных советскими историками в 20 – 30 гг. XX в., не так много, что объясняется господствующей марксистско-ленинской идеологией указанного периода, для которой характерно отрицательное отношение к православной церкви, рассмотрение ее деятельности исключительно как реакционной, приравнивание интересов церкви к интересам государства. Православие как явление подлежало осуждению, такая позиция закладывалась трудами В. И. Ленина³⁴ и других деятелей революции. Историческая литература 1920 – 30-х гг. отличается агитационно-пропагандистским характером, ее научный уровень в сравнении с уровнем предыдущего периода низок, собственная методология исследования еще не наработана, а от сложившихся методов исследования авторы пытаются отказаться, при этом обладая узкой источниковой базой. Работы Е. Ф. Грекулова – «Нравы русского духовенства» (1928) и «Православная церковь в роли помещика и капиталиста» (1930)³⁵ – были направлены на «разоблачение» образа православного духовенства, раскрывая присущие ему пороки. А. Дмитриев³⁶ с высокой степенью эмоциональности выводит доказательства того, что «истинным лицом церкви» является лицо капиталиста и помещика.

Таким образом, на рубеже 20 – 30-х гг. XX вв. в советской науке история церкви исследуется с изначальной отрицательной установкой, однако дальнейшее ее изучение вносит значительный вклад в современные

³³ Пушкарев С. Г. Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности. Книгопечатная Пресса И. Почежевского, 1938. С. 55

³⁴ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 24 – 32.

³⁵ Грекулов Е. Ф. Нравы Русского духовенства. М., 2011; Грекулов Е. Ф. Православная церковь в роли помещика и капиталиста. М., 1930.

³⁶ Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России. М., 1931; Дмитриев А. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931.

представления о положении церкви и духовенства. Самым значительным трудом начала 30-х годов стала «История русской церкви» (1931) Н. М. Никольского³⁷, охватывающая очень значительный период – от крещения Руси до 1917 года. Выполненная в рамках новой, марксистско-ленинской, методологии, она рассматривает историю церкви совершенно с иных позиций – как одну из «надстроек» в рамках конкретного исторического периода. Несколько разделов работы посвящены сектантству и старообрядчеству, феномен которых понимается с экономической точки зрения как один из способов возникновения «кулачества», буржуазии и способ эксплуатации через сектантское общество. Уделяет автор внимание и вопросу материального положения приходского духовенства, определяет источники его доходов, объемы и способы обеспечения на местах, обрисовывает картины быта. Констатирует, что замкнутость духовного сословия в пореформенный и предреволюционный периоды изжитая не была, однако подробно на изменении положения духовенства не останавливается.

В 1930 – начале 1980 гг. продолжают исследования советских историков в том же ключе – доказывалась полная зависимость церкви от государства, подчеркивалась замкнутость сословия, не ликвидированная и в пореформенный период (Е. Ф. Грекулов, С. С. Дмитриев, А. М. Самсонов). Так, в работе А. М. Самсонова доказывался антинародный характер деятельности церкви, ее активная роль в закабалении крестьянства³⁸. Е. Ф. Грекулов пишет работу под красноречивым названием «Православная церковь – враг просвещения», где указывает: «Церковь в союзе с самодержавием выступала в роли неистового гонителя просвещения народных масс, в роли рассадника невежества и самой темной идеологической реакции»³⁹. Чуть позже выходит работа того же автора под названием «Православная инквизиция в России»⁴⁰. Наконец, значительным

³⁷ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1985.

³⁸ Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М., 1955.

³⁹ Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962. С. 5.

⁴⁰ Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964.

событием в советской церковной историографии становится работа Д. Е. Мануйловой, в которой автор, продолжая традиционную тему о связи государстве и церкви, тем не менее опровергает представление о том, что духовенство окончательно перешло в категорию государственного чиновничества⁴¹. Характерной чертой исследований советских историков 1940 – 1980-х гг. был значительный интерес к материальной стороне деятельности православной церкви, ими были собраны статистические данные по церковному землевладению, доходам церквей и монастырей.

Продолжают изучение истории РПЦ исследователи русской эмиграции. Н. Д. Тальберг⁴² затрагивает вопросы духовного просвещения, образования и распространения сектантства, дает обзор религиозных течений XIX – начала XX вв.

Начало нового периода в изучении церковной истории отечественными историками относится к концу 80-х гг. XX в., когда с одной стороны отечественным исследователям стали доступны результаты исследований зарубежных коллег, с другой – произошел поворот в отношении к церковной истории, зафиксированный коллективной монографией «Русское православие: вехи истории».⁴³ Несмотря на использование в монографии прежнего методологического подхода, заявляется новая цель исследования: «разработка подходов к такому изучению истории церкви, которое соответствовало бы уровню современного исследования других областей отечественной истории и одновременно обеспечивало бы творческими идеями и конкретно-историческим материалом дальнейшее систематическое изучение истории церкви⁴⁴». В поле внимания исследователей попали четыре области жизнедеятельности церкви – миссионерство, цензурная политика, землевладение и народные противоцерковные движения. Авторы «стремились очистить историческую действительность от искажений,

⁴¹ Мануйлова Д. Е. Церковь как социальный институт. М., 1978.

⁴² Тальберг Н. Д. История Русской церкви. Джорданвилль, 1959.

⁴³ Русское православие: вехи истории. М., 1989.

⁴⁴ Там же ... С. 6

поверхностных суждений и нарочито «обличительной» тональности».⁴⁵

Сложившаяся «новая историческая наука» значительно расширила «предмет, проблематику и методы исторического исследования, были разработаны новые, более эффективные приемы анализа исторических источников, введено в оборот множество исторических фактов»⁴⁶. Междисциплинарность нового подхода привела к выделению «новой социальной истории», которая от исследования политических и экономических событий прошлого перешла к исследованию людей, которые эти события формировали. Изучение народных масс повлекло за собой «антропологический поворот в истории». На первый план выдвинулись исследования в области ментальности, ценностей и способов поведения – сформировалось социально-культурное направление в истории. Горизонт исследования резко расширился, и новая тематика исследований привела к значительному обогащению отечественной науки.

С этого момента в науке возникает и все возрастает интерес к ранее мало или совершенно не изученным вопросам истории церкви с позиций новых методологических подходов: социальному и материальному положению духовенства, а не только доходам церкви, уровню народной религиозности, практикам сакрализации самодержавия, взаимосвязи слабости развития свободы личности и бессилием духовенства в защите христианских ценностей. Выходит несколько работ, заложивших методологическую основу для дальнейших исследований истории православного духовенства: «Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие» Б. Н. Миронова⁴⁷, где автор касается, в том числе, материального и социального положения белого духовенства городов, позже – его фундаментальный труд «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи,

⁴⁵ Русское православие ... С. 7.

⁴⁶ Репина Л. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. С. 167.

⁴⁷ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М., 1990

гражданского общества и правового государства»⁴⁸, где автор под углом социальной истории исследует длинные и средние временные промежутки российской истории. Б. Н. Миронов рассматривает становление духовенства как сословия, на основе широкого круга источников собирает наиболее общую статистическую информацию о нем – численность, уровень образования, уровень доходов. Делает немаловажный для данного диссертационного исследования вывод о низком социальном статусе духовенства, помешавшем притоку в сословие из иных сословий, затруднивший превращение сословия в профессиональную группу.

В работе «Сибирская приходская община в XVIII в.» Н. Д. Зольникова⁴⁹ рассматривает внутреннюю жизнь сибирской приходской общины, ее сословный и социальный состав, функции, народные представления об идеале пастыря.

Последующие годы характеризуются все большим увеличением числа работ и переводом на русский язык уже имеющихся исследований по данной тематике, и, что важно, появлением работ не по истории Церкви в целом, а истории духовенства как сословия. Активно защищались и защищаются многочисленные диссертационные работы⁵⁰, касающиеся положения духовенства разных епархий, публикуются монографии. Среди них для темы

⁴⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999.

⁴⁹ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. М., 1990.

⁵⁰ Ершова Н. А. Приходское духовенство Петербургские епархии в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1992; Есипова В. А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX века: На материалах Томской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 1996; Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI – нач. XVIII вв.: По материалам центральных уездов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1999; Кузнецов А. М. Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций: XVIII – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2000; Савицкая О. Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905 – 1914 гг.: По материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград, 2001; Бабушкина О. Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курган, 2002; Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Йошкар-Ола, 2003; Евдокимова А. Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2004; Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2006; Мухин И. Н. приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: По материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2006; Белова Н. В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2008; Пономарев М. В. Политическая культура православного духовенства России в 1917 – 1930-е гг.: центр и провинция: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград, 2010.

данного исследования важнейшие – монография Т. Г. Леонтьевой «Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX в.»⁵¹; Конюченко А. И. «Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века»⁵²; Скутнева А. В. «Православное духовенство на закате империи»⁵³.

В работе Т. Г. Леонтьевой, написанной на материалах Тверской епархии, ставится задача раскрытия потенциала и роли духовенства в условиях модернизации. Рассматривая численный состав, материальное положение, взаимоотношение внутри церковной иерархии, уровень и формы образования духовенства, определяя объем и содержание функций, сферу общения и взаимодействия с паствой, политические взгляды духовенства, исследователь делает вывод о том, что традиционалистскому большинству для перехода к жизни в рыночно-индустриальном обществе необходима была серьезная и плавная подготовка, которую могло обеспечить только сельское духовенство, которое, однако, такую роль сыграть не смогло по многим причинам, в том числе связанным с политикой государства в отношении этого «самого послушного» сословия⁵⁴.

В докторской диссертации А. И. Конюченко применен междисциплинарный подход, духовенство рассматривается с позиций теории модернизации при использовании методов истории повседневности, социологии, в аксиологическом контексте. Исследователь фиксирует значительные изменения в составе, численности, мобильности духовенства в изучаемый период, говорит о происходящей переориентации на казенное жалование среди приходского духовенства, его полиэтничности. Исследуя социальный состав духовенства, А. И. Конюченко указывает на то, что белое духовенство действительно продолжает оставаться замкнутым сословием, однако среди духовенства монашествующего удельный вес остается за

⁵¹ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... М., 2002.

⁵² Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2006.

⁵³ Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи: монография. Киров, 2012.

⁵⁴ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 244.

выходцами из крестьянства. Говоря о роли духовенства в модернизационных процессах, он указывает, что духовенство достаточно полно восприняло свою роль в подготовке паствы к социальным изменениям и в меру сил реализовывало поставленные временем задачи, однако его возможности были сильно ограничены кругом задач, которые находились в ведении государства. На примере Вятской епархии А. В. Скутнев⁵⁵ рассматривает жизнь вятской епархиальной глубинки, последовательно раскрывая все этапы становления духовного лица – от обучения до деятельности в приходе, не исключая и раскрытия пороков, распространенных в духовном сословии.

Значительный интерес представляет диссертация Ю. И. Белоноговой «Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир», в которой подробно рассмотрена взаимосвязь духовенства и «крестьянского мира», их представлений о собственном статусе, об отношении к вере, к церковноприходской жизни. Автор делает выводы о сохраняющейся фактической замкнутости сословия, о перегруженности его, кроме пастырских, еще и чиновническими обязанностями, констатирует более высокий уровень образования духовенства в сравнении с крестьянством, устанавливает конфликтность приходской среды, связанную с низким материальным обеспечением духовенства и материальной зависимостью от приходской общины, указывает на ухудшающиеся взаимоотношения между крестьянством и духовенством.

В то же время активно ведутся исследования, касающиеся отдельных сторон жизни православного духовенства: семинарского быта⁵⁶, деятельности женщин духовного сословия, быта духовенства⁵⁷; практик взаимодействия священника и больного⁵⁸; участия духовенства в деятельности

⁵⁵ Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

⁵⁶ Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170 – 178.

⁵⁷ Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Тверь, 1999. С. 47 – 58; Она же. Быт приходского православного духовенства в пореформенной России (по дневниковым записям и мемуарам) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 28–49.

⁵⁸ Макарова В. Ю. Священник и больной // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. 2002. Вып. 2. С. 131 – 169.

Государственных Дум⁵⁹; образа жизни духовенства⁶⁰. Исследование образа жизни духовенства городов Восточной Сибири выявило его приближенность к образу жизни городской интеллигенции, за исключением налагаемых саном ограничений. Акцентируется внимание на особой культурно-просветительской роли городского духовенства, связанной с его высоким (в сравнении с непривилегированными сословиями) уровнем образования, участии в этнографической, языковедческой, историко-кредедческой и иной научной деятельности духовенства. Указывается на преимущественную экзогамность священнических браков, на особые требования к формам поведения духовных лиц.

Отдельное исследование посвящено повседневной жизни приходского духовенства провинциальной России (на примере Курской епархии)⁶¹. В работе констатируется значительная материальная зависимость клириков от прихожан, значительный объем возложенных на них государственно-учетных функций, ослабевание влияния духовенства на мировоззрение паствы.

Исследования региональной истории последних десятилетий тоже отличаются значительным своеобразием, открытием новых тем в истории Сибири и Дальнего Востока: исследованы положение православной церкви в Восточной Сибири, образ жизни духовенства городов Восточной Сибири, миссионерская деятельность в Забайкалье⁶². Началось исследование истории отдельных епархий и церковных миссий: в 1996 году В. А. Есиповой была защищена диссертационная работа «Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX века (на материалах Томской епархии)»⁶³, в которой автор поставил целью проследить

⁵⁹ Ивакин Г. А. Православное духовенство в Государственных думах Российской империи: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2006.

⁶⁰ Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2005.

⁶¹ Калашников Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2011.

⁶² Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2005; Санников А. П., Дулов А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. II. Иркутск, 2006. 319 с.

⁶³ Есипова В. А. Приходское духовенство Западной Сибири ... Томск, 1996.

влияние государственной политики на положение приходского духовенства Томской епархии, этот же исследователь дает характеристику одному из источников по личному составу духовенства – ставленническим делам диаконов⁶⁴; А. М. Адаменко было защищено диссертационное исследование приходов юга Западной Сибири в XVII – XX веках⁶⁵; В. А. Овчинниковым исследуются монастыри, архиерейские дома и женские общины Томской епархии⁶⁶; О. Н. Устьянцевой проведено исследование Томской епархии в конце XIX – начале XX вв., в котором автор освещает вопросы территориально-административного деления епархии, клирового состава духовенства, формы его участия в общественной жизни епархии⁶⁷. Исследователь констатирует отсутствие какой бы то ни было самостоятельности епархиальных властей, полную зависимость от общего российского законодательства, отсутствие учета центральным церковным начальством особенностей управления окраинными епархиями. Наблюдаются и типично сибирские особенности религиозной среды: большая отдаленность приходов, большое количество прихожан и недостаточное число богослужбных заведений, дефицит кадров. Е. В. Караваева рассматривает отдельный аспект деятельности духовных лиц Томской епархии – санитарно-просветительную и медицинскую деятельность. Автор отмечает значительную роль духовенства в устройстве больниц и богаделен, санитарно-медицинском просвещении прихожан⁶⁸.

Тобольской епархии посвящены работы, касающиеся деятельности общественно-религиозных организаций, сословных проблем и уровня

⁶⁴ Есипова В. А. Ставленнические дела священников и диаконов Томской епархии второй половины XIX в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 161 – 173.

⁶⁵ Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 1998.

⁶⁶ Овчинников В. А. Православные монастыри, архиерейские дома и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2002.

⁶⁷ Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2003.

⁶⁸ Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в.: По материалам Томской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2011.

образования духовенства епархии, истории тобольских монастырей⁶⁹.

Наиболее изученной на настоящий момент является деятельность Алтайской духовной миссии. Это связано с особым интересом к миссии, считавшейся в конце XIX образцовой. Она привлекала и привлекает внимание историков значительной источниковой базой, содержащей как документы делопроизводственного, так и мемуарного характера (последние для духовенства Сибири – не самый распространенный источник). Проанализированы источники исследования ее деятельности, структура и деятельность, исследованы роль Алтайской духовной миссии в колонизации Горного Алтая, взаимоотношения миссионеров со старообрядцами и язычниками, деятельность походных храмов миссии, ее монастырей, мемуары деятелей миссии⁷⁰.

История создания Омской епархии, омских храмов⁷¹ так же становились объектом исследований. В 2008 вышла работа С. В. Голубцова «История Омской епархии: Образование Омской епархии. Предстоятельство Преосвященного Григория на Омской кафедре (1895 – 1900 гг.)»⁷². В этой работе автором были введены в оборот источники по истории епархии, проанализированы структуры управления епархией.

⁶⁹ Макарьева Е. Б. Словесные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половине XIX в.: По материалам Тобольской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2001; Щербич С. Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX вв. Опыт социокультурного исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тюмень, 2001; Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2003.

⁷⁰ Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 173; Лысенко Ю. А. «Отчеты Алтайской и Киргизской духовной миссии» как источник по истории миссионерской деятельности русской православной церкви в Казахстане в колониальный период // Макарьевские чтения. 2006. Горно-Алтайск, 2006; Крейдун Г. Источники по истории Алтайской духовной миссии // XV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Том II. С. 21 – 32; Крейдун Г. Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 годы: структура и деятельность. М., 2006; Крейдун Ю. Походные храмы Алтайской духовной миссии. Антропологический форум. № 14. Online. С. 116 – 126; Тарасова Н. В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на Алтае в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Горно-Алтайск, 2002; Храпова Н.Ю. Место и роль Алтайской духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828 – 1905): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 1989; Иванов К. Ю. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы (по миссионерским отчетам) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 233 – 234; Адлыкова А. П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Горно-Алтайск, 2003.

⁷¹ Лебедева Н. И. Памятники культового зодчества в динамике культурно-исторических реалий XX века: На материалах Омского Прииртышья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2000

⁷² Голубцов С. В. История Омской епархии: Образование Омской епархии. Предстоятельство Преосвященного Григория на Омской кафедре (1895 – 1900 гг.). Омск, 2008.

Исследованию идеала священника-миссионера Сибири посвящена работа Н. А. Лысенко. Автор указывает, что данный идеал включал в себя в себя «физические (здоровье, сила, выносливость), духовные (смирение, терпение, готовность к страданию, любовь к тем, кому проповедовали) и профессиональные качества (владение языком аборигенов, ведение документации), обусловленные специальными инструкциями, а также самими миссионерами, реализующими эти рекомендации на практике»⁷³. Затрагивает вопросы материального положения, образования, общественной деятельности духовенства в Западной Сибири и Ю. В. Дружинина⁷⁴. Рассматривая духовенство, она отмечает, что священнослужители были самой многочисленной профессиональной группой в сельской интеллигенции, указывает на роль духовенства в религиозно-нравственном просвещении населения, касается представлений прихожан о сельских пастырях.

Значительный интерес история русской церкви, православия и духовенства вызывает и у зарубежных исследователей. «Американская русистика и российская историческая наука связаны генетическим родством», – указывается в предисловии к сборнику «Американская русистика»⁷⁵. В настоящий момент в зарубежной историографии в рамках изучения истории России сложилась традиция изучения явлений русской церкви и русской религиозности.

Так, Р. Пайпс, долгие годы занимавшийся изучением проблем русской революции, касаясь русского православия, констатирует: «Несмотря на всю свою крайнюю потусторонность, православие в России было необычайно озабочено вполне посюсторонним делом борьбы за выживание. В действительной жизни оно оказалось куда бездуховнее, чем религии типа

⁷³ Лысенко Н. А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2015. С.47.

⁷⁴ Дружинина Ю. В. Сельская интеллигенция Западной Сибири в конце XIX – начале XX века: процессы формирования и социальная активность: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2014.

⁷⁵ Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 8.

иудаизма и протестантизма, которые учат, что участие в мирских делах является неотъемлемым атрибутом религиозного служения»⁷⁶. Оценивая степень зависимости РПЦ от государства на протяжении всей истории Российской империи, исследователь говорит: «В конце концов она перестала быть полнокровным самостоятельным учреждением и позволила превратить себя в обыкновенный отросток государственной бюрократии... У нее не было ничего своего, и она до такой степени отождествила себя с монархией, что, когда последняя рухнула, церковь пала вместе с нею»⁷⁷. Р. Пайпс склонен описывать положение духовенства в Российской империи в негативных тонах, указывая на низкую образованность, неспособность оказывать серьезное влияние на духовную жизнь общества, крайнюю замкнутость и консерватизм сословия.

Грегори Фриз, занимающийся вопросами истории прихода, сместил фокус своих исследований с изучения Церкви и прихода как институтов⁷⁸ на изучение прихода как совокупности верующих, а также «народного православия», религиозных практик и роли верующих в России (Г. Л. Фриз рассматривает период начала – середины XX в.). В частности, рассматривая практики легитимации власти через массовую канонизацию в предреволюционные десятилетия, он ищет истоки революции в культурной ситуации начала XX в.⁷⁹, исследует практики «приходской церкви» в советский период, обращая внимание не на «генералов», а на «рядовых»⁸⁰. Процесс перехода сословия в профессиональную группу Г. Фриз относит к периоду 1920-х гг., указывая, что советской власти понадобилось всего несколько лет на то, чего не смогли достичь почти за половину столетия реформаторы XIX века. Оценивая источники доходов дореволюционного

⁷⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2012. С. 293.

⁷⁷ Там же. С. 293 – 294.

⁷⁸ Freeze Gregory L. The Parish Clergy In Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1983.

⁷⁹ Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. СПб., 1992. С. 107.

⁸⁰ Фриз Л. Г. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство. Религия. Церковь. № 3 – 4. С. 88.

духовенства центральных епархий, Фриз указывает на значительную зависимость священника от прихода в материальном смысле, когда священник вынужден самостоятельно собирать свое жалование у паствы. И хотя Фриз указывает и на другие источники доходов причта (церковное землевладение, государственные субсидии, арендованные дома), роль их он оценивает как малозначительную. Здесь прослеживается важное для объекта данного исследования отличие – священники сибирских епархий были обеспечены казенным жалованием значительно лучше своих «коллег» из Европейской России.

Л. Манчестер в работе «Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia And The Modern Self In Revolutionary» ставит необычную задачу: изучение коллективного сознания поповичей – сыновей священников, пополнивших ряды светской интеллигенции 1860-х – 1910 гг.⁸¹. По источникам автобиографического характера (дневники, письма, воспоминания) Л. Манчестер реконструирует коллективную память поповичей как некоего воображаемого сообщества или искусственной среды, связанных только одной чертой – их отцы были духовными лицами. Выводы исследовательницы о наличии общего в представлениях поповичей целого столетия не бесспорны, однако достаточно новы и указывают на важный аспект представлений поповичей о себе как о «людях нового типа», которые должны изменить общество⁸². Кроме того, Л. Манчестер указывает, что из всех сословий в Российской империи именно духовенство было самым закрытым и напоминавшим касту даже в XX столетии. Также она говорит о социальных стереотипах, характерных для поповичей. Эти стереотипы, по ее мнению, восходят к заданным церковью представлениям о «сословных грехах», позиционировании себя как «истинно русских», в отличие от «западной интеллигенции»; говорит о профессионализации поповичей, о тех областях, в которых они реализовывали свою «роль» пастырского служения –

⁸¹ Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia And The Modern Self In Revolutionary. Northern Press, 2008.

⁸² Manchester L. Holy Fathers ... С. 43.

земские учителя, врачи. Исследовательница указывает на большое значение для поповичей понятия «спасения» и формах его достижения, о том, что формальный выход из сословия не означал перерыва в сословной самоидентификации.

Дж. Хедда в работе «His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia»⁸³ рассматривает не только формирование священнической идентичности в ее модернизированном варианте, но и профессионализацию духовного сословия в промежутке между периодом Великих реформ и 1917 годом на примере петербургского духовенства. Она обращает внимание на пересмотр роли духовенства в указанный период в связи с ростом конкуренции в духовной сфере со стороны католичества, евангелизма, старообрядчества, спиритизма и других популярных течений. Значительное внимание исследовательница обращает и на политическую активность духовенства, указывая на двойственное отношение к участию в политической деятельности, как к деятельности необходимой, но неизбежно «грязной»; обращает внимание на существование в сознании духовенства социально-утопического конструкта – «Царства Божиего на земле», исходя из представлений о котором духовенство и осуществляло свою общественно-политическую деятельность.

Таким образом, российское духовенство в конце XIX – начале XX веков вызывало значительный интерес историков. Оно исследуется и в рамках региональной истории и рамках истории церкви. Даны его количественные и качественные характеристики; рассмотрены правовые аспекты положения духовенства, его материальное положение, уровень грамотности, способы вхождения и выхода из сословия и иные социально-правовые особенности в рамках отдельных регионов. В последние десятилетия появились и новые направления: духовенство рассматривается в рамках культурной и социальной истории, изучаются его социокультурные характеристики,

⁸³ Hedda J. His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008.

вопросы его идентичности, стратегии взаимодействия с «миром». Однако социокультурные характеристики и сословно-региональная идентичность духовенства Западной Сибири не становились предметом целостного исследования.

Так же и православная церковь России исследуется и в целом, и как историко-культурный феномен, и в отдельных аспектах: отношения между церковью и государством, между обществом и церковью. Историки обратили внимание на объекты, ранее практически не подвергавшиеся изучению: быт духовного сословия и устройство прихода, взаимодействие приходского духовенства и крестьянского «мира», политическую, социально-просветительскую, каритативную деятельность духовенства, влияние модернизационных процессов на духовное сословие, особенности быта и деятельности отдельных групп духовных лиц – военного и морского, городского и сельского духовенства. Среди всех исторических периодов значительный интерес вызывает именно синодальный (1700 – 1917 гг.), что объясняется, с одной стороны, обширностью его источниковой базы – бюрократизация церковной деятельности формирует целые массивы церковной документации, с другой – процессами трансформации сословия, происходившими в этот период.⁸⁴

Настоящий период изучения сторон православной жизни России характеризуется большим интересом к накоплению фактического материала, чем к обобщениям и выведению закономерностей: «общей работы по комплексному изучению духовного сословия нигде не ведется»⁸⁵. Перед исследователями встает множество проблем методологического характера: организация понятийного аппарата, методы изучения, возможность применения методов исследования иных сословий к духовенству.

Однако, вероятно, эти проблемы не могут быть решены без тщательного изучения всего религиозного пространства Российской империи, в рамках,

⁸⁴ Мангилева А. В. Современная историография истории духовного сословия в России XIX – начала XX вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 135

⁸⁵ Там же ... С. 136.

прежде всего, истории Русской православной церкви, региональной церковной истории и истории приходского духовенства.

В связи с этим, **цель** диссертационного исследования – выявить основные характеристики социокультурного облика православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Задачи:

1) определить социальные и региональные источники формирования православного духовенства в Западной Сибири;

2) охарактеризовать правовое и материальное положение православного духовенства в Западной Сибири как социальной группы;

3) установить основные направления и специфику деятельности православного духовенства, формы его взаимодействия с «миром» в условиях сибирского фронта;

4) выявить структуру социокультурных представлений и факторы формирования социальной идентичности православного духовенства в Западной Сибири;

5) установить особенности региональной идентичности духовенства в Западной Сибири;

6) раскрыть содержание основных социокультурных представлений (о жизни и смерти, семье и браке, власти и обществе), определивших характер идентификации и стратегии поведения духовенства в Западной Сибири.

Объектом исследования выступает православное духовенство западносибирских епархий конца XIX – начала XX вв.

Предмет исследования: социокультурный облик духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Под социокультурным обликом в данной работе понимаются социальный состав, материальное и правовое положение, уровень образования, поведенческие стратегии и представления изучаемой социальной группы.

Хронологические рамки исследования: конец 1880-х гг. XIX вв. – 1917

г. Нижняя хронологическая граница, формально определенная как период начала массовых переселений в Сибирь, связанных со строительством Транссибирской железной дороги, обусловлена процессами, происходившими в указанный период на территории Российской империи в целом и в Западной Сибири в частности: духовная трансформация социума проявлялась в постепенном отходе от ценностей традиционного общества, социальная трансформация заключалась в повышении мобильности и размывании границ сословий; к концу XIX века секуляризация массового сознания проявилась в «кризисе приходов», что сделало положение духовенства сложным, неоднозначным, поставило перед ним совершенно новые задачи. Кроме того, последнее десятилетие XIX века ознаменовалось изменением административно-территориального деления сибирских епархий – в 1895 году из состава Тобольской и Томской епархий была выделена новая, Омская, что оказало значительное влияние на положение местного духовенства: формировались новые благочиния, приходы, штаты, изменялась подчиненность старых – внутреннее церковное устройство пришло в движение. Новые приходы формировались в местах, прежде неосвоенных, диких, удаленных, что влияло на служение в таких приходах. Священнослужители сталкивались с необходимостью постановки богослужебного и миссионерского дела в условиях активных переселений, Верхняя хронологическая граница исследования определена коренными изменениями, произошедшими в России в 1917 г. и превратившими духовенство из обладающего собственным правовым статусом сословия в лишенную юридического статуса, подвергаемую гонениям группу.

Территориальные рамки исследования. В Западной Сибири, согласно церковному делению, с 1895 г. существовали три епархии – Тобольская, Томская и Омская, а также Алтайская и Киргизская миссии. Омская епархия частично располагалась на территориях Тобольской и Томской губернии, а также Акмолинской и Семипалатинской областей и, таким образом, государственное административно-территориальное деление и деление

церковное не совпадали в границах. Мы будем учитывать церковно-административное деление и рассматривать духовенство Тобольской, Омской и Томской епархий, а также подчиненных им миссий – Алтайской и Киргизской.

В рамках этих трех епархий и подчиненных миссий располагались территории, крайне неоднородные по плотности населения и природно-географическим условиям. В городах плотность населения была максимальна, а расстояние между приходами – минимально, однако значительная часть священнослужителей осуществляла свою деятельность в условиях отдаленных, слабо обеспеченных в материальном смысле окраинных приходов – в зонах, где христианству еще только предстояло укорениться, либо где процесс служения был сопряжен с особыми природно-географическими сложностями. Это были окраинные, только осваиваемые территории епархий, сосредоточенные в районе прокладки Транссибирской магистрали, где процессы переселений и церковного строительства шли одновременно – зоны, которые можно было бы назвать «фронтирными» для священнослужителя.

Методология диссертационного исследования основана на принципах системности и историзма – все факты и явления рассматриваются во взаимосвязи и развитии, с учетом специфики изучаемой исторической эпохи.

Работа выполнена в рамках новой социальной истории, исторической антропологии и социокультурной истории. С позиции новой социальной истории изучаемый объект рассматривается «через человека»: духовенство исследуется не только в целом как социальная группа, но и с учетом индивидуальностей отдельных представителей сословия в конкретных жизненных ситуациях. Методы исторической антропологии предполагают взгляд на происходящее с позиции его участников, рассмотрение повседневных социальных практик духовенства. Применение методов социокультурной истории предполагает изучение взаимовлияние социокультурной среды и представлений индивида во взаимосвязи со

стратегиями его поведения, также деятельность и представления духовенства рассматриваются с учетом социокультурных особенностей территорий Западной Сибири.

В центре внимания исследования социокультурный облик духовенства в его поведенческих практиках и практиках адаптации к сложным условиям среды, заданной спецификой «сибирского фронта». Устоявшее определение термина «социокультурный облик» отсутствует, однако традиционно в него включают социально-экономическую, социально-правовую и социально-психологическую составляющие⁸⁶. Исследователи социокультурного облика отдельных групп обращают внимание на социальный статус, образовательный и культурный уровень, поведенческие стратегии и стиль жизни изучаемых групп⁸⁷.

Основной для работы выступает проблема социальной идентичности, предмет исследований психологии, социологии, философии и истории. В зависимости от того, что является объектом изучения конкретной научной отрасли, «социальная идентичность», механизмы её формирования и трансформации понимаются по-разному. Сторонники психологического подхода, основываясь на ее определении Э. Эриксона как «результата переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной группе посредством противопоставления существованию других групп»⁸⁸ – в центре внимания исследователей находится отдельная личность с ее «жизненной траекторией», определившей идентичность. Данное представление является самым общим, в трактуемом затем в рамках психологических школ с той или иной степенью своеобразия. В социологии выделяют функционализм и структурный функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсон), символический интеракционизм (Ч. Кули, Э. Гоффман),

⁸⁶ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2010. С.6 – 7.

⁸⁷ Фролова Т. А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2006.

⁸⁸ По: Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ, 2005. 1(45) Серия: Психология. С. 14.

социальный конструктивизм (П. Бергер и Т. Лукман), интегративный подход (П. Бурдье, Э. Гидденс)⁸⁹. При всех отличиях, эти подходы объясняют деятельность индивида через его принадлежность к группе: «Индивид А совершает действие Б, поскольку он – часть группы В; А не совершил бы действие Б, не будь он частью группы В»⁹⁰. Философия постструктурализма затрагивает вопрос идентичности через фигуру «автора», который является «посредником дискурсивной игры»: «Индивид А совершает действие Б, потому что он – часть группы В; Сознание А – это совокупность ментальных схем восприятия, культурных «следов». Нет смысла говорить о сознании индивидуальном. Есть смысл говорить о моделях субъективности, воспроизводимых группой В в той или иной социокультурной среде»⁹¹.

Согласно теории рационального выбора (Дж. Цебелис, М. Фармер) социальная структура есть результат действий отдельных индивидов, поэтому поведение индивида определяется рациональностью его поступков – степенью стремления к достижению личной выгоды. Область идентичности предполагает набор индивидуальных желаний и убеждений⁹². Таким образом, подходы к социальной идентичности, сформированные в рамках психологии, социологии и философии, разделяются на те, которые в ее основу ставят индивида с его уникальностью, и те, которые считают индивидуальное результатом социального воздействия группы. В данном исследовании мы будем исходить из представления о том, что индивидуальное в духовном сословии есть преимущественно результат социального воздействия группы, а формами проявления идентичности выступают убеждения, представления о мире и о своем месте в нем, «поступки», которые заданы представлением о принадлежности к той или иной группе. В данном исследовании используется понятие идентичности,

⁸⁹ Хвьяля-Олинтер Н. А. Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа: автореф. дис. канд. социол. наук: 22.00.01. М., 2010.

⁹⁰ Давыдов Д. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Социологическое обозрение. Т. 11. 2012. № 2. С. 132.

⁹¹ Давыдов Д. Социальная идентичность ... С. 138.

⁹² Там же. С. 140.

которое рассматривается как «охватывающее и субъективные представления, и личную деятельность, и сословно-региональные особенности изучаемого сословия»⁹³.

Кроме того, социальную идентичность принято понимать в рамках национальной, территориальной, культурной, этнических принадлежностей. В частности, принято говорить об идентичности «сибиряков», «русских», о традиционной и модерновой моделях самоидентификации – исследование затрагивает преимущественно вопросы сословной и региональной идентичности. Одной из предпосылок работы выступает представление, что социальная идентичность духовенства Западной Сибири в изучаемый период находится в стадии формирования, что обусловлено территориальными особенностями сибирских епархий, активными переселениями, этноконфессиональным составом сибиряков. Особенности формирующейся новой идентичности священнослужителя-«сибиряка» рассмотрены через представления духовенства о Сибири как месте «дикости», «мглы»; о смерти, рождении, брачной жизни и роли священнослужителя в общественно-политической жизни региона.

Согласно теории Ф. Дж. Тернера, которая получила новое звучание и наполнение в контексте сибирской истории, в данной работе «сибирский фронтир» рассматривается вслед за А. Д. Агеевым как «понятие географическое, экономическое, социальное, правовое, но также и политическое. Фронтир – это физическое перемещение человека, уже привыкшего к гражданскому состоянию, в условия состояния естественного»⁹⁴; учитывается мнение Н. Замятиной о том, что фронтир – «это зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями»⁹⁵. На основании имеющихся данных

⁹³ Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-н/Д., 1999. С. 3 – 4.

⁹⁴ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.

⁹⁵ Замятина (Белаш) Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 76.

делается предположение о «религиозном фронтире» с учетом специфики деятельности священнослужителя: для него фронтиром должны представляться территории, на которых христианству еще только предстоит укорениться – то есть новообразованные поселки с молодыми церквями (или даже вообще без церквей), а также старосельческие малые поселки с низким уровнем религиозной активности и значительным «уклонением в ереси». Таким образом, для данного исследования религиозный фронт – это не столько области, осваиваемые впервые, но прежде всего области с преобладающим неправославным (в том числе и «сектантским») населением, где основной задачей священника становится борьба с «дикостью, невежеством, нецивилизованностью», «ересями» не только в общем, но и в узко-религиозном смысле, и, таким образом, «фронтирными» для священнослужителя могут выступать и территории, не располагающиеся непосредственно на географическом «приграничье», а также территории, освоенные достаточно давно, однако по каким-то причинам ранее не охваченные религиозным просвещением в достаточной степени.

В диссертации учитываются также положения «новой имперской истории»⁹⁶. В работе рассматриваются процессы внутренней колонизации⁹⁷, находившие отражение во взаимодействии центральной и местной власти и священнослужителя, в наделении его широким кругом обязанностей, имевших малую связь с его духовной службой, но ставивших духовное лицо в роль посредника между властью и прихожанами. Также в рамках «имперского опыта» анализируется «столкновение с различиями»⁹⁸ в Западной Сибири – разница в представлениях «российского» и «сибирского» духовенства о Сибири.

В работе принимаются во внимание положения теории модернизации, в особенности те, согласно которым модернизация возможно и успешна только

⁹⁶ Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. 2007. № 1 (58). С. 225.

⁹⁷ Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

⁹⁸ Новая имперская история и вызовы империи / И. Герасимов, С. Глебов, Я. Кусбер, М. Могильнер, А. Семенов // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 397.

в ситуации, когда зарождается «снизу» и носит массовый характер⁹⁹: духовенство епархий Западной Сибири рассматривается в том числе с позиций его готовности к изменениям, происходящим в обществе, степени его осознания этих изменений, форм поведенческих ответов на них. Кроме того, учитывается такая важная составляющая модернизационного процесса, как секуляризация сознания прихожан, которая в согласии с позицией Г. Л. Фриза рассматривается не как прекращение веры, а как уход от церкви и снижение интереса к приходским делам («кризис прихода»).

При анализе «дел о неблагоповедении» использованы методы психологии и социальной конфликтологии. Под социальным конфликтом понимается столкновение социальных групп или индивидов, связанные с «антагонизмом прав и их обеспечения, политики и экономики, гражданских прав и экономического роста»¹⁰⁰. В работе рассматриваются межличностные конфликты, причинами которых выступают неравномерное наделение правами внутри причта, не компенсированное равноценным материальным обеспечением.

На основании заявленных подходов в работе рассматривается социокультурный облик духовенства: дается характеристика его численности, составу, способам занятия должностей, уровню образования, материальному положению; затем дается оценка кругу его профессиональных обязанностей и на их основе анализируется отношение священнослужителя к миру, себе, собственной смерти, браку и сексуальному поведению, внутренне представление о собственной роли в социуме; наконец, конструируются формы взаимоотношений внутри причта, причта с церковным старостой и с миром.

В процессе исследования использованы общенаучные методы познания: описание, анализ, синтез, индукция и дедукция и специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный и историко-

⁹⁹ Силова Е. С. Развитие теоретических концепций цивилизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 9 (263). Экономика. Вып. 37. С. 9 – 11.

¹⁰⁰ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерки политики свободы. М, 2002. С.5

типологический.

На основании заявленных подходов в работе рассматриваются внешние характеристики духовенства как социальной группы – его численность, состав, способы занятия должностей, уровень образования, материальное положение; затем дается оценка кругу его профессиональных обязанностей, на их основе раскрывается отношение священнослужителя к миру, себе, собственной смерти, браку и сексуальному поведению, представления о собственной роли в социуме; реконструируются формы взаимоотношений внутри причта, причта с церковным старостой и с миром.

Источники. В исследовании был использован широкий круг неопубликованных и опубликованных источников. Социокультурный облик конструируется не только с помощью традиционных источников – статистических сводок, переписей, клировых ведомостей и циркуляров, источников мемуарного характера, но и в рамках «дел о неблагоповедении». Использованные источники были сгруппированы по следующим категориям:

Делопроизводственные материалы:

– *Переписка официальных органов церковной власти* – эти источники характеризуются недостаточной полнотой: значительная их часть была утеряна, и хотя мы находим упоминания о соответствующий переписке, зачастую узнать ее предмет не представляется возможным. Тем не менее, в целом данный источник позволяет составить представление о характере взаимоотношений епархиальных начальств Западной Сибири, установить порядок перемещений священнослужителей между и внутри епархий (КУ ИсА, Ф. 16 «Омская духовная консистория»; ГАТО, Ф. 170 Ф. 170 «Томская духовная консистория»).

– *Протоколы Омской, Томской, Тобольской духовных консисторий, журналы епархиальных попечительств о бедных духовного звания, журналы учета денежных средств консисторий.* Эта категория документов содержит богатый статистический материал о размерах доходов духовных лиц, о повседневных хозяйственных нуждах епархии, о расходуемых на содержание

церковного хозяйства суммах (КУ ИсА, Ф. 16; ГАТО, Ф. 170; ГАТОТ, Ф. 156 «Тобольская духовная консистория»).

– *Отчеты благочинных о состоянии вверенных благочиний, направлявшиеся в консистории, отчеты священнослужителей о состоянии приходов, направлявшиеся отцам благочинным* – один из источников, к интерпретации которых следует подходить с осторожностью: чаще всего служители, во избежание возможных штрафных санкций, вынуждены были несколько искажать предоставляемые данные, часто – приукрашивать положение или умалчивать о некоторых происходящих в приходах процессах. К этой же категории относится еще одна форма церковных отчетов – *клировые ведомости*, которые содержат, с одной стороны, информацию о численности и религиозном составе приходов, состоянии церковных служб, наличии и деятельности приходских школ, исторические справки о создании приходов или обстоятельствах постройки церквей, а с другой предоставляют богатую информацию о личном составе духовенства – послужные списки, размеры жалований и суммы кружечных сборов, иные источники доходов, семейный состав, иногда даже с указанием мест обучения детей служителей (КУ ИсА, Ф. 16).

– *Документы по личному составу духовенства* – ставленнические дела, экзаменационные ведомости, прошения о назначении на должность, дела о переводе священнослужителей с места на место (ГАТО, Ф. 170; Ф. 184 «Алтайская духовная миссия»; ГАТОТ, Ф. И 57 «Канцелярия Епископа Тобольского и Сибирского, г. Тобольск Тобольской губернии (1729 – 1929 гг.)»; КУ ИсА, Ф. 16). Данный массив документов позволяет реконструировать порядок замещения должностей в причтах епархий, установить минимальные требования к замещению должностей и определить интенсивность переводов священнослужителей в пределах епархий Западной Сибири и в рамках Российской империи в целом.

– *Документы по правонарушениям*: дела, рассматриваемые в консисториях («дела о неблаговидных поступках») и дела административного

и уголовного характера, первоначально рассматриваемые в духовных консисториях, а затем передаваемые в соответствующие светские органы охраны правопорядка – один из важных для нас источников, позволяющий в некоторой степени реконструировать взаимоотношения клира, прихода и епархиального начальства, а также вскрывающий взаимоотношения внутри клира. Эти «дела» в достаточной степени отражают процесс слома традиционных социокультурных представлений духовенства, являются реакцией на модернизационные процессы в Сибири и позволяют установить формы взаимодействия приходского мира и причта церковью (КУ Иса, Ф. 16; ГАТО, Ф. 170; ГАТОТ, Ф. 156).

– *Отчеты по переселенческим районам Западной Сибири*: отчетные данные и годовые отчеты по Акмолинскому, Томскому, Тобольскому переселенческим районам¹⁰¹, описания переселенческих районов для ходоков. Публиковались в течение первых двух десятилетий XX в. и позволяют рассматривать процесс церковного строительства во взаимосвязи с данными об основных направлениях переселений и их темпах.

– *Иные документы отчетного характера по церковному ведомству* – ситуационно направляемые в консистории запрашиваемые по разным вопросам сведения (КУ Иса, Ф. 16).

Законодательные акты и нормативно-правовые документы

– *Законодательные акты высших органов власти о состояниях* (сословных правах и обязанностях) и актах гражданского состояния, сгруппированное в IX томе Свода законов Российской империи¹⁰², позволяющие определить круг прав и обязанностей духовенства, особенности его правового статуса в изучаемый период.

¹⁰¹ Отчетные данные по Акмолинскому переселенческому району за 1907 г. / Составлены на основании отчета быв. Заведывающего переселенческим делом в Акмолинском районе колл.сов. Резниченко. Выпуск 49. СПб., 1908; Описание Томского переселенческого района: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. СПб., 1911; и др.

¹⁰² Свод законов Российской империи: в XVI т. СПб., 1913. Т.IX: Свод законов о состояниях. Ст. 15 – 816.

– *Нормативно-правовые акты*, регулирующие процесс переселений (положения о поземельном устройстве крестьян¹⁰³), содержащие сведения о порядке переселений, что позволяет в отдельных случаях реконструировать процессы формирования приходов.

– *Нормативно-правовые акты местных органов власти* – указы духовных консисторий, местных светских органов власти, содержащие распоряжения относительно статуса, обязанностей и материального положения местного духовенства¹⁰⁴.

Статистические материалы

– *Данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г.* Отчеты о Переписи публиковались в течение первого десятилетия XX в. и содержат сведения о численности населения указанных областей, распределении населения по сословиям, полам, уровням грамотности и вероисповеданиям, и являются важным источником для характеристики религиозного состояния приходов Западной Сибири¹⁰⁵.

Источники справочного характера

– *Описания епархий Западной Сибири*: в начале XX века служителями Омской епархии было выпущено два труда справочного характера – работа ключаря Омского Кафедрального собора священника К. Ф. Скальского «Омская епархия: Опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии» (1900) и священника, благочинного И. Голошубина «Справочная книга Омской епархии» (1914). В Томской епархии в тот же регулярно выпускалась «Справочная книга по Томской епархии» – результат коллективного труда Консистории епархии под руководством секретаря В. А. Карташева; кроме того, в 1897 году был выпущен «Краткий историко-статистический очерк Томской епархии» А. А. Мисюрева. Годом раньше

¹⁰³ Сибирские переселения. Документы и материалы. Выпуск 1. Новосибирск, 2003.

¹⁰⁴ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1; Ф.40; ГАТО. Ф.170. Оп. 3; ГАТОТ, Ф. И.57. Оп. 1.

¹⁰⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область. СПб., 1904; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Томская губерния. СПб., 1904; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тобольская губерния. СПб., 1905; и др.

выходит из печати «Справочная книга Тобольской епархии». Эти труды содержат большой статистический и биографический материал о служителях епархий и действовавших в них приходах и благочиннических округах, дают краткие природно-географические описания и характеристики национально-религиозного состава проживавшего на территориях населения даже несмотря на трудности составления таких трудов и многочисленные неточности.

– *Сведения о состоянии народных училищ Министерства народного просвещения*, ведомости училищных советов епархий о состоянии церковных школ за 1985 – 1916 гг., сведения о состоянии иных учебных заведений епархий (Ф. 41. Омское покровское женское приходское училище Западно-Сибирского учебного округа, г. Омск; Ф. 44. Омское шестое женское городское приходское училище Западно-Сибирского учебного округа, г. Омск; Ф. 45. Омское уездное училище; Ф. 62. Омская третья женская гимназия; Ф. 106. Омское десятое женское городское приходское училище инспектора народных училищ первого района Акмолинской области, г. Омск; Ф.115. Омская учительская семинария), зачастую публиковавшиеся как приложения к епархиальным ведомостям, позволяют сопоставить интенсивность процессов школьного строительства по ведомству МНП и по церковному ведомству в изучаемый период¹⁰⁶.

Периодические издания:

– *Церковная периодическая печать* – представлена, прежде всего, материалами «Церковного вестника»¹⁰⁷, поступавшего в консистории епархий Западной Сибири для дальнейшего распространения среди духовенства епархий. «Церковный вестник» выступал одним из основных печатных изданий, формировавших официальные представления духовенства

¹⁰⁶ Памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа за 1895 –1916 гг. Томск, 1900 – 1916; Ведомость Омского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Омские епархиальные ведомости. 1909. № 13: Приложение и др.

¹⁰⁷ Церковный вестник. СПб., 1895, 1900, 1905 – 1918.

епархии в области канонического права, служения и политических воззрений.

– *Епархиальные ведомости* Томской, Тобольской, Омской епархий за 1882 – 1917 гг.¹⁰⁸ – комплексный источник, содержащий в себе статистические, биографические сведения, нормативно-правовую информацию, тексты мемуарного характера, результаты литературного творчества, агитационные, просветительские и рекламные материалы. При использовании метода сплошного просмотра источник позволяет получить обширные статистические сведения о перемещениях духовенства в пределах Западной Сибири, наградах, наказаниях, порядках замещения должностей, смертности, материальном положении, направлениях деятельности и уровне образования в сословии. Выдержки из личных дневников, дневников миссионерских поездок и бытовые зарисовки священнослужителей позволяют установить социокультурные представления духовенства епархии, конструировать распространенный в епархиях «образ региона». Кроме того, ситуационно привлекались материалы из епархиальных ведомостей других епархий (в случаях, когда материалы этих изданий перепечатывались для распространения в Западной Сибири).

– *Периодические издания светского характера* – «Омское эхо», «Русский вестник», «Сибирская жизнь» за 1900 – 1917 гг. Данные издания одержат в себе взгляд на духовенство со стороны общества Западной Сибири и позволяют исследовать представления о духовном сословии.

Материалы личного происхождения: сохранилось не очень значительное количество материалов, к которым можно отнести личную переписку служителей и отчеты о миссионерских поездках, носящие отчасти автобиографический, дневниковый характер. Тем не менее, это один из самых ценных источников, позволяющий реконструировать область представлений сибирского духовенства. (ГАТО, Ф. 170; Ф. 184; ГАТОТ, Ф. И

¹⁰⁸ Омские епархиальные ведомости. Омск, 1898 – 1917; Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск, 1890 – 1917; Томские епархиальные ведомости. Томск, 1890 – 1917.

57). Кроме того, немаловажным источником выступают материалы переписки крестьян-переселенцев¹⁰⁹ – в отдельных случаях они служат косвенным источником для реконструкции отношений приходской общины и священнослужителя, а также дают представление о трудностях, с которыми сталкивались переселенцы в Сибири.

Картографические материалы – отчеты священнослужителей благочинному иногда снабжались нарисованными ими собственноручно картами¹¹⁰. Такие карты позволяют судить о расстояниях между церквями и поселениями отдельных приходов, распространении «ересей» на местах, об областях, в основном ими «зараженных». В отдельных случаях на таких картах можно обнаружить упоминания о сектах, не указанных в Переписи 1897 г.

В некоторых случаях источники позволяли рассмотреть одно и то же событие с разных позиций, дополняли друг друга. Так, причины переводов и перемещений, сведения о которых публиковались в епархиальных ведомостях, в отдельных случаях раскрываются в прошениях священнослужителей о переводах, а также в делах о неблагоповедении и прошениях прихожан к епархиальным начальствам; брачно-семейные представления реконструируются не только через статьи о браке и семье в официальных органах печати епархии и опубликованные письма их читателей, но и через материалы расследований неблаговидных поступков. В других случаях источники вступали в противоречие (степень участия прихожан у жизни приходов оценивается как низкая в источниках официального характера, однако прошения самих прихожан в отдельных случаях рисуют картины самой высокой заинтересованности в приходской жизни). Применение метода сплошного просмотра, внутренней критики, количественного анализа, средних величин, описания и сравнения позволило

¹⁰⁹ Сибирские переселения. Документы и материалы: Выпуск 1. Новосибирск, 2003.

¹¹⁰ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 151.

в большинстве случаев получить ответы на поставленные в исследовании вопросы.

Научная новизна исследования. В работе впервые раскрыт социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири с применением инструментария новой социальной и социокультурной истории, исторической антропологии.

В исследовании выявлены базовые социокультурные представления православного духовенства в Западной Сибири: о рождении, смерти, брачно-семейной жизни, власти, а также процесс их трансформации в условиях религиозного фронта; раскрыто формирование социальной и региональной идентичности православного духовенства во взаимосвязи со становлением религиозного «мифа о Сибири»; определены стратегии поведения православного духовенства в условиях модернизации рубежа XIX – XX вв.; установлена конфликтуализация взаимоотношений причта и прихожан, наличие признаков «кризиса прихода» в Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв. В научный оборот введены новые архивные материалы по истории РПЦ и духовенства в Западной Сибири.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что уточнено понятие «социокультурный облик», доказаны возможности его эффективного применения в историческом исследовании социальной группы; раскрыта взаимосвязь социокультурных представлений и стратегий поведения социальной группы; разработана модель исследования социокультурного облика православного духовенства; внесен вклад в изучение процессов социальной трансформации, взаимодействия церкви и общества в условиях модернизации конца XIX – XX вв. В диссертации также определено понятие «религиозный фронт» и его значение для исследования истории империи и Сибирского региона.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы в научных трудах и образовательной практике, в учебных пособиях по истории России, Сибири конца XIX – начала XX вв.,

истории церкви, краеведении, социокультурной истории, при подготовке учебно-методических пособий, спецкурсов и семинаров.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Православное духовенство в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. представляло собой мобильную социальную группу, находившуюся в процессе формирования. Основу группы составляли священнослужители-«сибиряки», выходцы из духовного сословия, родившиеся и получившие образование в сибирских епархиях. Заметную часть группы (около 40 %) составляли выходцы из других сословий (преимущественно крестьянского), получившие должность в клире через сдачу соответствующего экзамена. В значительной степени группа формировалась административным порядком – путем официальных перемещений духовенства из Европейской России с целью компенсации кадрового дефицита. Сами священники из Европейской России отправлялись в Западную Сибирь в поисках свободных мест, в надежде на продвижение по карьерной лестнице. Группа характеризовалась горизонтальной мобильностью и в пределах Западной Сибири.

2. С правовой точки зрения положение сибирского священнослужителя полностью совпадало с положением служителя Европейской России. Уровень образования и материальное положение духовенства характеризовались неоднородностью: наименьшими доходами обладали сельские служители с начальным школьным или профессиональным образованием из новообразованных приходов, наибольшими – служители городских храмов. Сибирские священнослужители имели возможность выбора стратегий поведения: они могли предпочесть малооплачиваемую службу в глухих отдаленных населенных пунктах, что возмещалось большей свободой деятельности и ограничением контроля епархиального начальства; либо борьбу за высокооплачиваемые места в городах и крупных поселках епархий, что означало усиление контроля за их деятельностью. Основными источниками дохода священнослужителей выступали казенное жалование или заменявшее его обеспечение от прихожан, плата за требы, исполнение учительских обязанностей.

3. Деятельность духовенства не ограничивалась исключительно богослужебной, но дополнялась большим количеством функций надзорного, просветительского и статистического характера, что объясняется стремлением власти использовать духовенство в качестве инструмента колониационной политики.

4. В основе социокультурных представлений духовенства лежало несколько компонентов, являвшихся основой для самоидентификации – о рождении и смерти, браке и семье, о месте священнослужителя в мире. Компоненты имели традиционный характер, заданный религиозным дискурсом: рождение подлежит непременно учёту и фиксируется обрядами; смерть выступает в качестве дидактического театрального акта, важен концепт «правильной», «благой» смерти; семейные отношения должны соответствовать нормам патриархальной идиллии. Указанные представления в изучаемый период подвергаются значительным трансформациям под влиянием процессов модернизации, происходящих в обществе, что порождает конфликтность в приходской среде.

5. Представления духовенства о Сибири как основа региональной идентичности амбивалентны: с одной стороны, Сибирь считалась местом библейской «мглы». С другой – воспринималась как свободное, чистое и привольное место. Эти представления связаны с постепенным складыванием идентичности сибирского духовенства, основными компонентами которой являются: 1. пространственный – принадлежность к Сибири; 2. темпоральный – Сибирь во времени отстаёт от «России» и располагается в «прошлом»; 3. поведенческий – «миссионерство» как адаптивная стратегия. Складывается локальный религиозный миф о Сибири, в который включены представления о суровом крае и мученичестве, о собственной цивилизаторской деятельности.

6. Транслируемые священнослужителями представления о незыблемости брака и семьи трансформируются под влиянием фронта и происходящих в сибирском обществе модернизационных процессов, однако канонические нормы, предписывающие определенные формы поведения, остаются неизменными, что порождает глубокие личностные и

внутриприходские конфликты. Роль женщин духовного сословия в приходе становится несколько более заметной, однако по-прежнему понимается в традиционном ключе – женщина выступает в качестве матери, супруги, опоры мужа в его трудах.

7. Государственная власть возлагала на духовенство надежды в деле укрепления самодержавия, однако ошиблась в возможностях этого ресурса: предельно нагруженное служебными обязанностями, обладающее смутными представлениями о собственной роли в политической жизни страны, духовенство не способно было в полной мере выполнять ещё и эту функцию.

8. Амбивалентность представлений духовенства и модернизационные изменения, происходившие в сибирском обществе, условия жизни на сибирском фронтире порождали различные поведенческие девиации и конфликты разного уровня в пределах приходов, что современниками часто расценивалось как одно из проявлений «кризиса прихода».

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в девяти статьях, три из которых размещены в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований, и в докладах на пяти конференциях регионального, всероссийского и международного уровня: III Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения М. Е. Бударина (Омск, 29–30 октября 2010 г.), VIII региональная научно-практическая конференция «История образования и просвещения в Западной Сибири» (Омск, 18 ноября 2011 г.), IV Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «История образования и просвещения в Сибири и Казахстане» (Омск, 19–20 октября 2012 г.), IX Международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития», посвященная 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина (Омск, 17–18 апреля 2012 г.), Семинар «Церковь и духовенство как социальное сообщество в России: ключевые понятия и модели» (Москва, ГИИМ, 4 апреля 2014 г.).

Глава I. Социальный облик и деятельность православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

§1. Епархии Западной Сибири: территории, конфессиональный состав, система управления

Согласно «Полному православному богословскому энциклопедическому словарю»¹¹¹, епархия – церковный округ, подчиненный митрополиту. Таким образом, в исследуемый период под «епархией» понималась как единица церковно-административного деления, так и собственно территория, на которой располагаются приходы и проживают прихожане соответствующей церковной единицы. Территориально в границы «Западной Сибири» включались Тобольская, Омская и Томская епархии (с входящими в их состав Алтайской и Киргизской миссиями), внутреннее устройство которых ничем существенно не отличалось. Самой старой по времени образования была Тобольская, учрежденная в 1620 г. (с названием «Сибирской и Тобольской епархии»), следующей из состава Тобольской была выделена Томская епархия (1832 г.). Наконец, самая молодая из епархий, Омская, была учреждена 18 февраля 1895 года. В ее состав, после длительных обсуждений и «переделов», вошли 57 церквей Акмолинской и Семипалатинской областей, церкви Тюкалинского (целиком), Тарского и Ишимского округов Тобольской губернии (с Ишимским духовным училищем, а всего церквей – 92), а также 11 церквей Бийского округа Томской губернии (Каинский, Барнаульский и Змеиногорский уезды)¹¹². Таким образом, Омская епархия к 1914 году, когда границы ее уже обрели устойчивость, занимала территорию около миллиона квадратных верст¹¹³. С запада с ней соседствовала Тобольская епархия, с востока – Томская. В природно-географическом смысле Омская епархия представляла собой территорию, сочетавшую все особенности двух соседних епархий.

¹¹¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., 1913. Т.1 Ст. 864.

¹¹² Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 1 – 2.

¹¹³ Там же.

В природно-географическом и этническом смысле территория епархий разделялась на три неравномерно заселенные зоны. Наиболее благоприятной для земледелия была хорошо освоенная область, расположенная в бассейне трех рек (Иртыш, Ишим, Омь), составлявшая часть территории Тобольской губернии. Это была плодородная, богатая пресными водоемами и лесами территория, заселенная крестьянами-старожилами. К. Ф. Скальский и И. Голошубин отмечают высокий уровень достатка населения этой зоны¹¹⁴. Затем следовала зона, составленная из верхней части Акмолинской области, бассейна реки Ишим, берега реки Иртыш, Каинского, Бийского, Барнаульского округов Томской губернии. Эта территория заселена была на момент учреждения епархии казаками и частью крестьянами – переселенцами из Европейской России. Зону занимали сосновые леса, гранитные и сланцевые возвышенности, а также хорошо орошенные низменности с плодородным наносным слоем¹¹⁵. Третья, наиболее обширная зона представлена территориями к востоку и западу от Кокчетавского уезда, Омским уездом (равнина с глинисто-солонцеватой почвой), южной частью – безводной, пустынной степью (называемой в тот период Голодной Степью), – то есть территориями, мало пригодными для какой бы то ни было хозяйственной деятельности и практически не освоенными даже кочевым коренным населением («киргизами»).

Представление о численности, плотности населения епархий Западной Сибири (территориально располагающихся в пределах Тобольской, Томской и Акмолинской областей, Семипалатинской области) и о его религиозном состоянии на рубеже XIX – XX веков дает материал Первой всеобщей переписи населения 1897 года. Согласно тому LXXVIII «Тобольская губерния»¹¹⁶, площадь губернии составляла 1.219.229,7 квадратных верст, население – 1.433.043 человека (незначительно преобладало женское население), из которых только 6,1 % относились к городскому. Плотность

¹¹⁴ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 2 – 8; Скальский К. Ф. Омская епархия. Омск, 1900. С. 16 – 18.

¹¹⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область ... С. 5.

¹¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тобольская губерния ... С. 3 – 5.

населения была низкой: чуть более одного человека на квадратную версту. Согласно тому LXXXI «Акмолинская область»¹¹⁷, в ней на момент переписи проживало 682.608 человек (52 % мужчин и 48 % женщин), из которых 11 % населения относилось к городскому. Плотность – 1,37 человека на версту. Согласно тому LXXIX «Томская губерния»¹¹⁸, в Томской губернии насчитывалось наибольшее число жителей – 1.927.7 тысяч душ обоего пола, а плотность населения была самой высокой среди трех губерний – от 2,42 до 2,59 человек на квадратную версту.

По религиозному составу население Акмолинской области распределялось следующим образом: православные (33,37 % мужчин и 34,78 % женщин), мусульмане (64,97 % мужчин и 63,59 % женщин), старообрядцы, католики, лютеране, представители различных протестантских течений, иудеи – каждое по доле процента¹¹⁹. К православному вероисповеданию в Томской губернии относилось более 90 % населения, 5 % составляли старообрядцы и сектанты других направлений, 2,1 % – мусульмане, 1,3 % – язычники¹²⁰. Территории Тобольской губернии были на 88,80 % населены православными и единоверцами, уклоняющихся в раскол зафиксировано было 5,34 %, католиков, лютеран, иудеев, мусульман вместе – менее 2 %, а всего неправославных – 11,03 %¹²¹. Таким образом, на долю Акмолинской губернии (территории преимущественно Омской епархии) выпала наибольшая конфессиональная неоднородность, а Тобольская епархия в конфессиональном смысле напоминала центральные епархии Российской империи. Здесь мы видим преобладание православного населения над населением всех прочих вероисповеданий, небольшой, но стабильный процент представителей других христианских течений, небольшую долю мусульманского населения. «Таблица 1. Распределение населения центральных губерний Российской империи по

¹¹⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область ... С. 6.

¹¹⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Томская губерния... С. 18.

¹¹⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область ... С. 5, 50 – 61.

¹²⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Томская губерния ... С. 18 – 19, 68 – 99.

¹²¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тобольская губерния ... С. 74 – 75.

вероисповеданиям» В «Приложении 1» дает представление о религиозном состоянии населения в центральных российских губерниях. Зато окраинные губернии и России дают иные показатели («Таблица 2. Распределение населения окраинных губерний Российской империи по вероисповеданиям в 1897 г. в процентном соотношении и по численности» в «Приложении 2») крайне разнообразны по религиозному составу – от областей, где православное население составляет меньшинство, до абсолютного преобладания православного населения над всем остальным.

Епархии Западной Сибири распались на несколько неравнозначных в религиозном смысле зон – с преобладанием либо православного, либо мусульманского населения. По плотности населения ни одна из этих зон не могла сравниться с территориями Европейской России, где плотность достигала 28 и более человек на версту.

Нужно учитывать, однако, что именно изучаемый период ознаменовались активным притоком переселенцев в епархиях, поэтому численность населения после Переписи 1897 г. неуклонно росла. Тенденция к увеличению населения продолжалась и позже, происходила всплесками в связи с экономическими кризисами 1902 – 1903 и 1907 – 1908 годов. Однако первоначальный приток населения был так велик, что в литературе Омской епархии его даже называли «великим переселением народов»:

«С 1895 года нормальная, тихая жизнь обширной территории Омской епархии была нарушена – и сюда потоком хлынули сотни тысяч переселенцев из внутренних малоземельных губерний, преимущественно из Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Рязанской, Орловской, Пензенской, Курской и др. И этот период безошибочно можно назвать великим переселением народов из России в Сибирь», – пишет в 1913 году И. Голошубин¹²².

Темпы переселений действительно были значительными. «Из статистических данных видно, что в 1895 г. пришло в Сибирь 108 т.

¹²² Голошубин И. Справочная книга ... С. 1.

переселенцев: в 1896 г. до 202 т.; в 1897 благодаря некоторым принятым мерам к сокращению переселенческого движения, оно упало до 87 т.; а в следующие же три года опять усилилось до 206 – 224 т. чел. в год. В эти цифры входят, однако, и ходоки, численность которых на указанный период превышает 50 т. В общей сложности, в 20-летие с 1883 г. до 1903 г. в Сибирь пришло, за вычетом ходоков, до 1566 тысяч переселенцев. Центр тяжести переселенческого движения на первых порах более всего сказался на Тобольской губернии, а затем постепенно стал передвигаться»¹²³. Позже темпы не снизились: «В 1907 году в одну только Акмолинскую область переселилось до 90 000 человек, а в следующем 1908 году предполагается поселить здесь еще до 40 000»¹²⁴. Современные оценки темпов переселения дают полные основания считать термин «великое переселение народов» соответствующим фактическому состоянию дел. По данным В. Г. Тюкавкина, в 1885 – 1905 годах в Сибирь приехало 1530 тыс. человек, в период с 1906 по 1914 гг. в Сибирь – 3772,2 тыс. человек¹²⁵. На удвоение численности населения Сибири в указанный период (с 5,8 до 11,0 млн. чел.) указывают Д. Я. Резун и М. В. Шиловский¹²⁶.

Это «великое переселение народов» было инициировано строительством Транссибирской магистрали, линия которой пролегла через множество населенных пунктов всех трех епархий (например, в Омской епархии это Петропавловск, Исилькуль, Омск, Кормиловка, Калачинск, Татарская, Чаны, Каинск и некоторые другие населенные пункты). Для нужд переселенцев за десятилетие 1894 – 1905 гг. в одной только Омской епархии было возведено около сотни церквей, большей частью по линии расселения по области железной дороги¹²⁷. Именно на эту линию и пришлась основная волна переселенческого движения. В результате переселения были освоены прежде

¹²³ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1.

¹²⁴ Пляскин В. С новым годом! // Омские Епархиальные Ведомости. 1908. № 1. С. 19.

¹²⁵ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 251

¹²⁶ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2005. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch2.html#2-3> (Дата обращения: 18.08.2014).

¹²⁷ Голошубин И. Справочная книга ... С. 4.

вовсе незаселенные территории, а городское население значительно выросло. «По переписи 1897 г. численность горожан Западной Сибири была равна 245280 чел. Прирост за 17 лет составил 46,3 %, т. е. в среднем 2,7 % в год. Быстрее всего росли крупнейшие города региона: в Томске уже насчитывалось 522 210 чел., в Омске – 37 376, Тюмени – 29 544, Тобольске – 20 425. Наиболее быстрыми темпами население городов увеличивалось в начале XX в. В 1904 г. в городах региона числилось почти 350 тыс. чел., в 1910 – 520, в 1913 – 562 тыс. За 16 лет прирост составил 122 %, т. е. в среднем 7,6 % год».¹²⁸

В результате заселение шло неравномерно, вглубь территории, «языками» и выступами от городов, крупных деревень и поселков вдоль рек и близ озер. В частности, в Омской епархии оно шло от линии с крайними населенными пунктами Сибирским, Богоявленским (на западе) и Каинском (на востоке), и линии «Ишим (северо-запад) – Зайсан (юго-восток)».

О похожих «языках» говорил еще Тернер, исследуя приграничье в Северной Америке и указывая территории с плотностью населения в два и более человека на квадратную милю как пределы освоения¹²⁹. В Западной Сибири плотность населения колебалась настолько резко, что, применяя теорию «подвижной границы» Тернера к сибирской специфике, границей освоения можно было бы считать не поселения с какими-то определенными показателями плотности, а наличие поселений вообще.

В работе разделяется точка зрения А. Д. Агеева на то, что сибирские территории от момента заселения и до исследуемого периода являются фронтиром, приграничьем. Учитываются взгляды Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского относительно личности «человека фронта» – сибирского крестьянина-переселенца начала XX века¹³⁰. Исследователи, говоря о

¹²⁸ Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX в.: Монография. Барнаул, 2002. С. 97.

¹²⁹ Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. С. 14.

¹³⁰ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Электронный ресурс] / Новосибирск, 2005. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch2.html#2-3> (Дата обращения: 19.08.2014).

специфике поведения основных групп сибирского социума – крестьян, городских обывателей (рабочих) и интеллигенции, отмечают: «Отсутствие помещичьего землевладения, наплыв ссыльных, незначительность административного аппарата и его отдаленность от разбросанных далеко друг от друга селений формировали специфические черты психологического склада сибиряков – рационализм, индивидуализм, самостоятельность, чувство собственного достоинства. Характерными чертами «человека фронта» являлись относительно низкий уровень духовной культуры и религиозности. Наличие оппозиционности и отторжения власти так же присутствовали в их ментальности»¹³¹.

Определение уровня духовной культуры и религиозности сибирских переселенцев – проблема достаточно неоднозначная, особенно с учетом сложности оценки уровня религиозности населения европейской части России. Существует устойчивое (заложенное еще дореволюционной традицией¹³²) мнение, выраженное, в частности, в указанной работе Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского, о том, что сибиряки обладали низким уровнем религиозного чувства, мало нуждались в религиозном окормлении. В. А. Зверев приводит такие данные: «среди новобранцев православного исповедания, призванных в 1881 г. из Западной Сибири, доля не бывших у исповеди и причастия в течение года и более (97,1 %) была в 2,4 раза выше, чем по стране в целом»¹³³. Таким образом, существует мнение, что «религия как ценностная категория в «индивидуалистской среде слабела», изменяясь в сторону упрощения религиозных обрядов и институтов»¹³⁴.

С другой стороны, для того, чтобы говорить о падении уровня веры в Сибири, следует уточнить этот уровень для районов, откуда перемещались

¹³¹ Резун Д. Я., Шиловский М. В. ... URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch2.html#2-3> (Дата обращения: 19.08.2014).

¹³² Напр.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под. ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1907. Т. 16. С. 226: «Легкости и грубости нравов содействовала утрата сибиряком религиозности».

¹³³ Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 59.

¹³⁴ Судакова О. Н. Концепт «Сибирская культура» в теории фронта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. N 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 179 – 183.

переселенцы. Значительная часть исследователей далека от высокой оценки уровня и качественной составляющей религиозности жителей Европейской России изучаемого периода: Г. Фриз не склонен оценивать уровень народной религиозности слишком высоко¹³⁵, Т. Г. Леонтьева на примере преимущественно Тверской епархии говорит о том, что «русская крестьянская религиозность синтезировала полуязыческие и полуправославные мировоззренческие установки»¹³⁶, об «упадке нравственности» и «расцерковлении деревни» говорит на примере Московской епархии Ю. И. Белоногова¹³⁷. Оценки современников переселений в Сибирь так же различаются: одни склонны определять уровень религиозности переселенцев как высокий, другие, наоборот, ставят в пример религиозный уровень сибирских старожилов в сравнении с уровнем прибывающих из «России» крестьян.

В специфических условиях Западной Сибири возможно говорить о «религиозном фронтире». С учетом характера деятельности священнослужителя – это не столько области, осваиваемые впервые, но прежде всего области с преобладающим нехристианским населением, где основной задачей священника становится борьба с «дикостью, невежеством, нецивилизованностью» не только в общем, но и в узкорелигиозном смысле. Служба на «фронтире» воспринимается как несомненно тяжелая, сопряженная с серьезными лишениями, невыгодная в социальном и экономическом смысле, место «подвига веры». В отличие от нее служба в городах и крупных поселках, видимо, не воспринималась современниками как сопряженная с особыми, специфическими сибирскими трудностями.

Переселенческие процессы наложили значительный отпечаток на функционирование «приграничных» епархий и деятельность православного духовенства. Прежде всего, уже современники отмечали две основные

¹³⁵ Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате Старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107 – 119.

¹³⁶ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 153.

¹³⁷ Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии ... М., 2006. С. 108 – 131.

особенности, проявившиеся в момент переселений. А именно – резко выступившее различие в религиозных настроениях, привычках крестьян-старожилов и крестьян-новоселов, а также появление и быстрое развитие сектантских течений в Западной Сибири.

Разница в религиозных настроениях и привычках представлялась некоторым современниками следующим образом: крестьяне-старожилы целиком были захвачены выживанием в трудных природных условиях Сибири, привыкли жить обособленно и замкнуто небольшими поселениями, отделенными друг от друга десятками верст, поэтому не особенно стремились тщательно блюсти религиозный обряд, церковь для них была местом далеко не необходимым и не особенно желанным. Иные поселения годами обходились без визитов священников, сибиряки-старожилы рождались и умирали без соблюдения минимального религиозного обряда, не считая такое положение дел ненормальным¹³⁸.

С другой стороны, многие священники¹³⁹ отмечают, что сибиряк-старожил в вопросах веры более серьезен и основателен, и когда является на литургию или к причастию (пусть и крайне редко), весь религиозный обряд исполняет верно, с рвением, никогда не нарушая церковного порядка и не вступая в споры с клиром. Иные привычки демонстрировали крестьяне «великого переселения», привыкшие к скученности, малоземелью, близости церкви. Новым переселенцам расстояние до церкви в 5 – 7 верст уже казалось большим¹⁴⁰, они значительно ярче демонстрировали приверженность церкви и обряду, стремились выполнять все положенные духовные требы и, по видимости, казались куда более благодарной паствой, чем их старосельные соседи. С другой стороны, привыкшие к доступности церкви, к некоторым «упрощениям» в «российских» церквях, они зачастую склоняли клир пойти на прямое нарушение церковного канона для

¹³⁸ Скальский К. Ф. Омская епархия. С. 19.

¹³⁹ Напр.: Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 31; Бирюков Н. А. Из воспоминаний о прожитой жизни // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 21. С. 494.

¹⁴⁰ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 31.

собственного удобства, обращались к священнику по любому, даже малозначительному поводу, никак не сообразуясь с его занятостью, другими обстоятельствами. Поверхностно они относились и к исполнению церковных обязанностей, часто допускали нарушения церковного порядка и благочиния (вплоть до выбивания в церквях дверей под напором желающих получить причастие)¹⁴¹, при малейшем сопротивлении священника выполнить желаемое покидали храм, откровенно грубили¹⁴², переставали звать служителей на молебны в села¹⁴³.

Сами священнослужители демонстрируют зачастую те же черты «человека фронта», на которые указывают Д. Я. Резун и М. В. Шиловский в отношении крестьян и горожан: они открыто демонстрируют неуважение к власти и контролю их деятельности – грубят епархиальному наблюдателю церковных школ¹⁴⁴, подают жалобы на изъятие мебели из приходской церкви во временное пользование Генерал-Губернатора Акмолинской области, посетившего поселение¹⁴⁵.

Быстрое распространение сектантства еще будет рассмотрено отдельно, сейчас следует отметить, что показанное положение дел было идеальной почвой для укоренения всевозможных христианских течений, прежде всего потому, что секты (в основном, баптизм, штундобаптизм) учитывали и заниженные религиозные «аппетиты» старожилов, и острую потребность в реализации веры у переселенцев. Первым секты предлагали относительную религиозную свободу и часто материальную помощь, для вторых предусматривали развитую систему обрядности, активную пропаганду и обилие мероприятий, привлекающих внимание и вызывающих прилив религиозных чувств¹⁴⁶. В целом же все сектантские течения

¹⁴¹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 172.

¹⁴² Омские епархиальные ведомости. 1911. № 12. С. 36 –37.

¹⁴³ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 14. С. 21 – 22.

¹⁴⁴ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 33.

¹⁴⁵ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л. 98.

¹⁴⁶ Напр.: Общее пение у сектантов // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С. 88 – 89; Хроника церковно-общественной жизни: веротерпимость и инославиe // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 17. С. 291 – 292.

характеризовались общей чертой: они предоставляли своим неопитам большую свободу религиозных взглядов и форм поведения, чем православие.

Выше говорилось о том, что епархии Западной Сибири представляли собой образование разнородных территорий «фронтара», «языков» (по терминологии Тернера) неосвоенности в рамках границ, формально считавшихся освоенными. Но глушь в Сибири приобретала совершенно новый уровень понимания: большие пространства, сложные погодные условия при общей «благодатности» края отнюдь не гнали переселенцев вперед, как это было в истории освоения американского фронта. Крестьянин, прибывший в сибирскую епархию, тут же надежно обустроивался, сразу почти хлопоча о постройке церкви и устройстве кладбища, и более не перемещался, как бы замыкаясь в границах нового «мира»¹⁴⁷.

Общее устройство епархий можно установить на примере Омской епархии, которая была образована последней и получила все законодательно полагающиеся епархии организации. Следует отметить, однако, один немаловажный факт: порядок выделения Омской епархии из уже существующих налагал на дальнейшее функционирование епархии свои особенности. Епархия была сформирована из приходов Тобольской и Томской епархий по признаку отдаленности от соответствующих городов и близости к Омску. Разумеется, передавались не самые лучшие, богатые и устроенные приходы, а те, которые нуждались в кадрах, в благоустройстве, были отдалены и малонаселенны: «В вверенном мне благочинии в настоящее время самостоятельных приходов 20, разъезды так увеличились, что мне затруднительно становится исполнять распоряжения Епархиального начальства без промедления, посему покорнейше прошу Томскую Духовную консисторию для образования особого благочиннического округа выделить приходы», – указывается в одном из донесений отца благочинного Степана

¹⁴⁷ Агеев А. Д. этот факт связывает как с природно-географическими особенностями Сибири, так и с менталитетом переселявшегося крестьянства, не нацеленного на включение в капиталистические отношения производства сельскохозяйственной продукции. См.: Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад. М., 2005.

Хмылева¹⁴⁸. Следует так же учитывать стихийность и неравномерность процесса переселений – официальные процессы формирования приходов не поспевали за реальными процессами заселения и формирования поселков. Многие из них очень длительное время оставались без пастырского надзора.

Итак, уже при образовании епархии перед ее руководством встает целый комплекс проблем, определенных ее природно-географическими особенностями, бурным переселенческим процессом, совпавшим по времени со становлением епархии, особенностями определения границ епархии и духовно-нравственным состоянием населения. Однако система управления епархией была организована традиционно и практически не учитывала специфики ситуации. Во главе традиционно стоял преосвященный, Епископ Омский и Семипалатинский (соответственно, в соседних епархиях – Епископы Томский и Барнаульский; Тобольский и Сибирский). За исследуемый период в Омской епархии сменилось восемь глав, со средней продолжительностью нахождения у власти в три года. Такая частая смена преосвященных отнюдь не была уникальной для епархий, скорее представляла собой особенность государственной управленческой политики.

В частности, Т. Г. Леонтьева приводит такие данные: «Место служения епископов так же определялось Синодом, причем считалось, что «засиживаться» в одной епархии не следует. Процедура перемещений вызывала насмешки современников: только в 1892 г. было тридцать переводов епископов с одной кафедры на другую – некоторые «служили» на новом месте не более двух недель. При переездах архиереи получали немалые «прогонные» из казны. И тем не менее светские власти, стремясь не допустить закрепления клановости в церковной среде, упорно «гоняли» владык из Могилева в Астрахань, из Иркутска – в Архангельск»¹⁴⁹. Нужно отметить, что данное замечание Т. Г. Леонтьевой справедливо для всех западносибирских епархий конца XIX века – начала века XX. Например, в

¹⁴⁸ ГАТО. Ф.170. Оп. 3. Д. 3786. Л.2.

¹⁴⁹ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 47 – 48.

Томской епархии, открытой в 1834 году, первые архипастыри занимали свои должности десять и более лет, и лишь с 1880-х годов начались описанные выше перемещения, во многом формально объясняемые «болезненностью» преосвященных¹⁵⁰, не привыкших к суровому сибирскому климату. В Тобольской епархии, основанной гораздо раньше (в 1620 году), первые века существования отмечены даже и «рекордными» тридцатилетними правлениями (например, Варлаам (Петров) занимал пост епископа Тобольского и Сибирского с 5 октября 1768 по 27 декабря 1802 года), но с 80-х годов XIX века средняя продолжительность занятия должности – 3 – 4 года. Учащение перемещений нельзя объяснить исключительно желанием конкретных перемещаемых лиц. Если церковный клир довольно охотно и активно перемещался в поисках лучшей доли или в связи с напряженным отношениями с приходом конкретной церкви, то в отношении иерархов церкви ни о какой добровольности речи не шло. Частота перемещений, вероятней, была связана с попытками церковных властей предотвратить злоупотребления на местах.

Между тем, перечень обязанностей архиереев был самым обширным. Согласно «Уставу духовных консисторий» архиерей обязан был: следить за духовно-нравственным состоянием вверенной паствы (ст. 7), содержанием проповедей, сочиненных священниками и произносимых в епархиальном городе (ст. 9,13), возникающими суевериями (ст. 19 – 20), за состоянием раскола и ересями (ст. 20 – 21), давать разрешения на браки между православными и иноверцами (ст. 28), утверждать планы ремонта церквей, покупки церковной утвари (ст. 38), собирать и доносить о состоянии имущества и благоустройства церквей Святейшему Синоду ежегодно (ст. 45), назначать на места и должности священно- и церковнослужителей и, соответственно, освобождать от них (ст. 67)¹⁵¹. Для исполнения этих

¹⁵⁰ Справочная книга по Томской епархии за 1898/99 год. Томск, 1900.

¹⁵¹ Устав духовных консисторий. СПб., 1900. С. 2 – 6; 10; 16; 17 – 18; 27.

обязанностей полагалось объезжать епархию с целью слежения за всеми делами в ней.

При частой смене преосвященных и незнании ими специфики духовной службы в Сибири не обходилось без курьезов. Например, едва приступивший к исполнению своих обязанностей преосвященный Сергей (20 января 1901 – 6 сентября 1903), произведя объезд епархии, по результатам его исполнения, видимо, таких впечатлений, что дал Омской Духовной Консistorии предложение для объявления духовенству Омской епархии, от 23 января 1902 г., следующего, довольно язвительного содержания: «Распоряжение одного из соседних Епархиальных Начальств напомнило мне о некоторых отрицательных явлениях во внешнем благочинии духовенства... неумение некоторых клириков и не только младших, но и старших правильно осенять себя крестным знаменем».¹⁵² Служение Сергея в Омской епархии вскоре завершилось, никакого особого результата в деле просвещения духовенства не имея. Частая смена архиереев вела к дестабилизации и так еще не вполне сложившейся системы епархиального управления, к проволочкам и путанице в разрешении тех или иных вопросов, лишним тратам из казны.

Подчиненным преосвященному, исполнительно-распорядительным органом власти выступала Омская духовная консистория (в соседних епархиях Томская духовная консистория, Тобольская духовная консистория). Согласно «Уставу духовных консисторий», основным назначением этого органа было «надзирать, чтобы истины Православной церкви Служителями ея и Православными Христианами исповедуемы были во всей чистоте»¹⁵³. В число таких надзирающих входил епархиальный архиерей как начальник Консistorии, 3 – 4 протоиерея или иерея (в том числе часто внештатный), секретарь, столоничальники (3 – 4 священника), архивариус, регистратор и казначей, избираемые архиереем из числа священников и утверждаемые в

¹⁵² КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.34.

¹⁵³ Устав духовных консисторий. СПб., 1900. С. 2.

должностях Священным Синодом¹⁵⁴. Таким образом, штат Консистории состоял из 11 – 12 человек, не считая архиерея, осуществляющих, по сути, большинство управленческих функций: рассмотрение вопросов материального обеспечения духовенства, состояния церковного имущества, обучение, организация церковных мероприятий, вопросы просвещения, оформление и выдача документов гражданского состояния и др.

Также в епархии действовал Омский Епархиальный училищный совет с семью отделениями: Омским, Семипалатинским, Акмолинским, Петропавловским, Ишимским, Тарским и Тюкалинским. Его основной функцией выступали организация и контроль за деятельностью школ грамоты, одноклассных и двухклассных церковно-приходских школ, Ишимского духовного училища. Функцией надзора обладала и Инспекция церковных школ¹⁵⁵.

Вскоре после основания епархии создано было Епархиальное попечительство о бедных духовного звания, которое в меру своих возможностей помогало беднейшим духовным лицам и их вдовам, сиротам. Деятельность его подробно отражена в соответствующих журналах¹⁵⁶. Эпизодически действующим органом епархии выступала Экзаменационная Комиссия для лиц, ищущих священнических, диаконских и псаломщических должностей. Функцией этого органа выступал прием экзаменов на занятие соответствующих должностей. В епархиальных ведомостях публиковалась информация о составе Комиссии и о датах проведения экзаменов. Таким образом, Комиссия собиралась только для приема экзаменов и принятия решения об уровне подготовленности претендентов на соответствующие должности, а также для обсуждения других связанных с данной деятельностью вопросов¹⁵⁷. Рукоположение в сан производилось

¹⁵⁴ Устав духовных консисторий. СПб., 1900. С. 131 – 134.

¹⁵⁵ Скальский К. Ф. Омская епархия. С. 10 – 13.

¹⁵⁶ КУ ИСА. Ф.16. Оп. 1. Д. 103.

¹⁵⁷ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 5: Приложение циркулярное. С. 2.

епархиальным преосвященным. Все вышеперечисленные органы управления действовали также на территориях Тобольской и Томской епархий¹⁵⁸.

Впоследствии в рамках епархии созданы были общества духовной направленности (Омский Епархиальный Комитет Православного Миссионерского общества; Братство ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения, во имя Божьей Матери; Омское общество хоругвеносцев)¹⁵⁹, которые исполняли епархиальные функции просвещения и организации деятельности, подчиняясь соответствующим указаниям епархиального начальства. Введены были и должности епархиального противосектантского миссионера, окружного противосектантского миссионера, перешедшая в состав Омской епархии Киргизская духовная миссия вошла в структуру управления епархией. Был создан и собственный епархиальный свечной завод, имевший целью снижение епархиальных расходов на богослужебные нужды церквей. Все эти организации отнюдь не были новы – аналогичные братства и свечные заводы действовали на территории других епархий¹⁶⁰.

Таким образом, разветвленная структура органов управления и общественных организаций епархий полностью соответствовала нормативным установлениям, являлась типичной не только для Западной Сибири, но и для всего пространства Российской империи, однако лишь в незначительной степени учитывала специфику сибирской епархии. Управленческие функции были сосредоточены в руках небольшого числа лиц, имеющих малые возможности для составления объективного мнения о состоянии епархии и ее служителей, нуждах и трудностях, с которыми сталкивалось вверенное им духовенство. Обширность западносибирских епархий требовала значительных усилий для осуществления эффективного

¹⁵⁸ Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии ... 26 С.; Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века ... Кемерово, 2003.

¹⁵⁹ Голубцов С. В. История Омской епархии. С. 93, 104 – 108.

¹⁶⁰ Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии ... С. 88.

управления, однако расстояния, климат, частые смены преосвященных и обширность возложенных на начальство функций не позволяла ему должным образом реагировать на нужды духовного сословия и его паствы.

§ 2. Правовое положение и социальный состав духовенства епархий Западной Сибири

С правовой точки зрения духовенство Западной Сибири ничем не отличалось от духовенства Европейской России. Спецификой православного духовенства как сословия в целом выступала двойственность его положения. С одной стороны, «Устав духовных консисторий» определял, что духовное лицо должно было проповедовать «слово Божие в церквах» и наставлять «православный народ в вере и благочестии, в благонравии и послушании властям»¹⁶¹. На должность архиерея могли назначаться только «таковые лица, которые *подлинно такого высокого чина достойны*, не смотря ни на дружбу, ни на другую какую страсть, но *на едину пользу церкви Христовой*». Таким образом, духовенство выделяется из остальных «состояний»: дворянского, доставшегося за «качество и добродетель начальствовавших в древности мужей»¹⁶² (ст.15); городского обывателя, «причисляемого законом к среднему роду людей» (там же, ст. 503)¹⁶³; сельского обывателя, «пользующегося личными правами, вообще природным российским обывателям предоставленным» (ст. 676)¹⁶⁴; инородца, относящегося к той или иной коренной народности Российской империи (ст. 762)¹⁶⁵. К духовному лицу как основное требование предъявляется его моральный облик и способность к проповеди и укреплению православия.

Вопреки заявленной функции, государство рассматривало духовенство как еще одну контрольно-учетную службу, особенно в местах отдаленных и труднодоступных для других форм надзора. Обязанности рядовых служителей Церкви непомерно разрастались отнюдь не за счет расширения богослужебных и проповеднических функций. Они дополнялись обязанностью учительствовать в приходских школах; определять места

¹⁶¹ Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената. СПб., 1900. С. 3.

¹⁶² Свод законов Российской империи: в XVI т. СПб., 1912. Т IX: Свод законов о состояниях. С. 2.

¹⁶³ Там же. С. 59.

¹⁶⁴ Там же. С. 83.

¹⁶⁵ Там же. С. 87.

погребения прихожан; вести записи об актах гражданского состояния и иную церковно-приходскую документацию; выдавать метрические справки членам прихода для дальнейшего предоставления в соответствующие органы власти; следить за нравственным состоянием и «настроениями» прихода, и др.¹⁶⁶.

Даже при сравнении статуса духовного лица и государственного служащего привлекает внимание бесправие первого, который в силу положения обязан был безропотно нести какие бы то ни было тяготы и исполнять службу за совесть, а не за вознаграждение, которое, к тому же, далеко не всегда выплачивалось из казны, а обеспечивалось местными средствами и потому могло быть крайне скудным¹⁶⁷.

В соответствии со «Сводом законов Российской империи», положению «Свода законов о состояниях» духовенство православное подразделялось на две группы: монашествующее и белое (ст. 405)¹⁶⁸. К белому духовенству относили священнослужителей (протопресвитеров, протоиереев, пресвитеров, иереев, протодиаконов, диаконов и иподиаконов), а также церковнослужителей (так называемый причт-псаломщики) (ст. 407)¹⁶⁹.

Духовенство монашествующее составляли духовные власти: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женских, ризничий московского Синодального дома; прочие монашествующие (ст. 406)¹⁷⁰. Согласно законодательству, к духовному сословию относились лишь уже постриженные в монахи, поскольку до окончания послушничества проходящий послушание мог покинуть монастырь, возвратившись в свое сословие и сохранив все принадлежащие ему права и обязанности.

Однако после пострижения монашествующий полностью отрекался от мирской жизни, отказывался от имущества, от прежнего имени, родственников

¹⁶⁶ Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913. С. 108 – 117.

¹⁶⁷ Айвазов И. Г. Законодательство... С. 124 – 125.

¹⁶⁸ Свод законов Российской империи: в XVI т. Т.IX ... С. 50.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

связей и всех истекающих от сословной принадлежности привилегий и обязательств, а порядок его жизни полностью подчинялся монастырскому уставу и прочим правилам монастырской жизни. Это духовное состояние, согласно законодательству, лишало субъекта всех прежних привилегий не только на время монашества, но и в случае выхода из состояния (ст. 414)¹⁷¹. Возраст монашествующих не мог быть: для мужчин – меньше тридцати лет, для женщин – меньше сорока лет¹⁷² (при отсутствии супругов и несовершеннолетних – ст. 413). Монашествующие, кроме группы «ученого монашества», «духовных властей», полностью обрывали всякие связи с миром, переставая фактически участвовать в общественной жизни сословия, а общее число их было невелико. Например, в 1911 году в Омской епархии имелось: мужских монастырей – 1, монашествующих – 19, женских монастырей – 4; монашествующих – 21; в Тобольской епархии: монастырей мужских – 3, монашествующих – 45, монастырей женских: монастырей – 4, монашествующих – 112. В Томской епархии располагалось: мужских монастырей – 2, монашествующих – 24, женских монастырей – 4, монашествующих – 66¹⁷³. Поэтому, говоря о духовенстве вообще, большинство исследователей подразумевает белое духовенство, и мы в основном говорить будем именно о духовенстве белом, в отдельных случаях привлекая биографии церковных иерархов и сведения о просветительской и благотворительной деятельности монастырей, быт монашествующих оставив за пределами нашего исследования.

В белое духовенство дозволялось вступать лицам любых состояний при условии достаточно уровня образования (ст. 426 – 427)¹⁷⁴. В качестве такого достаточно уровня установлены были следующие цензы: наличие оконченного или, при нужде, неоконченного курса духовной семинарии – для священника («причем, по научному образованию, безукоризненной

¹⁷¹ Свод законов Российской империи: в XVI т. Т.IX ... С. 51.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1912. Ст. 1702, 2168, 2170.

¹⁷⁴ Свод законов Российской империи: в XVI т. Т.IX ... С. 52.

нравственности и знанию чина богослужения, они должны вполне удовлетворять требованиям своего сана»¹⁷⁵); окончанный или неоконченный курс духовной семинарии – для диаконов, при условии сдачи ими экзамена на готовность к исполнению обязанностей; более низкого уровня образования – для псаломщиков.

При переходе в духовное сословие в качестве священно- или церковнослужителя, как и в случае с пострижением в монахи, субъект терял юридическую связь с прежним сословием, однако получал возможность передавать свою сословную принадлежность супруге и детям (кроме случаев, когда супруга относилась к дворянскому состоянию), какой возможности монашествующий не имел. Для всех категорий духовенства вводился запрет на торгово-предпринимательскую деятельность, на исполнение обязанностей поверенных по чужим делам, кроме духовных (ст. 420, 431)¹⁷⁶ или при представлении интересов своей семьи. В гражданско-правовом смысле белое духовенство так же имело преимущество перед монашествующими – оно обладало возможностью получения собственности и ее отчуждения (ст. 397)¹⁷⁷. Фактически же получаемое священниками жалование не позволяло им покупать земли и дома. Поэтому для служителей выделялись церковные земли и дома, выстроенные силами приходов. Эта недвижимость оставалась полной церковной собственностью, не наследовалась и не могла никаким образом участвовать в гражданском обороте: согласно клировым ведомостям¹⁷⁸, среди служителей Омской епархии только единицы обладали собственными домами, в остальном пользуясь либо съемными квартирами, либо выстроенными приходскими общинами, часто очень неудобными, и не имея возможности их сменить или улучшить свои бытовые условия.

Духовенство было лишено и свободы передвижения (поскольку назначение на должности производилось епархиальным начальством, а

¹⁷⁵ Законодательство по церковным делам в Царствование Императора Александра II. М., 1913. С. 108 – 109.

¹⁷⁶ Свод законов Российской империи: В XVI т. Т.IX ... С. 51.

¹⁷⁷ Свод законов Российской империи: В XVI т. Т.IX ... С. 49.

¹⁷⁸ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 152, 165 – 167.

самовольно отлучаться с места служения духовным лицам запрещалось) и, в большой степени, свободы выражения мнения, поскольку тексты самостоятельно сочиненных проповедей священники обязывались предоставлять для прочтения благочинным. В этих проповедях им рекомендовалось не касаться политических и иных вопросов, не относимых к духовным¹⁷⁹.

Специфическим образом решался и вопрос о выходе из сословия. Оснований для такого выхода было всего два: снятие сана и его лишение¹⁸⁰. Выход из сословия означал для священнослужителя автоматическое лишение всех имеющихся в связи с сословной принадлежностью прав. В качестве меры ответственности за добровольное снятие сана устанавливался 7-летний запрет на исполнение гражданской службы в пределах епархии, в которой «расстрига» исполнял духовные функции.

Ст. 429¹⁸¹ «Свода законов о состояниях» определяет основания прекращения службы причта: собственное желание, неспособность исполнять функции (кроме старости и увечья, ст. 430), совершение преступления или даже подозрение в его совершении. Таким образом, в статье не разграничиваются виновные и невиновные основания выхода из сословия. Кроме того, лица из причта, не принадлежавшие ранее к дворянству или почетному гражданству, а также не имеющие достаточного для гражданской службы образования, обязаны были после выхода из сословия приписываться в городскому или сельскому (то есть податным) состояниям. Понятно, что среди причта очень мало в указанный период было представителей почетного гражданства (не говоря уж о дворянстве), а уровень образования большей части сибирских причетников не позволял заниматься более никакой гражданской службой. Соответственно, выход из причта для таких лиц автоматически означал переход в податное сословие и потерю пусть незначительных, но привилегий духовного состояния. Кроме

¹⁷⁹ Айвазов И. Г. Законодательство ... С. 100.

¹⁸⁰ Свод законов Российской империи: в XVI т. Т.IX ... С. 52.

¹⁸¹ Свод законов Российской империи: в XVI т. Т.IX ... С. 53.

того, для них свобода передвижений ограничивалась на три года. Лишение сана и выведение из сословия представляло собой наказание и за преступления уголовного характера¹⁸², а также неблаговидное поведение. Таким образом, формально разрешенный, выход из духовного сословия был крайне затруднен и невыгоден для служителей.

Отдельную категорию священно- и церковнослужителей в рамках белого духовенства составляло военное духовенство. Его особый статус определялся фактическим подчинением Военному министерству¹⁸³ – через прямое подчинение протопресвитеру военного и морского духовенства. После реформы в управлении военным духовенством 1890 года сложилась хотя и противоречащая церковным канонам, но относительно рациональная система: во главе военного и морского духовенства был поставлен протопресвитер, который заведовал «неподвижными» и «подвижными» военными церквями¹⁸⁴, а также духовенством этих церквей. Духовенство военного и морского ведомства, таким образом, было выведено из ведения епархиального начальства – исключение составляли только «неподвижные» церкви, имеющие прихожан из местных обывателей (в Омске такой церковью, например, был Омский Воскресенский крепостной собор). Назначение клира в таких церквях и принятие решения о наградах должно было проводиться с согласия местного архиерея¹⁸⁵.

Военному и морскому духовенству была предоставлена и специальная подсудность – протопресвитеру по делам административного порядка, то есть делам, наказание за которые назначается в виде замечания, выговора (строгого и простого), перевода и штрафа на сумму не более 50 рублей¹⁸⁶. В случаях, когда проступок духовного лица был настолько тяжел, что требовал

¹⁸² Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената. СПб., 1900. С. 80 – 81.

¹⁸³ Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков: справочные материалы. М., 2008. С. 32.

¹⁸⁴ Барсов Т. В. Новое положение об управлении церквями и духовенством Военного и Морского ведомств // Христианское чтение. 1893. № 11 – 12. С. 435 – 477.

¹⁸⁵ Там же. С. 460.

¹⁸⁶ Барсов Т. В. Новое положение ... С. 465.

более серьезных мер воздействия, служитель исключался из ведения протопресвитера, а его дело передавалось на рассмотрение епархиального начальства той территории, где он проходил служение¹⁸⁷.

Статистически состояние сибирских епархий и численный состав духовенства епархии охарактеризовать точно крайне сложно: велика была «текучесть кадров», когда перемещенные из епархий центральной России служители приписывались на службу то к одной, то к другой церкви, а то и вовсе направлялись дальше, в следующую епархию, и все это в короткие сроки, не отставая от своих преосвященных. Данное явление типично для епархий Западной Сибири вообще – исследователи Томской¹⁸⁸ и Тобольской¹⁸⁹ епархий указывают на аналогичные процессы в изучаемый период.

Масштабы такой «мобильности» можно оценить по послужному списку священника Константина Ивановича Голявина, который сменял места служения в пределах нескольких епархий последовательно. Перемещался единожды в 1904 году, единожды в 1906 году, дважды в 1912 году, дважды в 1914 году, затем был перемещен в 1915 году, и в последний раз его изменения по службе отражены в 1919 году, когда он и был переведен в Омскую епархию¹⁹⁰.

Кроме «мобильности» духовенства оценку его численности затрудняет процесс переселений, благодаря которому темпы церковного строительства в епархиях оставались очень высокими в течение всего изучаемого периода. Разумеется, не все полагающиеся согласно штату места были заняты, упоминания о вакантных местах находим в каждом номере «Омских епархиальных ведомостей», «Томских епархиальных ведомостей», «Тобольских епархиальных ведомостей». Например, в 1907 – 1908 годах в среднем остаются по Омской епархии вакантными ежемесячно около 10

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии ... Екатеринбург, 2003.

¹⁸⁹ Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века ... Томск, 2003.

¹⁹⁰ КУ ИСА Ф.16. Оп. 1. Д. 359.

священнических, 7 диаконских, 5 – 6 псаломщических мест, а в год, таким образом, до 30 мест. Скальский оценивает численность духовенства Омской епархии на 1900-ый год в шесть с половиной сотен человек (учитываются только сами служители, без членов семей)¹⁹¹. В 1911 году, по данным «Полного православного богословского энциклопедического словаря»¹⁹², в Омской епархии протиереев – 13; священников – 397; псаломщиков – 329. Количество дьяконов, очевидно, колеблется в пределах 200 – 250 человек. Поскольку диакон не являлся обязательным участником церковного служения в небольших церквях, лица, получившие диаконский сан, зачастую, не находя места, шли исполняющими обязанности псаломщика. И. Голшубиным (спустя десятилетие) численность омского духовенства оценивается в полторы тысячи человек, учитывая заштатных священников¹⁹³.

Определить примерный численный состав духовенства вместе с членами семей трех западносибирских епархий возможно по результатам Всеобщей переписи 1897 года: в качестве проживающих на территории трех губерний числилось приблизительно 13 тысяч лиц духовного звания (включая собственно духовных лиц и членов их семей)¹⁹⁴. Наибольшее число представителей сословия проживало в Томской и Тобольской губерниях – по 5 с небольшим тысяч человек. На долю Акмолинской области пришлось чуть более 2 тыс. человек, включая духовенство других христианских исповеданий¹⁹⁵. В целом их численность в соотношении с численностью лиц всех остальных сословий по оценкам современников составляла от 0,28 % (в Томской епархии) до 0,5 % (в Тобольской епархии)¹⁹⁶.

¹⁹¹ Скальский К. Ф. Омская епархия ... С. 403 – 421.

¹⁹² Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. Столбец 1702.

¹⁹³ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1070 – 1225.

¹⁹⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXXI. Акмолинская область. С. 48 – 49; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXVIII. Тобольская губерния. С. 72 – 73; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. С. 66 – 67.

¹⁹⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXXI. Акмолинская область. С. 48 – 49.

¹⁹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXVIII. Тобольская губерния. С. 29; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. С. 16.

Зафиксированная высокая смертность в епархиях не способствовала наполнению штатов служителями и также затрудняет оценку численного состава духовенства: «Омская епархия за последние четыре года [1897 – 1900 гг.] дала громадный процент смертности среди молодых священников, в большинстве приехавших из России и, следовательно, не перенесших суровости климата Сибири»¹⁹⁷. В соответствующей статье «Омских епархиальных ведомостей» даются и статистические данные:

Таблица 3

Уровень смертности духовенства Омской епархии в 1897 – 1900 гг.

Годы	Священнико в	Диаконов	Псаломщиков	Всего:
В 1897 г.	9	2	7	18
В 1898 г.	10	2	1	13
В 1899 г.	11	2	5	18
В 1900 г.	5	1	3	9
Всего:	35	7	16	58

Источник: Омские епархиальные ведомости. 1902. №3. С. 11.

Как видим, из общего числа церковно- и священнослужителей, оцениваемого нами в этот период в 600 – 700 человек, за четыре года умерло 58, то есть порядка 9,5 %, что составляет почти десятую часть наличного состава духовенства епархии. В дальнейшем тенденция сохраняется: в 1910 году на страницах «Омских епархиальных ведомостей» сообщается о 14 умерших священниках и 3 псаломщиках. Очевидно, эти данные неполные, однако оценить масштаб их искажения не представляется возможным. Несомненно, что происходил постоянный рост численности духовенства епархий, но рост неравномерный, не способный в полном объеме удовлетворить запросы епархии.

¹⁹⁷ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 3. С. 11.

Послужные списки, личные дела и упоминания в официальных частях «епархиальных ведомостей» дают некоторое представление об источниках пополнения рядов сибирского духовенства. В частности, кроме служителей – уроженцев епархий, выходцев из местного крестьянства, мещанства и дворянства, встречаются упоминания о священнослужителях всех категорий – выходцах из очень далеких от Сибири губерний, ехавших сюда в поисках лучших мест. Наибольшее число таких выходцев перемещалось в Омскую епархию, как испытывающую самый большой «кадровый голод».

Епархии, дававшие приток населения в Западную Сибирь, были небольшими по площади, но плотно заселенными территориями, на которых среднее расстояние между церквями составляло 5 – 7 верст, с невысоким процентом раскольнического населения и сектантов, с населением, обладающим достаточно высоким уровнем религиозной мотивации. Соотношение между числом «пасущих» и «пасомых» в Западной Сибири выглядело следующим образом: в Омской епархии на приблизительно тысячу служителей в 1897 году приходилось не менее 1.000.000 душ (соотношения «служитель: пасомый» – 1:1000; «священник: пасомый» – 1 : 2518.5). В Томской епархии в этот же период имелось 1419 служителей и 1.569.628 душ пасомых (соотношение «служитель: пасомый» – 1:1099). На Тобольскую епархию приходилось 1.032.441 душ пасомых и примерно 1.500 служителей¹⁹⁸.

Таким образом, сибирские епархии в изучаемый период обладают низкой плотностью населения и высоким количеством прихожан по отношению к одному пастырю. Указанные особенности обусловили особые трудности служения духовных лиц в Сибири и в некоторой степени определили в дальнейшем успехи распространения сектантства на этих территориях.

¹⁹⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXXI. Акмолинская область. С. 50 – 51; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXVIII. Тобольская губерния. С. 74 – 75; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. С. 68 – 69.

Источники дают представление о трех порядках пополнения вакантных мест священнослужителями из других епархий. Первый способ – перевод священнослужителя по усмотрению епархиального начальства. Этот способ является достаточно распространенным порядком замещения должностей по прямому направлению соответствующего архиепископа. В источниках порядок таких переводов специально не освещен.

Второй способ – перевод по просьбе самого священнослужителя, недовольного занимаемым местом (как правило, это места вторых и заштатных священников, места псаломщиков, которые вынуждены занимать диаконы в связи с отсутствием дьяконских мест) и обнаружившего в епархиальных ведомостях соответствующей епархии объявления о вакансиях, либо перевод в связи с некими непредвиденными обстоятельствами. Иллюстрацией может выступать дело о принятии из Пермской в Омскую епархию диакона Георгия Беловодского¹⁹⁹.

Диакон Беловодский узнал из «Пермских епархиальных ведомостей» о наличии свободных священнических мест в Омской епархии и подал соответствующее прошение в Омское епархиальное управление. Ему было отвечено положительно, однако в скором времени никаких дальнейших изменений в судьбе диакона не последовало, и он направил повторное обращение уже на имя епископа Омского. Дело рассматривалось Омской духовной консисторией в 1906 году, по результатам рассмотрения ему предоставили возможность занять вакантное место священника после сдачи соответствующего квалификационного экзамена и рукоположения в сан. Официальное назначение произошло только 13 марта 1907 года, рукоположенный священник получил место в кладбищенской Благодаровской церкви Омского уезда.

Таким образом, описана ситуация, когда священнослужитель, не сумевший в европейской России найти соответствующего своему званию места, в Омской епархии был признан достойным более высокого сана и

¹⁹⁹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 351; Упоминание: Омские епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 9.

соответствующего места. Такой единичный случай вписывается в общую тенденцию, наблюдавшуюся в европейской части Российской империи: сокращение числа приходских церквей (или, по крайней мере, искусственное сохранение их количества при росте населения) и, следовательно, числа мест для священнослужителей, представлявшее собой попытку государства сократить число духовенства и тем самым увеличить его доходы.

Существовала и практика переводов внутри епархий или между епархиями Западной Сибири – по нуждам служителей, желающих обменяться местами. В таком случае нуждающийся служитель заручался согласием служителя другого прихода, а затем подавал прошение в духовную консисторию. Очевидно, таким образом обменялись местами с 6 февраля 1907 года священники Омской епархии Федор Смирнов (село-Мариинской церкви, Кокчетавского уезда) и Павел Коряков (поселко-Чарской церкви того же уезда)²⁰⁰; псаломщик Константин Избалыков (село-Троицкой церкви Петропавловского уезда) и псаломщик Лука Колош (село-Михайловской церкви того же уезда)²⁰¹; исполняющий должность псаломщика Михаил Пономарев (село-Андреевской церкви Кокчетавского уезда) и исполняющий должность псаломщика Константин Каторин (село-Ольгинской церкви того же уезда)²⁰². Упоминания о такого рода перемещениях встречались регулярно на протяжении всего периода и порой достигали такой распространенности, что вынуждали даже церковное начальство делать духовенству внушения относительно неприемлемости злоупотребления правом на подачу прошений. Например, в 1908 году на страницах «Омских епархиальных ведомостей» было помещено обращение Епископа Омского и Семипалатинского Гавриила: «Предлагаю духовенству воздержаться от напрасно обременяющих меня просьб о перемещениях – просьб, часто не заслуживающих решительно никакого уважения, и

²⁰⁰ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 8.

²⁰¹ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 4.

²⁰² Омские епархиальные ведомости. 1907. № 4. С. 4.

объявляю, что просители, не прослужившие в одном месте по крайней мере трех лет, не могут рассчитывать на перемещение»²⁰³.

Отдельным, третьим, основанием для переводов выступали неблагоприятные поступки священнослужителей. Общей практикой было перемещение священнослужителей, совершивших не столь серьезные нарушения, которые привели бы к лишению сана, но достаточно серьезно нарушивших церковные нормы или не сумевших найти общий язык с прихожанами, в другие приходы или даже епархии (что, судя по данным Т. Г. Леонтьевой, в центральных епархиях так же случалось довольно часто²⁰⁴).

Как уже было указано выше, дело перевода было длительным и хлопотным и требовало взаимодействия епархиальных начальств, значительно отдаленных географически, поэтому случались и неприятные для переводимых служителей ситуации. Например, срок ожидания перевода мог быть настолько большим, что священнослужитель не успевал приехать на новое место по причине смерти, либо тяготы и лишения на прежнем месте службы, а также тяготы переезда настолько вредили его здоровью, что он умирал через некоторое время после переезда. В других случаях по прибытии могло оказаться, что вакансия уже занята, и тогда служителю предлагали еще один перевод, и часто – на должность нижестоящую (диакона или псаломщика). Случалось, что терялись документы или информация о вакансии оказывалась искаженной.

Тем не менее, переводы в Западную Сибирь производились регулярно. Наиболее активный перевод – переезд священников из европейской части России приходится, как следует из «Омских епархиальных ведомостей», на 1897 – 1900-е годы, то есть на период, на который приходится формирование штатов этой вновь образованной епархии.

Еще одним способом занятия вакантных мест (кроме переводов) было традиционное принятие выпускников духовных семинарий и училищ на

²⁰³ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 5: Приложение.

²⁰⁴ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 155 – 157.

соответствующие должности. При окончании полного курса назначения производился без экзаменов, только по предоставлении соответствующего документа об образовании, который непосредственно и лично передавался начальством училища епархиальному начальству соответствующего прихода – видимо, с целью не допустить ухода выпускников на светские поприща.

Наконец, третьим, более редким для священников и частым для псаломщиков, было занятие мест путем перехода из другого сословия. Согласно «Своду законов о состояниях», лица других сословий имели право претендовать на переход в духовное сословие.

Таким образом, из «Справочной книги Омской епархии»²⁰⁵ узнаем, что около 16 % священнослужителей до 1913 года прибыли на службу в Омскую епархию из других епархий и около 36 % продолжали служить на своих местах с того времени, когда их приходы относились еще к Тобольской епархии. Из священнослужителей, пополнивших штат Омской епархии путем переводов, большинство (по 9 %) прибыли из Вологодской, Московской и Рязанской губерний, из Области Войска Донского, по 7 % из Томской, Московской и Самарской губерний, по 4 % из Тамбовской, Полтавской, Владимирской, Симбирской, Волынской, Тверской губерний, и, кроме того, некоторое количество священнослужителей переведено было из Пермской, Подольской, Костромской, Могилевской, Херсонской, Ярославской, Воронежской, Оренбургской губерний. Мы обладаем данными о происхождении приблизительно 80 % духовных лиц Омской епархии. Сословное происхождение духовенства этой епархии выглядело следующим образом: около 57 % духовных лиц относились к потомственному духовенству, около 25 % являлись выходцами из крестьянства, около 9 % – из мещанства, присутствовали в сословии и бывшие чиновники, военнослужащие, личные почетные граждане, казаки, купцы и, в единичных

²⁰⁵ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1080 – 1240.

случаях, дворяне. Некоторое количество священнослужителей в прошлом занималось учительской деятельностью²⁰⁶.

В качестве примера можно привести дело о прошении крестьянина Яковлева (село Гусиха Спасского уезда). Крестьянин просит допустить его к экзамену на должность священника, ссылаясь при этом на такие факты своей биографии: в 17-летнем возрасте обучался грамоте, после чего поучал крестьян наставлениям из творений Святого Тихона Задонского и из книг Священного Писания, убедил их построить храм Божий; затем занимался хлебопашеством, был сборщиком податей, волостным писарем, управляющим имением одного помещика, путешествовал на Афон, в Константинополь, Киев, Москву и другие места, имеющие святыни, приобрел до ста книг, по которым и приготовился к прохождению должности священнослужителя²⁰⁷. В дальнейшем указывает, что уже обращался с подобной просьбой к Преосвященным Казанскому, Самарскому, Пермскому, Екатеринбургскому, но везде получил отказ, а в 1896 году обратился к Преосвященному Омскому, приложив отзыв протоиерея Богоявленской города Казани церкви, который рассмотрел тетради Яковлева с конспектами и счел его достойным сана. 11 октября 1896 году прошение Яковлева было рассмотрено и до сдачи экзамена он был допущен. Сумел он пройти испытание или нет, нам неизвестно, однако сам прецедент привлекает внимание, поскольку обычно городские и сельские обыватели (мещане и крестьяне) без специального образования претендовали преимущественно на должности псаломщиков.

Б. Н. Миронов приходит к выводу о том, что духовенство – самое образованное из всех сословий Российской империи²⁰⁸. При этом он предоставляет следующие данные: в 1897 году 89 % представителей духовенства старше 9 лет были грамотными против 87 % дворянства аналогичного возраста. По уровню образования духовенство превосходит

²⁰⁶ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1080 – 1240.

²⁰⁷ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 52. Л.58.

²⁰⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России ... Т. 1. С. 104.

дворянство, так как «значительное число священнослужителей училось в семинариях и академиях... в 1904 г. – 64 %» священников имели специальное образование. В 1897 г. «среди дворянства лиц, учившихся в высших и средних учебных заведениях, насчитывалось 33,5 %, а среди духовенства – 58,5 %»²⁰⁹.

Следует сразу отметить, что уровень образования западносибирского духовенства был одной из серьезных проблем местных епархий. Вообще сибирское духовенство по уровню образования было крайне пестрым, разнородным, менее одного процента священнослужителей имели высшее богословское образование. Например, в 1907 г. в Томской епархии в составе духовенства не было лиц, закончивших курс духовных академий, так как формально даже высшие священнослужители – архиепископ Томский и Барнаульский Марий (Невский) и викарный епископ Бийский Иннокентий (Соколов) – имели среднее богословское образование: окончили соответственно Тобольскую и Московскую духовные семинарии²¹⁰. В Омской епархии большинство епископов, начиная от первого, Григория (Полетаева), и заканчивая последним в изучаемый период Владимиром (Путятой), прошли курс духовных академий.

Однако во всем остальном омское духовенство по образовательному уровню не отличалось от священнослужителей остальных западносибирских епархий. Так, согласно данным «Справочной книги Омской епархии», приблизительно 25,3 % священнослужителей имели в багаже неполный курс духовной семинарии (как правило, уволенные с одного из курсов), 14,3 % – полный, 26 % получали полное начальное образование в духовных училищах и в училищах реальных, или иных начальных учебных заведениях, неполный начальный курс образования за плечами имело 17,7 %, а еще около 4 % получили только домашнее образование²¹¹.

²⁰⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России ... Т. 1. С. 107.

²¹⁰ Ушакова О. В. Уровень образования духовенства западно-сибирских епархий в 1907 – 1914 гг. // Современное общество: Научная конференция, посвященная 25-летию Омского государственного университета. Вып. 1. Омск, 1999. С. 77 – 78

²¹¹ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 1072 – 1225.

Начальное образование духовные лица приобретали в низовых училищах Министерства народного просвещения, в катехизаторских училищах, реальных городских, уездных училищах, в ремесленных школах, псаломщических школах.

Среднее образование служители большей частью получили в Тобольской, Томской епархиях, также встречаются упоминания о выпускниках Самарской, Владимирской, Ярославской и других духовных семинарий, в некоторых случаях они были слушателями Московских пастырских курсов (например, в «Омских епархиальных ведомостях» помещены сведения о 31 слушателе этих курсов, зачисленном к месту служения в Омскую епархию²¹²). Наконец, встречаются единичные упоминания о выпускниках Казанской и Московской духовных академий (менее 1 % от общего количества духовенства трех епархий), которые в основном прикреплялись к штату городских церквей. Если сравнивать эти данные с приводимыми в вышеуказанном труде Б. Н. Мироновым²¹³, то тезис о том, что духовенство было одним из самых образованных сословий (лишь в самой незначительной степени уступая дворянству (*Таблицы 4, 5*), по всей видимости, вполне применим к Западной Сибири, и в любом случае остается несомненным, что сельское духовенство оказывалось куда грамотней своих пасомых (*Таблица 4*). Соотношение по числу грамотных по сословиям в Акмолинской области отражено в соответствующей таблице ниже (привлекаются данные Всеобщей переписи населения 1897 года, преимущественно по Томской губернии, рассчитан средний показатель без разделения на мужское и женское население, с учетом того, что в Акмолинской области состав мог незначительно отличаться).

²¹² Омские епархиальные ведомости. № 21. С. 9.

²¹³ Миронов Б. Н. Социальная история России... С. 104.

Таблица 4

Распределение населения Западной Сибири (на примере Томской губернии и Акмолинской области) по сословиям и грамотности в 1897 г.

Образовательный уровень	Сословие			
	Дворяне	Духовенство	Почетные граждане, купцы, мещане	Селяне
Грамотных	73,96 %	73,66 %	29,825 %	8,525 %
Получивших образование в университетах	5,285 %	4,755 %	0,43 %	0,01 %

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 30 – 47; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904. С. 100 – 131.

Тем не менее, современники с уверенностью утверждали: «Духовенство является наиболее культурным элементом на местах»²¹⁴. Качественно распределение уровней образования выглядит следующим образом:

Таблица 5

Распределение дворянства и духовенства Западной Сибири (на примере Томской губернии и Акмолинской области) по образовательным уровням в 1897 г.

Сословие	Высшее образование		Среднее образование		Военные учебные заведения (учитываются только мужчины)	
	В университетах	Высшее специальное	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее	Среднее
дворяне	5,285 %	1,68 %	32,14 %	4,11 %	0,38 %	4,91 %
духовенство	4,755 %	0,0 %	45,52 %	0,835 %	0,0 %	0,09 %

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область. СПб., 1904. С. 30 47; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904. С. 100 – 131.

Мы видим, что «качественная составляющая» образования у дворянства и духовенства различается. Духовные лица Западной Сибири почти

²¹⁴ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 160. Л.174.

полностью исключены из системы высшего специального образования и (естественно) военного, зато лидируют по числу получивших среднее. Тем не менее, число получивших среднее специальное (духовное) образование среди представителей духовенства невелико – особенно в сравнении с духовенством центральных епархий империи. Например, в 1900 году из духовенства Тверской епархии полного среднего образования не имели только 0,7 % служителей, высшее образование в своем багаже имели 1,8 % служителей, 73 % причтов Кашинского уезда Тверской губернии имели полное среднее духовное образование²¹⁵.

Причин более низкого уровня образования духовенства в Западной Сибири несколько. Во-первых, сама система духовного образования в России в указанный период представляла собой сложную структуру, подвергшуюся в течение полувека реформированию дважды (в 1867 и в 1884 годах были утверждены новые уставы и штаты духовно-учебных заведений). В результате этих реформ сначала в 1867 – 1869 годах доступ в духовные заведения был открыт выходцам из любых сословий, а выпускники семинарий получили возможность поступать не только в духовные, но и в светские высшие учебные заведения. Такая либерализация привела к тому, что выпускников средних духовных учреждений стало недоставать для занятия священнических мест, поскольку большая их часть уходила затем на светское поприще – для «поповских детей» высшее образование превратилось в способ ухода из сословия, а не повышения профессиональной квалификации. Кроме того, попасть в высшее духовное заведение было крайне сложно – кроме проблем подготовки сказывалась бедность сословия.

И хотя учебные заведения пытались удержать своих выпускников экономическими методами, заставляя, например, лиц, не намеренных поступать на службу по духовному ведомству, выплачивать стоимость обучения за все годы (в Пензенской духовной семинарии, например, обучение с 1902 по 1909 годы обходилось в 682 рубля – то есть сумма,

²¹⁵ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 65.

превышающая размер годового жалования большинства священников Западной Сибири²¹⁶), помогало это мало. В любом случае, духовная школа представляла собой основное учебное заведение для детей духовенства вне зависимости от того, как они дальше были намерены распорядиться своей судьбой.

Поэтому гораздо больше помогали меры, введенные в 1879 году: семинаристы должны были пройти испытание зрелости в гимназиях, прежде чем поступать в университет. Доля выпускников духовных заведений, поступающих в университеты, сразу и резко уменьшилась. Реформа 1884 г. усилила власть епархиальных архиереев и ректоров, а студентам было запрещено самостоятельно выбирать направления своей научной работы, поскольку духовные семинарии есть «учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению православной церкви»²¹⁷, и, следовательно, сама церковь определяет форму служения. Впрочем, уходы не прекратились, на что указывает явное осуждение таких уходящих на страницах церковных изданий²¹⁸.

Вторая причина недостаточной образованности, слабой профессиональной подготовленности духовенства Западной Сибири заключалась в нехватке учебных заведений духовной направленности в Сибири в целом. Во всем регионе в указанный период нет ни одной духовной академии. В европейской части Российской империи в этот же период их четыре. Ближайшая духовная семинария (то есть среднее специальное учебное заведение) находилась в этот период в Тобольской епархии. В Омской епархии средних учебных заведений духовного ведомства не имелось, а в Ишиме находилось заведение начальной профессиональной подготовки – духовное училище. Несмотря на возбужденные омскими властями в 1909 – 1916 гг. ходатайства перед Синодом об открытии в Омской

²¹⁶ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 389.

²¹⁷ Руткевич П. Т. Семинарские годы (Воспоминания о Киевской ДС за 1873 – 1879 г.г.). Киев, 1912. С. 11

²¹⁸ Нечто о семинаристах, поступающих по окончании курса в духовной семинарии в высшие светские учебные заведения // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 138 – 142.

епархии семинарии, таковая не была учреждена – дело сперва натолкнулось на необходимость значительных финансовых вложений, затем – на начавшуюся войну²¹⁹. Имевшиеся в Западной Сибири семинарии (Томская, Тобольская) не готовили достаточного числа кандидатов – священников. Поэтому значительная часть духовенства епархий вообще не имела духовного образования.

В архивных фондах сохранились перечни вопросов для испытания претендентов на должность псаломщиков: «Знает ли молитвы по школьной программе и тропарь Святого, имя которого носит? Умеет ли правильно налагать на себя крестное знамение? Знает ли, когда при чтении молитвы следует полагать поясные поклоны? Знает ли, когда полагает в храме во время Богослужений земные поклоны, когда стоять с наклоненной головой? Знает ли, как принимать священническое благословение? Как священник слагает персты для благословения и что они изображают? Имеет ли у себя Св. Евангелие с указателем ежедневных чтений и читает ли его ежедневно? Умеет ли читать церковные книги четко, бойко и по знакам? Читает ли церковные и епархиальные ведомости и имеет ли сведения о распоряжениях высшего церковного правительства и епархиального начальства? Умеет ли писать настолько удовлетворительно, чтобы мог вести запись обысков, метрических и исповедальных книг? Умеет ли по обходу петь...?»²²⁰

Как видим, круг очерченных вопросов едва ли выходит за пределы повседневного богослужения и навыков ведения церковного хозяйства, которые ребенок из священнической семьи был способен усвоить уже в процессе домашнего воспитания.

Одной из немаловажных причин такого занижения требований были особые условия, в которых приходилось работать духовенству сибирских епархий. С одной стороны, епархии не могли располагать штатами, получившими начальное и среднее образование непосредственно в Западной

²¹⁹ КУ Иса. Ф.16. Оп 1. Д. 140.

²²⁰ КУ Иса. Ф.40. Оп. 3. Д. 20.

Сибири, с другой – привлечь высококвалифицированных служителей из центральных и южных областей было достаточно сложно – пугали дальние расстояния, тяжелое материальное положение церквей, необходимость работы с «язычниками» и «магометанами», суровый климат и необходимость обустройства хозяйства на новом месте, не слишком высокое вознаграждение за труд.

Очень красноречиво общий культурный уровень рядового духовенства Омской епархии характеризует материал, помещенный в «Омских епархиальных ведомостях» «О соблюдении общепринятых приличий священником», в которой подробно объясняется, почему священник должен быть знаком со светскими правилами поведения в обществе и соблюдать их²²¹. По-видимому, необходимость такого знания не для всех священников была очевидна.

Кроме того, налагали свой отпечаток на образовательный уровень духовных лиц бедность отдельных приходов и благочиний, тяготы службы. Низкий уровень образования духовенства осознавался обществом этого периода как серьезная проблема, на решение которой были направлены организационные и просветительские меры (попытки создания новых учебных заведений, привлечение духовенства из других епархий, просветительская деятельность журналов и выпуск «листочков»), однако никаких серьезных улучшений не произошло.

Итак, уровень образования сибирского духовенства подчас оказывался достаточно низким. Между тем, общество, переживающее сложный этап модернизации, нуждалось в надежной духовной опоре, в религиозной поддержке и ободрении, дать которые было сложно слабо материально обеспеченному, недостаточно грамотному духовенству, которое к тому же не имело и перспектив для собственного развития или хотя бы предоставления образования своим детям, хотя представители духовенства изъявляют к

²²¹ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 3. С. 32.

этому иной раз потрясающее, трагически выраженное стремление: «...священник села Сенновского В. Спасский... недавно прислал в редакцию Ведомостей письмо. В нем он сообщает, что пять лет тому назад умерла жена его. Он остался с четырьмя детьми. Младший из них год тому назад умер. Теперь у него трое; старший окончил приходское училище, а второй еще учится в школе. Самая младшая дочь, 8 лет, еще нигде не учится. ... Хотелось бы дать им образование в школе духовной. Но крайняя бедность его и дальность расстояния его прихода от тех городов, где имеются духовные училища, препятствуют исполнению этих желаний его. Вследствие этого о. Спасский и просит редакцию объявить в Епархиальных ведомостях: не пожелает ли кто-нибудь из о.о. духовных или других лиц взять к себе на воспитание, из жалости к сиротам, детей его и дать им возможность получить образование в духовных школах. Сам же о. Спасский готов отказаться от своих родительских прав и заявляет о своем намерении принять иночество»²²².

Недостаточное количество духовных учебных заведений в епархиях Западной Сибири, по видимости, объясняет еще одну заметную в епархиях Западной Сибири тенденцию: дети священнослужителей в изучаемый период редко занимали места выше диакона именно в силу низкого уровня образованности: например, в 1910 году в «Омских епархиальных ведомостях»²²³ сообщено о зачислении на службу 4 сыновей священников, 2 – диаконов и 3 – псаломщиков. Ни один из них не получил должности выше псаломщической.

Таким образом, малая численность духовенства епархий и недостаточный уровень его профессионального образования в сравнении с духовенством центральных епархий империи определялись объективными причинами: трудностями служения, малыми материальными возможностями

²²² Омские епархиальные ведомости. 1908. № 10. С. 42.

²²³ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 1 – 24.

служителей и недостаточным количеством учебных заведений для духовных лиц в Западной Сибири, а также размыванием его состава выходцами из других сословий.

§ 3. Деятельность православного духовенства епархий Западной Сибири

В начале XX века в связи с модернизационными процессами в стране российское общество менялось, и следовательно, должны были произойти изменения и в среде духовенства. Духовенству государство традиционно отводит роль пастырей и учителей для прихожан. По мнению Т. Г. Леонтьевой «именно пресловутый «поп» мог и должен был стать центральной фигурой обновления России, ибо только он способен был обеспечить относительную плавность трансформации традиционалистского сознания»²²⁴. Но насколько была актуальной и осознавалась эта цель непосредственным исполнителем – духовным сословием? Насколько духовенство западносибирских епархий само было готово к усвоению и трансляции новых форм отношений?

Как указывалось ранее, с точки зрения законодательства духовенство представляло собой особое сословие, чьей функцией выступало пастырское назидание и распространение православной веры. В дореформенный период сословие имело значительную идейную и интеллектуальную однородность за счет наследуемости положения и стандартизованности получаемого образования, однако после реформ, как было рассмотрено раньше, состав духовенства меняется – оно «разбавляется» представителями других сословий, прежде всего – крестьянства. Вопрос о готовности крестьянства как сословия принять модернизационные изменения в обществе поднимался во многих исследованиях, и в большинстве вывод неутешителен – крестьянская община переживает процесс трансформации, обусловленный реформами, постепенной эмансипацией, внутри нее нарастают серьезные противоречия²²⁵. Аналогичные процессы протекают и внутри других сословий, что находит отражение в общей конфликтизации городской и сельской среды. Очевидно, сам характер служения духовенства предполагал

²²⁴ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 243

²²⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России ... Т. 1. С. 431 – 484.

его умиротворяющую, снижающую конфликты и призывающую к взаимному терпению роль.

Тем не менее, правовое положение духовного лица делало его скорее государственным служащим с неопределенным и постоянно расширяющимся кругом обязанностей, нежели пастырем и утешителем духовным для прихожан. Церковными установлениями и самим характером духовной службы устанавливались виды деятельности, которые вменялись в обязанность духовному лицу и считались его долгом как лица, которое, прежде всего, служит Богу.

Пережившая множество переизданий «Настольная книга священно-церковнослужителя» о. С. Н. Булгакова²²⁶ дает полное и подробное представление о церковном служении духовного лица. Такое служение включает собственно богослужение и совершение таинств (треб) по нуждам прихожан. В целом деятельность духовенства в соответствии с церковными установлениями характеризовалась о. Булгаковым как *деятельность по удовлетворению религиозных нужд прихожан*²²⁷. Следовательно, канонически определенных обязанностей приходского священника было всего две: совершение служб в храме и требоисправление.

Тем не менее, в реальной повседневной практике конца XIX – начала XX веков западносибирский священнослужитель исполнял, постоянно или временно, по сведениям епархиальных ведомостей, циркулярных распоряжений и иным документальным источникам, около 40 обязанностей. Такое непропорциональное расширение круга обязанностей, несмотря на довольно лаконично обозначенный круг деятельности, связано с несколькими обстоятельствами: юридически государство рассматривало духовенство в качестве одной из категорий чиновничества, пусть и в совершенно особой области; приходское духовенство в большинстве приходов выступало в качестве единственной формы государственного

²²⁶ Булгаков С. Н. Настольная книга священно-церковнослужителя. М., 1913.

²²⁷ Булгаков С. Н. Настольная книга священно-церковнослужителя. М., 1913. С. 946

присутствия на местах; содержание деятельности по «духовному окормлению» само по себе было выражено недостаточно определенно и в потенциале могло подвергаться какому угодно расширительному толкованию; наконец, изменения в социальной жизни налагали свои требования на служение, и расширительное толкование содержания деятельности выступило реакцией на обильно идущие изменения в жизни общества. А так как никаких легальных способов ограничить толкование содержания деятельности у приходского духовенства не было, перечень его обязанностей все расширялся.

Богослужбная деятельность духовенства включала в себя исполнение литургий и иных церковных служб. Сама по себе уже одна эта задача требует больших затрат, физических и душевных: весь суточный круг литургии состоит из девяти служб (от вечерни в шесть часов до трех часов пополудни) и предполагает неустанное их исправление. Такое служение для сельского пастыря, в отличие от городского, усложнялась тем, что совершать богослужения требовалось не только в приходском храме, но и, более или менее регулярно, в отдаленных селениях прихода, в имеющихся молитвенных домах и приписных церквях, с тем, чтобы и сельские жители, неспособные оставить хозяйства надолго, имели доступ к церковной обрядности (в церквях, имеющих одного священника, в сельских приходах, службы должны были совершаться во все праздничные и воскресные дни – по возможности²²⁸). Нужно отметить, что иные священнослужители действительно исправно навещали все вверенные им поселки, другие же в силу различных обстоятельств такой возможности не имели. Для таких случаев было установлено: проводить литургии в поселках прихода не менее одного раза в год.

Исполнение таинств (треб) предполагало проведение крещений, исповедей, причащений, елеосвящений, венчаний, отпеваний, погребений, освящений жилищ, кладбищ и других молитвенных чинов.

²²⁸ Устав духовных консисторий ... С. 15.

Казалось вполне естественным, что кроме непосредственного исполнения таинств по требования прихожан священнослужителю вменяется в обязанность следить за тем, чтобы они охватывали все вверенное население – роль «пастыря овец» предполагает контроль за деятельностью «стада». Для этого кроме непосредственной записи рождений, смертей и венчаний духовным лицам вменялось в обязанность собирать сведения о приходящих к исповеди²²⁹. Отчеты об этих фактах в обязательном порядке передавались через отцов благочинных в Духовную Консисторию раз в год (к первому числу октября). Кроме того, духовенство лично обязывалось не позволять своим прихожанам хоронить взрослых и младенцев без участия причта кроме исключительных случаев²³⁰, за каждый из таких случаев отчитываясь особо. Ведение записей усложнялось для причтов несамостоятельных церквей и разъездных причтов. Им вменялось «в обязанность делать записи совершаемых ими треб в черновые тетради, и каковые по истечении каждого месяца немедленно вносить записи этих треб отдельными по каждому району статьями в метрические книги своих приходских церквей, в которых они будут состоять»²³¹.

Отпадение от веры конкретного лица предполагало совершение духовенством определенных действий, из которых одним из важнейших церковное начальство считало **увещевание отпадших от православия**. Для чего, разумеется, священник должен был, во-первых, вести строгий учет всех приходящих к службам, во-вторых, следить за паствой во внеслужебное время, «жить приходом». Хорошо, если приход располагался компактно, в пределах одного населенного пункта, где каждый на виду и любое событие тут же становится достоянием общности. Хуже, если поселки отстояли друг от друга на десятки верст, а священник имел возможность посещать их один-два раза в год. В условиях отдаленности от религиозной жизни, отсутствия какого бы то ни было контроля со стороны духовных лиц

²²⁹ Устав духовных консисторий ... С. 4 – 5.

²³⁰ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.139.

²³¹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.143.

официальной церкви, действительной нужды к совершению обрядов веры, и люди, иной раз даже незаметно для себя, уклонялись в ереси, секты, расколы, часто уверенные, что их вера как раз и есть истинная, настоящая. Особенность эта была замечена и неоднократно обсуждалась в прессе. Например, утверждалось, что сектантство есть враг православия более опасный, чем иноверие²³², поскольку прячется за маской подлинного христианства. Именно поэтому неоднократно рассылались циркулярные требования: «предписать священникам относиться к делу пастырских увещеваний отпадших более тщательно, принимая все способы и меры»²³³.

Исходя из библейского завета «есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн. 10:16.), также прямой обязанностью священнослужителей выступала обязанность заниматься проповеднической деятельностью («Современное духовенство в массе своей не ограничивает исполнение своих пастырских обязанностей, своего долга одним требоисправлением, а благовестует и во храмах, и вне их»²³⁴), и список проповедников в центральных храмах городов утверждался ежегодно из числа наиболее уважаемых духовных лиц и публиковался непосредственно в епархиальных ведомостях. Рядовые же священнослужители имели возможность читать проповеди своего авторства только после прохождения предварительной цензуры через благочинного и Епархиальное начальство²³⁵.

Однако священнослужители отнюдь не стремились к самостоятельным сочинениям, довольствуясь напечатанными для них проповедями по случаю церковных праздников. Публиковать в епархиальных печатных органах свои проповеди духовенство также не стремилось, чем вызывало сетования авторов епархиальных ведомостей²³⁶. Поскольку, как утверждалось, «едва ли

²³² Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии. Томск, 1895. С 5.

²³³ КУ ИсА Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.169.

²³⁴ Оксийон И. Печатная проповедническая деятельность духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 18. С 26 – 29.

²³⁵ Устав духовных консисторий ... С. 3.

²³⁶ Оксийон И. Печатная проповедническая деятельность духовенства ... С. 27.

не большая часть печатных проповедей, которыми располагает духовная литература, как по содержанию, так и по изложению своему для простого народа недоступна»²³⁷. Однако здесь духовенство, конечно, сталкивалось с другой проблемой: адаптированные для малообразованного народа проповеди вряд ли бы проходили цензуру ввиду их «простоты» и частой недостаточной образованности сельских батюшек.

Отдельной заботой священнослужителя было справедливо налагать церковные наказания, следить за исполнением епитимий, налагаемых на лиц светского звания постановлениями епархиального начальства, подавать сведения в Духовную Консисторию через отцов благочинных о количестве кающихся, сроках епитимий и об окончании таких сроков. По разъяснению епархиального начальства, цель, «для которой согрешающим назначается епитимия публично на месте жительства, ... есть та, чтобы согрешающего привести в чувство истинного раскаяния и сокрушения о грехе своем, возбудить и утвердить в нем живейшее желание избегать как сего последнего, так и вообще всяких грехов и вести жизнь непорочную и богоугодную». Для этого полагалось посещать кающегося с наставлениями или призывать его к себе, давать (по возможности) кающимся читать книги на соответствующие темы, спрашивать об их содержании по прочтении, «примером своей жизни увещевать»²³⁸, следить за тем, чтобы кающийся приходил ко всем службам и во все четыре поста исповедался, назначать ему «дела благочестия» и всяческими иными способами способствовать полному раскаянию пасомого. В случае, если священник «усмотрел искреннее желание и живое раскаяние и исправление», то должен был доложить о том Епископу, как и о случаях, когда пасомый при всех стараниях оказывается «нераскаянным»²³⁹.

Исходя из тезиса о деятельности «пастыря овец» естественной обязанностью духовных лиц выступало воспитание самых молодых

²³⁷ Там же. С. 28.

²³⁸ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.169.

²³⁹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.170.

прихожан. Здесь на пастыря возлагалось преподавание в приходской школе, а также противодействие «развитию среди деревенской молодежи озорства». С этой целью полагалось совершать «торжественные богослужения с общенародным пением при участии молодого поколения; устраивать чтения и собеседования по возможности с «туманными картинками» и раздачей листов и брошюр религиозно-нравственного содержания; употреблять меры пастырского воздействия на прихожан; образовывать кружки из пользующихся уважением и обладающих энергией прихожан, которые и словом, и делом могли бы содействовать духовенству в его борьбе»²⁴⁰.

На этом, очевидно, обязанности духовных лиц, исходя из содержания их деятельности, могли бы считаться выполненными, но расширительное толкование содержания деятельности православного духовенства привело к возникновению целого корпуса **фискальных обязанностей**. Это были обязанности, хотя и связанные с делами церкви, однако не вытекающие непосредственно из рода деятельности священнослужителя, а именно: участие в сборе пожертвований на храмы, приюты, богадельни и прочие богоугодные дела. Пожертвования предполагалось получать через кружечные и тарелочные сборы (которые практически утратили свою изначальную функцию в качестве средств содержания причта), а также через постоянно действующие ящики для пожертвований. Дело это опять же требовало внимательности и солидной доли умения: необходимо было так организовать сборы, чтобы набрать средства и на нужды, установленные духовным правлением, и хоть что-то получить на местные церковные нужды и необходимости причта при частой скудости ресурсов прихожан, а кроме прочего не вызвать конфликтов.

Как видно, требовалась изрядная сноровка в организации, поскольку общероссийских, централизованных сборов, было гораздо больше, чем могли себе позволить небогатые прихожане. Например, только в 1913 году приходское духовенство Омской епархии должно было организовать такие

²⁴⁰ КУ ИСА Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.178.

сборы: в пользу церковно-приходских школ, в пользу общества Белого креста, на храм в Лейпциге; в пользу пострадавших от неурожая; на храм Александра Невского; в пользу православного миссионерского общества, на Ольгинский храм в п. Вабуте, в Цареграде; на Епархиальный миссионерский совет; в пользу Братства Царицы небесной; на храм в память 300-летия дома Романовых; на постройку церковно-приходской школы для поселенцев, на деятельность попечительства Императрицы Александры о слепых²⁴¹.

Еще одной серьезной и обременяющей обязанностью духовных лиц было участие в деле **церковного строительства** – и не только в виде сбора пожертвований. В частности, священникам надлежало выдвигать проекты устройства церквей в пределах приходов и благочиний и следить за их постройкой. От священника требовалась постоянное участие во всех хозяйственных вопросах, слежение за деятельностью подрядчиков и качеством предоставляемых материалов. Удачные примеры строительства освещались на страницах епархиальных ведомостей, однако далеко не у всех батюшек хватало энергии и желания принимать участие в этом сложном деле, в особенности, если инициатива строительства исходила не от местных крестьянских общин, а извне и финансировалась казенными средствами. «Некоторые из священников к делу церковного школьного строительства относятся безучастно... главная ответственность будет ложиться на священников»²⁴² – констатируется в циркулярном обращении к духовенству епархии.

Наконец, **надзорно-охранительные обязанности** духовенства заключались, по мнению начальства, в борьбе с пороками народными, к каковым относили пьянство, леность, а после событий 1905 года еще и увлечение «вредными» политическими идеями. Здесь, само собой, первейшим долгом священнослужителя было «постоянным научением прихожан истинам веры Православной и примерною своею жизнью»

²⁴¹ КУ Иса Ф.16. Д. 1. ЛЛ.10, 145.

²⁴² КУ Иса Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.166.

наставлять паству. Далее, необходимо было включать в проповеди соответствующие темы, а также наставлять личными беседами и визитами отдельных согрешающих. Желательно было если и не писать самостоятельно статьи и проповеди на данную тематику, то, по крайней мере, доводить до сведения прихода материалы, печатаемые в епархиальных ведомостях и распространяемые циркулярно²⁴³. Пути такого распространения оставлялись на усмотрение самого духовенства: чтение проповедей, организация вечеров с чтениями, просто распространение текстов среди грамотных прихожан.

Еще одним серьезным, значительным делом на ниве борьбы с пьянством, в котором обязывались участвовать духовные лица, было открытие обществ трезвости и активное участие в их деятельности. На страницах епархиальных ведомостей, а также циркулярно, причту давались рекомендации по организации обществ, предлагалось выписывать соответствующую литературу, прилагались программы работы таких обществ. Без всякого сомнения, организация работы обществ трезвости была под силу очень немногим опытным пастырям, приводила к возникновению конфликтов, отвлекала от исполнения остальных функций²⁴⁴.

Сбор сведений и ведение статистических отчетов выступал дополнительной, но крайне обременительной обязанностью духовных лиц. Не всегда эти сведения и отчеты касались непосредственно духовных дел. Одним из объектов учета «естественным образом» выступало число сектантов: «Вследствие требования господина Начальника губернии, имевшего честь просить сообщить мне с первою же почтой сведения: 1. сколько было в вашем приходе среди раскольников, в том числе и уклонившихся в раскол, браков, рождений и смертей за последние пять лет, за каждый год особо; 2. сколько существует особо предназначенных для общественной молитвы зданий: а) устроенных до издания Закона 3 мая 1883 г. И б) после издания этого закона; 3. сколько существует

²⁴³ Водочная язва // Омские епархиальные ведомости. 1902. № 23. С. 21 – 25.

²⁴⁴ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 23. С. 21 – 25.

раскольничьих кладбищ, устроены ли они при православных кладбищах или отдельно от них, с какого времени кладбища эти существуют и не имеется ли на них часовен или молитвенных зданий; 4. посещают ли дети раскольников общие школы и, в утвердительном случае, не замечается ли постепенного увеличения числа обучающихся в таких школах»²⁴⁵.

Требовались от батюшек так же и сведения «о старообрядцах, имеющих в приходе, их числе, поле, о том, кто состоит во главе (включая фамилии и имена, звания, жительство, возраст, образование), о молитвенных домах, богадельнях, школах, больницах... о приезжих и книжной торговле, пропаганде учений»²⁴⁶. С началом всеобщей переписи населения 1897 года рекомендовалось батюшкам принимать активное участие в этом важном для государства деле.

Небезынтересен начальству был вопрос о количестве переселенцев, об устройстве их на местах, об их образовательных и религиозных нуждах, о состоянии сельского хозяйства – причту предписывался сбор сведений о сельском хозяйстве для Переселенческого управления²⁴⁷. Разумеется, отчитывались священники и о школах, действующих в приходе, и о зданиях и землях, закрепленных за причтом, и даже о состоянии хозяйств в приходах.

Наконец, требовалось от них давать ответы и на вопросы касательно их собственных нужд. Например (в связи с желанием епископа выйти в Святейший Синод с предложением о разрешении долгосрочной аренды причтовых земель до 12 лет), «причту немедленно предоставить мне отзыв о том, считаете ли вы для себя выгодным, в интересах материального обеспечения, обрабатывать причтовую землю средствами собственного хозяйства или сдавать таковую в аренду и на какой срок, сообразно с климатическими условиями данной местности»²⁴⁸.

²⁴⁵ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.66.

²⁴⁶ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.223.

²⁴⁷ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.174.

²⁴⁸ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.140.

Кроме всего прочего, благочинные епархии «должны, на основании определения Святейшего Синода от 30 ноября 1877 года, наблюдать за благоповедением воспитанников [духовных семинарий] во время пребывания в домах родителей и родственников, принимать во внимание, что воспитанники могут употреблять спиртное в дорогах»²⁴⁹, для чего воспитанников рекомендовалось встречать и сопровождать до места жительства, а в месте жительства навещать и проверять нравственное состояние воспитанников; доставлять сведения на миссионерский съезд о религиозно-нравственном состоянии прихода²⁵⁰; осуществлять иные обязанности по сбору сведений о состоянии дел в приходе.

Выполняли священнослужители информационно-представительскую функцию, выполняя иные поручения исключительно светского характера:

– доведение до сведения народа вышедших распоряжений с их разъяснением²⁵¹;

– организация встреч приезжающих представителей высших властей и местной администрации: «Священник обязан ответить на вопросы о состоянии церкви, прихода, школы и других приходских учреждений и осведомиться, когда ему /начальству/ угодно будет посетить церковь и школу; по прибытии его спросить, не угодно ли ему будет отслушать краткое молебствование «О Государе и людех», на каковой случай иметь наготове ризы, святую воду, певчих»²⁵²;

– «защита «древностей» от разграбления неопытными и незнакомыми с археологией кладоискателями»²⁵³, создание описаний архитектурных памятников старины²⁵⁴;

²⁴⁹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.28.

²⁵⁰ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.218.

²⁵¹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.146.

²⁵² КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.98.

²⁵³ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.1.

²⁵⁴ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 5. С. 3 – 6.

– доставление всевозможных описаний: празднования 100 – летнего юбилея Отечественной войны²⁵⁵; описание икон и тексты молитв для сборника молитв Господу Богу, Божьей Матери и Святым Угодникам Божиим в Санкт-Петербургской Синодальной типографии²⁵⁶;

– с целью избегания несчастных случаев с путниками во время снежных буранов по всем церквям производство звона в колокола, указывающего направление²⁵⁷;

– доставление в библиотеки Российской империи всевозможных сведений и материалов (как, например, затребованных в 1913 году в библиотеку Московского синодального училища из архивов при церквях церковно-певческих крюковых и нотных рукописей, а если нет возможности, то их краткие описания)²⁵⁸;

– участие в общероссийских мероприятиях (например, во Всероссийской церковно-школьной выставке 1909 года, для чего от священников требовалась подготовка фотографических снимков внешнего и внутреннего вида школ, планов и чертежей фасадов школьных зданий)²⁵⁹;

– исполнение временных функций, связанных с политическими событиями в Российской империи («духовенству призывать прихожан помогать семьям на войну призываемых, пожертвовать в «Красный крест» и вообще на нужды военного времени»²⁶⁰; сборы, организация попечительств о семьях призванных, об устройстве госпиталей, призыв жертвовать и оставлять распри, ссоры²⁶¹).

Наконец, трудной и требующей большого к себе внимания, очень важной для прихода выступала обязанность народного просвещения, организации приходских школ и преподавания в них. Организация

²⁵⁵ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 141.

²⁵⁶ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.147.

²⁵⁷ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.150.

²⁵⁸ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.174.

²⁵⁹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 90. Л.5.

²⁶⁰ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.217.

²⁶¹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 223 – 225.

учреждений начального образования на местах была тесно связана с процессом переселений и формированием новых поселков.

Ф. Дж. Тернер так описывает распространение общинного типа поселений в Новой Англии: «Колониальные власти наделяли землей – не в виде участков отдельным лицам, а наделами на целый поселок группам крупных землевладельцев, а те, в свою очередь, бесплатно распределяли землю среди жителей... И именно в XVIII в. обычно было принято резервировать определенные участки в поселках для оказания помощи школам и священнику. Таково было происхождение этой крайне важной черты Запада – федерального наделения землей школ и колледжей»²⁶².

Процесс переселения в сибирские епархии в конце XIX – начале XX веков в некоторой степени походил на описанный выше для Америки в XVIII в. Согласно «Положению о поземельном устройстве крестьян на сибирских казенных землях»: «Наделы отводятся сельским обществам, а равно селениям крестьян и тех инородцев, которые не принадлежат к числу бродячих»²⁶³. Эти сельские общества затем прикреплялись к тому или иному приходу или же сами образовывали новый приход. Как раз этот новый приход и выступал как структура, в рамках которой создавалась начальная образовательная ступень – церковно-приходская школа (далее – ЦПШ).

В § 1 «Правил о церковно-приходских школах» (1884 г.)²⁶⁴ дается представление о ЦПШ: «Церковно-приходские школы открываются приходскими священниками или, с их согласия, другими членами причтов, на местные средства прихода, без пособий или с пособием от сельских и городских обществ, приходских попечительств и братств, земских и других общественных и частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно и казны». Таким образом, вопросы

²⁶² Тернер Ф. Дж. Фронтис в американской истории. С. 72.

²⁶³ Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // Свод законов Российской империи. Т. IX: Особ. прил. кн. VI изд. 1902 г. и по Прод. 1906 г. Цит. по: Сибирские переселения. Документы и материалы. Выпуск 1. Новосибирск, 2003. С. 38 – 78.

²⁶⁴ Хрестоматия по истории педагогики [Электронный ресурс] / Под ред. С. А. Каменева, сост. Н. А. Желваков. М., 1936. URL: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped.html> (Дата обращения: 18.08.2014).

распределения земель и финансирования для открытия церковно-приходских школ от момента их создания перекладывались государством на плечи сельского общества. Но если земельный вопрос так или иначе решался в соответствии с нормами земельных наделов, то само внутреннее устройство церковных школ ложилось на плечи духовных лиц если не полностью, то в значительной степени, поскольку хлопотать об устройстве школы, о выделении помещений, о сборе денежных средств на их содержание, о подборе учителей в школы, об организации занятий (а равно и о проведении занятий Закона Божьего) приходилось именно священнику – как показывают источники, приходские общества далеко не всегда осознавали необходимость школьного образования для своих детей. В его же ведении (а часто и по его инициативе) находились и создаваемые школы грамоты: «Ведению и наблюдению духовного начальства подлежат и открываемые по деревням и поселкам, входящим в состав прихода, домашние крестьянские школы грамотности»²⁶⁵.

Если же школы создавались первоначально по инициативе крестьянских обществ, и общества брали на себя основные хлопоты материального устройства, то организаторы должны были обращаться за советом и помощью к священнику, который опять же обязан был заниматься изысканием для школы учителя, учебно-методических пособий и решать другие возникающие проблемы²⁶⁶. Преподаванием, в случае отсутствия подходящего учителя, также занимались в таких школах члены причта (в отдельных случаях дело преподавания общеобразовательных предметов, часто безвозмездно, брали на себя жены священников²⁶⁷). На псаломщике лежала обязанность преподавания церковного пения, на приходском священнике – изучение Закона Божьего. Именно священники несли полную ответственность за функционирование учебных заведений:

²⁶⁵ Хрестоматия по истории педагогики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped.html> (Дата обращения: 18.08.2014).

²⁶⁶ Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области. 1884 – 1917: дис. ... канд. истор. наук:07.00.02. Чита, 2000. С. 56.

²⁶⁷ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 10. С. 3.

«Непосредственное и ответственное заведывание церковноприходскими школами возлагается на приходских священников или же на те лица, кои, в исключительных случаях, будут назначены для сего епархиальным архиереем»²⁶⁸.

ЦПШ и школы грамоты содержались частью на ассигнованные из казны средства, а частью – на средства сельских общин и на процентные сборы с церковью епархий (так, в Омской епархии до 1906 года действовал 2,5-процентный сбор с церковью, а с 1906 – 1-процентный сбор, что резко сократило число школ грамоты – с 99 до 71²⁶⁹), и сельские же общины обеспечивали школы помещениями²⁷⁰. В отдельных случаях школы содержались только на средства родителей учащихся: «Сознание солидарности и общности интереса еще недостаточно развито среди крестьянского населения, почему и школьное дело являлось близким лишь для тех, у кого есть дети школьного возраста»²⁷¹.

По трем епархиям Западной Сибири число учебных заведений ведения Святейшего Синода было таково: в Томской епархии в 1906 году имелось 860 учебных заведений (преимущественно сельских) разного уровня (двухклассные и одноклассные ЦПШ, школы грамоты, воскресные школы) церковного ведомства с 34 909 человеками учащихся (то есть 40,6 учащихся на заведение)²⁷². В Омской епархии на 1906 год действовало (преимущественно сельских) 109 школ грамоты и 172 ЦПШ, из которых 6 было двухклассных и 166 – одноклассных и, соответственно, обучались 2985 и 8349 детей (то есть 11 334 обучающихся или 40,3 на заведение, при этом 48,5 учащихся на ЦПШ, а на школу грамоты – 20,9 учащихся). В Тобольской епархии на этот год имелось 135 школ грамоты с 2970 учащимися (22

²⁶⁸ Хрестоматия по истории педагогики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped.html> (Дата обращения: 18.08.2014).

²⁶⁹ Омские епархиальные ведомости. 1909. № 13. С. 12.

²⁷⁰ Ведомость Омского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Омские епархиальные ведомости. 1909. № 13: Приложение.

²⁷¹ Омские епархиальные ведомости. – 1907. № 18. С. 10.

²⁷² Ведомость Томского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Томские епархиальные ведомости. 1907. № 22. Приложение.

учащихся на школу); 7 второклассных ЦПШ с 564 учащимися (80,5 учащихся на школу), одноклассных 207 с 7027 учащимися (34 человека на заведение). А всего по трем епархиям охвачено начальным образованием низового уровня было 56 804 человека.

Много это или мало? В исследовании Басалаева А. Е. приводятся такие данные: к 1905 году в России действовало 16 900 школ грамот, а ЦПШ – 42 886, при том, что общее число епархий в Российской империи было равно 67, то есть в среднем на епархию приходилось 252 школы грамоты и 640 ЦПШ²⁷³. Однако по данным того же автора в Забайкальской епархии в этом же году действовало 212 ЦПШ с 609 учащимися и 67 школ грамоты с 1368 учащимися (притом за предыдущий год автор дает сведения о 7383 и 1955 учащихся соответственно). Автор отмечает, что после революции 1905 – 1907 года их число стало сокращаться, тем не менее, на примере епархий Западной Сибири можно говорить не о сокращении, а о постепенном увеличении числа обоих типов школ, что связано, конечно, с интенсивностью переселенческого движения. Например, в следующем после 1905 г. учебном году число школ грамоты в Омской епархии действительно сократилось на десять, но число учеников в них сократилось всего на 27 учащихся, то есть произошло расширение контингента учащихся в оставшихся школах²⁷⁴.

Общее управление осуществлялось подведомственным непосредственно архиерею Епархиальным Училищным советом. Аналогичные структуры созданы были и в Томской, и в Тобольской епархиях²⁷⁵. Устройство учебных заведений этих типов выглядело следующим образом: учебные занятия должны были начинаться 1 или 15 сентября (по общему правилу), однако в сельских школах начинались в октябре и даже в ноябре²⁷⁶: дети, как правило, были заняты на сельских работах до выпадения снега.

²⁷³ Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы ... С. 56 – 57.

²⁷⁴ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 90. Л.7.

²⁷⁵ Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914; Справочная книга Тобольской епархии, к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913.

²⁷⁶ Отчет омского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Омской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1905/1906 учебный год // Омские епархиальные ведомости. 1907. №№ 2,3, 18,19.

Конкуренцию ЦПШ составляли учебные заведения начального образования ведомства Министерства народного просвещения (далее – МНП). Сельских образцовых одноклассных училищ МНП в Томской губернии на 1900 г. имелось 15 с общим числом учащихся в 505 человек²⁷⁷. На линиях железных дорог устроено было 3 училища с 303 учащимися (4 было вновь устроено в 1899 году)²⁷⁸. В сельских начальных училищах разных ведомств (кроме МНП и Св. Синода) обучалось 8849 учащихся в 200 учебных заведениях (44,24 человек на заведение). Таким образом, низовых сельских учебных заведений вместе с заведениями ведомства МНП в 1900 г. в Томской губернии имелось 218, с числом учащихся в 9657 человек (44,3 человека на заведение). В Акмолинской области, кроме городских приходских училищ, действовали 2 сельских приходских училища с общим числом учащихся 177, на железнодорожной станции «Омск» действовало одно училище МНП с числом учащихся в 172 человека, 4 учительницами и одним законоучителем. Кроме того, готовилось к открытию 6 сельских приходских училищ и 18 сельских образцовых одноклассных училищ МНП. В Тобольской губернии числилось начальных сельских училищ 303 с 11587 учащимися (38,2 человек на заведение). Кроме того, на весь Западно – Сибирский учебный округ имелось 169 начальных училищ от Сибирского казачьего войска²⁷⁹. В Семипалатинской области имелось 5 сельских одноклассных (образцовых) училищ ведомства МНП с общим числом учащихся в 177 человек²⁸⁰, 2 городских начальных училища разных ведомств, подчиненных директору и инспектору народных училищ с числом учащихся 68 человек²⁸¹. Таким образом, начальное низовое образование в учреждениях, подведомственных МНП и иным ведомствам (кроме Св. Синода и Сибирского Казачьего войска) получали 21 838 человек.

²⁷⁷ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа за 1900 год. Омск, 1900. С. 163 – 167.

²⁷⁸ Там же. С. 167 – 169.

²⁷⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа за 1900 год. С. 163 – 167.

²⁸⁰ Там же. С. 232 – 233

²⁸¹ Там же. С. 233

Положение несколько меняется к 1909 году: резко увеличивается число низовых школ МНП и, учитывая наличие среди них гораздо большего числа, в сравнении с системой ЦПШ, двухклассных заведений, их наполняемость тоже резко возрастает. Эта разница в наполняемости прослеживается на примере Змеиногорского уезда. В 1909 году в нем имеется всего: от Омской епархии – 3 двухклассные ЦПШ (нагрузка на школу – 118,6 человек), 20 одноклассных (нагрузка на школу – 50,6 человек) и 2 школы грамоты (нагрузка на школу – 30 человек) с общим числом учащихся в 1 428 человек²⁸²; от Томской епархии: 91 одноклассная ЦПШ с 5 871 учащимся (64,5 человек на заведение). Таким образом, в Змеиногорском уезде действует 116 учебных заведений церковного ведомства с 7 299 учащимися (62,9 учащихся на заведение). В это же время в данном уезде действует 10 двухклассных низовых сельских школ ведомства МНП с числом учащихся в 1 295 человек обоего пола (нагрузка на школу – 129,5 человек) и 21 одноклассная с числом учащихся в 1 035 человек (нагрузка на школу 49,3 человека); юбилейных сельских одноклассных училищ: 10 с числом учащихся в 789 человек; сельских начальных училищ: 27 с числом учащихся в 1 325 человек (57,6 человек на заведение). Таким образом, низовых начальных заведений ведомства МНП в данном уезде к 1909 году – 58 с числом учащихся в 4 444 человека (76,6 человек на заведение).

В целом же можно говорить о том, что в трех епархиях Западной Сибири на низовом уровне от МНП обучение проходило 46 716 учащихся в 976 учебных заведениях²⁸³ (двухклассные и одноклассные сельские училища, начальные сельские училища, юбилейные сельские училища) – то есть примерно 47,9 учащихся на заведение. В это же время в Томской епархии в системе сельских ЦПШ обучались 39 203 учащихся в 830 заведениях²⁸⁴ (47,2 человека на заведение), в Омской епархии – 10 743 учащихся в 217 сельских

²⁸² Ведомость Омского епархиального училищного совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 13. Приложение. С. 2 – 3.

²⁸³ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 223 – 392.

²⁸⁴ Томские епархиальные ведомости. 1910. № 12. С. 329 – 330.

заведениях (49,5 учащихся на заведение)²⁸⁵. Данными по Тобольской епархии за 1909 год мы не обладаем, однако в следующем учебном 1910/1911 году в епархии действовало 390 одно- и двухклассных ЦПШ с 13 808 учащимися (в среднем 35 учащихся на заведение)²⁸⁶, а школы грамоты полностью отсутствовали. Таким образом, мы можем предположить, что в 1909 году в трех епархиях Западной Сибири получали школьное образование в заведениях церковного ведомства приблизительно 60 тысяч учащихся в примерно 1 400 учебных заведениях.

Таким образом, мы видим, что нагрузка на учебные заведения обоих ведомств очень значительна, заведений церковного ведомства почти на треть больше, чем заведений МНП, а при выборе того или иного заведения учащиеся в некоторой степени отдавали предпочтение школам МНП, если речь шла об обучении в двухклассном заведении, и ЦПШ, если речь шла об одноклассном заведении. Тем не менее, увеличение числа школ МНП не означало отмирание школ ведомства Св. Синода. Более того, их наполняемость и нагруженность даже возросли в сравнении с 1906 годом.

Предметы, преподававшиеся в ЦПШ и школах грамоты, были общими: Закон Божий (на который обращалось наибольшее внимание), славянское чтение, русский язык, арифметика. Епархиальный наблюдатель отмечает, что более всего времени уделяется Закону Божию, который дети усваивают на достаточно высоком уровне, славянскому чтению (которое дети так же усваивают, впрочем, без полного понимания прочитанного), менее всего учащиеся осваивают письмо и арифметику, часто – по причине тесноты, отсутствия бумаги и чернил.

Условия в школах сильно различались: городские и расположенные близко к городам школы, как правило, лучше снабжались материально и технически, отдаленные школы обладали меньшими материальными возможностями. Некоторым школам предоставлялись просторные, хорошие

²⁸⁵ Ведомость Омского епархиального училищного совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 13. Приложение. С. 2 – 3.

²⁸⁶ Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 6. С. 45.

помещения, но таких школ было меньшинство. Во многих наблюдатель констатировал: «Темнота, теснота, сырость, холод, грязь, – вот обстановка, которую приходится видеть при посещении школ грамот»²⁸⁷. И действительно, исходя из статистических данных, на одно учебное заведение в среднем приходилось от 15 до 130 учащихся (как зафиксированный максимум), а школы, в лучшем случае, располагали двумя классными комнатами. В штатах же их закреплены были один-два учителя, законоучитель (часто священник) и учитель пения (чаще всего псаломщик). Но даже если священник и не принимал непосредственное участие в преподавании, то в любом случае нес ответственность за деятельность школы.

Сибирское начальное образование обладало двумя чертами. Как таковое, отсутствовало установленное время начала и окончания учебы – «уроки начинались рано, а заканчивались поздно, почти вечером... Попытки учащихся вести занятия применительно к установленным, официально принятым учебным порядкам вызывают со стороны деревенских жителей недовольство и упреки в нерадении»²⁸⁸. Обособленность, отдаленность школ приводила и к обособлению священников-попечителей этих школ, замыканию их в рамках прихода и отсутствию у них желания сотрудничать и даже просто предоставлять сведения о школах к приезду проверяющих («Как только я указал о. заведующему неряшливое содержание классной комнаты, он [учитель] стал отвечать мне повышенно резким тоном, грубо спрашивать меня о цели приезда, предлагал мне самому озаботиться приведением школы в должный порядок»²⁸⁹).

Впрочем, последнее демонстрирует вообще отношение сибирского духовенства (особенно сельского из дальних приходов) к любым проверяющим и любому начальству, как светскому, так и духовному, на что указывают публиковавшиеся в «Омских епархиальных ведомостях» и

²⁸⁷ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 18. С. 14.

²⁸⁸ Там же. С. 15.

²⁸⁹ Там же. С. 26.

распространявшиеся циркулярно требования к священникам быть «любезными» с начальством и «тактично» сопровождать их приезды. «Пожалуй, самая заметная особенность порубежья, отличающая его от остальной территории страны – свобода. Свобода от устоев и ... от каких бы то ни было государственных, общественных, правоохранительных органов» – пишет Белаш Н. Ю.²⁹⁰ применительно ко всем вообще рубежным зонам. С ней сложно не согласиться в отношении личностных качеств и представлений приходского сельского духовенства Западной Сибири, значительно отдаленного расстояниями от епархиального начальства и осуществляющего связь с ним исключительно посредством годовых отчетов, пусть подробных, обременительных и дотошных.

Особенностью ЦПШ, за которую школы подвергались постоянной общественной критике, выступал очень разный уровень преподавания, целиком и полностью зависящий от рдения конкретного священника или (в отдельных случаях, вопреки проводимой им в приходе политике) учителя, поскольку требования к уровню овладения знаниями конкретно определены не были (по крайней мере, совершенно не были определены в отношении школ грамот), и не было установлено количество обязательных промежуточных проверок знаний учащихся – оно целиком зависело от частоты появления священника в подведомственной школе.

Соответственно, отдельные священнослужители не появлялись в школах месяцами, другие же осуществляли контроль постоянно. Тем более что преподавание Закона Божия священнослужителям (священникам и диаконам) в начальных школах не оплачивалось, а учителя получали весьма скромное годовое жалование в 120 рублей – кроме тех случаев, когда их труд оплачивался не из средств Епархиального Училищного Совета (который, в свою очередь, получал отчисления на образование от продажи церковных свечей), а от местных обществ. Тогда жалование могло быть еще ниже. Во

²⁹⁰ Замятина (Белаш), Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах [Электронный ресурс]. URL: <http://america-xix.org.ru/library/zamyatina> (Дата обращения: 05.08.2014).

всех случаях на приходского священника ложилась обязанность следить за своевременностью и размером выплат учителям. В целом в одноклассных ЦПШ преподавались Закон Божий, подразделявшийся на изучение молитв, Священную историю и объяснение Богослужения; краткий катехизис; церковное пение; чтение церковной и гражданской печати и письма; начальные арифметические знания. В двухклассных ЦПШ к ним прибавлялись начальные сведения из церковной и отечественной истории. Между тем образовательные программы одноклассных народных училищ ведомства МНП, с которыми шло постоянное сравнение ЦПШ, не слишком отличались: там так же изучались Закон Божий и Церковное Писание, письмо, чтение церковной и гражданской печати и письма, четыре арифметических действия²⁹¹.

В исследовательской литературе много внимания обращается на постоянную критику ЦПШ в противовес начальным школам МНП²⁹² либеральными силами российского общества. Между тем по крайней мере на материалах епархий Западной Сибири можно говорить о нескольких моментах, которые выгодно отличали систему образования в ЦПШ от получения начального образования в начальных школах МНП.

В первую очередь система ЦПШ предполагала большую «мобильность» распространения школ: для открытия ЦПШ требовалось всего лишь желание прихожан и разрешение церковных властей. В результате при активном участии приходского общества такая школа могла создаваться в очень короткие сроки от момента изъявления такого желания: помещение для нее выделялось самим обществом, учителя находились достаточно быстро, обеспечение на первых порах покрывалось большей частью средствами самого общества. При минимальном вмешательстве бюрократических

²⁹¹ Начальное народное образование // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Пг., 1916. С. 123 –149.

²⁹² Гончаров М. А., Плохова М. Г. Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – XX вв. // Вестник ПСТГУ, 2012. Вып.2(25). С. 101 – 117; Гизей Ю. Ю. Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.: По материалам Томской Епархии. Кемерово, 2004; Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области. 1884 – 1917. Иркутск, 2000.

государственных структур функционировать небольшая ЦПШ могла начинать в тот же год, когда такое желание изъявлялось. При создании школ МНП существовали определенные проволочки организационно-бюрократического характера, в результате чего сельские жители могли наблюдать такую картину: здание начальной школы МНП уже построено, оно удобно и просторно, однако на протяжении нескольких лет занятия так и не начинаются, в то время как в местной ЦПШ в одной или двух комнатах занимается сразу до 90 человек учащихся, а для удобства занятия разбиты на две смены²⁹³.

Во-вторых, в целом доверие к священнослужителю (при отсутствии конфликтов у общества с причтом) было выше, чем к сторонним чиновникам, батюшка был «своим человеком» в приходе, продолжал оставаться едва ли не единственным представителем власти для крестьянства в отдаленных поселках и обращение к нему с потребностью в образовании детей было самым естественным.

Наконец, с позиции государства деятельность ЦПШ, в отличие от деятельности школ МНП, была более выгодной в материальном плане, так как, например, в Томской епархии на ЦПШ тратилось в 3,5 раза меньше средств, чем на содержание школы МНП²⁹⁴.

Разумеется, в своей критике ЦПШ общество было не так уж и неправо: образование, получаемое в ЦПШ, фактически не могло быть стандартизовано, потому что упиралось в нехватку учителей, низкую материальную обеспеченность и большую загруженность приходских священнослужителей иными обязанностями. Работа школ зависела от активности конкретных приходских общин и от денежных средств, которые готовы или не готовы были предоставлять такие общины. Наконец, результаты обучения в ЦПШ чаще всего бывали весьма скромны: ученики

²⁹³ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 18. С. 14; Омские епархиальные ведомости. 1907. № 19. С. 19.

²⁹⁴ Гизей Ю. Ю. Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX-начала XX вв. [Электронный ресурс]. URL.: <http://cheloveknauka.com/tserkovno-prihodskaya-shkola-zapadnoy-sibiri-kontsa-xix-nachala-xx-vv> (Дата обращения: 08.09.2014)

едва умели читать (часто без настоящего понимания прочитанного), кое-как складывать и вычитать. Тем не менее, данные о состоянии сибирских епархий говорят о высокой степени доверия крестьянства таким школам: по данным клировых ведомостей, средняя наполняемость ЦПШ составляла около 60 человек, тогда как максимальная – порядка 130 человек.

Наконец, еще одной формой образовательной деятельности духовенства епархии выступала организация воскресных школ, которые финансировались из местных средств разного рода попечительств. Функционировали они согласно параграфу седьмому тех же «Правил о церковно-приходских школах» при церковно-приходских школах, и открытие их опять же возлагалось на местное духовенство «для лиц, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно». В начале XX века в Омской епархии действовало семь воскресных школ: две в Омске, две в Петропавловске, одна в Семипалатинске, одна в Ишиме, одна в поселке Константиновском Каинского уезда²⁹⁵, в них обучались лица от 12 до 18 лет преимущественно. Обучали их самым элементарным навыкам – чтению и письму. Восьмая школа, существовавшая ранее, была закрыта из-за перевода священника-организатора в другой приход. В Томской епархии действовали 2 такие школы²⁹⁶.

Таким образом, слова Милюкова «Церковь и школа – таковы два главные фактора русской, как и всякой другой духовной культуры»²⁹⁷ в приложении к сибирским епархиям весьма справедливы. Церковь и школа в Сибири шли рука об руку, и именно культурно-просветительское влияние церкви даже в начале XX века в значительной степени формировало первоначальную культурную среду. Духовенство же несло ответственность за однообразие этой культурно-религиозной среды.

²⁹⁵ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 18. С. 14.

²⁹⁶ Ведомость Томского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Томские епархиальные ведомости. 1907. № 22: Приложение. С. 16 – 17.

²⁹⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры ... Т. 2. С. 7.

Имеются определенные противоречия между официальными данными о численности представителей различных религиозных течений и сведениями, предоставляемыми непосредственно духовенством, а также вниманием, которое уделяет сектантам приходское духовенство епархии, по всей видимости, осведомленное о духовном состоянии вверенной им паствы полнее, чем специально уполномоченные «счетчики».

Под христианскими сектами в данной работе мы будем вслед за церковной традицией рассматриваемого периода²⁹⁸ понимать любые отклонения от официальных форм православия. Исходя из этого, к сектантам православная церковь относилась многочисленные протестантские течения, не различая сект и деноминаций; «духовных христиан», нехристианские секты. Относительно старообрядцев существуют некоторые расхождения во мнениях – в большинстве клировых ведомостей соседствуют пункты «раскольники» и «сектанты», однако в некоторых случаях раскольников объединяют в пункте «сектанты» вместе с баптистами и хлыстами²⁹⁹. В отчете «Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии» за 1893 – 1894 годы раскол прямо назван сектой: «Православный простой народ, в особенности женщины, не умеющие различать истины от лжи, смотрят на раскольничьих наставников этой секты с уважением»³⁰⁰. Кроме того, раскольнические «согласия» однозначно относились к категории «сект». С точки зрения рядового духовенства понятие «сектантство» охватывало почти любые случаи религиозного инакомыслия. Поэтому и приемы борьбы с ним были более или менее общими вне зависимости от того, с каким именно явлением миссионеру приходилось сталкиваться в своей работе.

Духовенство в клировых ведомостях, в официальной переписке и материалах «Епархиальных ведомостей» склонно предоставлять данные о более высоком числе «уклоняющихся в раскол» и представителей сектантов,

²⁹⁸ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 170.

²⁹⁹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 165, 166.

³⁰⁰ Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии. Томск, 1895. С 5 – 6.

нежели это указано в отчетах переписи населения 1897 года. Так, по данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.»³⁰¹, представители всех протестантских течений в совокупности составляют не более 0,76 процента мужчин от всего мужского населения, что соответствует 2698 душам, а женского, соответственно – 0,76 процентов и 2490 душ, 0,02 реформатов (71 мужчина и 65 женщин) и 0,01 баптистов (36 мужчин и 32 женщины); католиков – 0,29 процента мужского населения и 1209 мужчин, 0,22 процента женского населения (720 человек), а старообрядцев и уклоняющихся в раскол – 0,34 и 0,37 процента, то есть 1207 и 1212 человек от всего населения Акмолинской губернии, при этом общая численность населения Акмолинской губернии определяется в 682 608 человек обоего пола.

Вообще, в соответствии с данными Переписи, в Акмолинской, Томской, Тобольской губерниях проживали: православные, старообрядцы и «уклоняющиеся в раскол», католики, протестанты (в том числе лютеране, реформаты, баптисты, меннониты, англикане) и представители нехристианских конфессий (мусульмане, иудеи, буддисты). При этом официальные данные содержат весьма скромные цифры относительно распространенности в епархиях сект христианского толка – в Акмолинской и Томской губерниях число их оценивается в доли процентов, в Тобольской – 5 – 6 %.

В последующие годы, по мнению духовенства, число сектантов только увеличивается. С момента выхода первого номера «Омских епархиальных ведомостей» в 1898 году складывается представление, что проблема сектантства христианского толка в Омской епархии занимает в умах авторов издания такое же по значимости место, как и малая численность духовенства, низкий уровень материального достатка церквей, низкая грамотность и высокая смертность в среде православных священнослужителей. В «Томских

³⁰¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область. С. 5, 50 – 61; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Томская губерния. С. 18 – 19, 68 – 99; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тобольская губерния. С. 74 – 75.

епархиальных ведомостях» за 1910 год помещено 20 материалов противосектантской направленности³⁰², за 1911 – 25³⁰³, за 1912 год помещено 27 аналогичных статей³⁰⁴, в 1913 году помещено 27 статей³⁰⁵, имеющих отношение к борьбе с сектантством (т. н. «внутренняя миссия») – это 1 или 2 статьи на номер. В «Тобольских епархиальных ведомостях» за 1909 год помещено 22 материала противосектантской направленности³⁰⁶, за 1911 – 10, за 1912 – 5 (не считая постоянно действующей рубрики о деятельности духовных миссий). У постоянного читателя церковной прессы складывается убеждение в наличии врага – сектантства – распространяющегося с небывалой скоростью. Вероятно, некое общее ощущение, владеющее населением Акмолинской губернии, выражено в 1894 году Степным генерал-губернатором и проявляется в общем представлении об оторванности от «правильной» духовной жизни и враждебности окружающей среды. В отчете за 1894 год сказано: «Церковь ... является тем связующим звеном, которое поддерживает общение заброшенных на далекую окраину, в среду иноземцев, русских с идеалами русского народа; местное русское население, оторванное от тех устоев жизни, которыми жило на своей родине, и окруженное примерами инородцев, подражание которым может понизить его нравственный уровень, нуждается более, чем население Европейской России, в большем числе церквей и школ»³⁰⁷.

Итак, мы можем предполагать, что от момента первой переписи в 1897 году число сектантов протестантского толка в епархиях резко увеличилось, либо изначально было большим, чем это указано в переписи, поскольку именно этим логично объяснить особый интерес духовенства к делу борьбы с баптизмом и другими протестантскими течениями. Например, в «Омских епархиальных ведомостях» за 1910 год предоставляются такие данные за

³⁰² Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1910 год. Томск, 1911.

³⁰³ Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1912 год. Томск, 1912.

³⁰⁴ Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1912 год. Томск, 1913.

³⁰⁵ Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1913 год. Томск, 1914.

³⁰⁶ Оглавление неофициального отдела «Тобольских епархиальных ведомостей» за 1909 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1909. № 24. С. 197 – 198.

³⁰⁷ КУ ИСА. Ф.16. Оп. 1. Д. 52. Л.32.

1909 год: «Сектантов насчитывается до 7000 человек. Город Омск стали усиленно посещать сектанты из других губерний. В отчетном году был в Омске съезд баптистских пресвитеров, на который прибыли известные баптистские пресвитеры – Павлов и Балихин».³⁰⁸

В 1912 – 1913 годах, в процессе сбора информации о религиозных нуждах переселенцев и старожилов Омской епархии, в Омскую Духовную Консисторию поступили материалы о конфессиональном составе приходов епархии, собранные благочинными округов и настоятелями сельских и городских храмов епархии³⁰⁹. Все отчеты сопровождалось картами приходов, нарисованными собственноручно священниками (изредка с помощью картографов) в меру своих способностей. Таким образом мы имеем возможность установить распределение сектантского населения по епархии, определенное благочинными (в тех случаях, когда священники находили нужным сообщить такие сведения), в том числе – рассмотреть конфессиональный состав и распределение сектантского населения в наиболее «зараженных» ересями благочиниях и – в наиболее «чистых».

Так, Второй благочиннический округ Павлодарских уездных церквей – наименее благополучный. На карте, составленной священником Александром Пиняевым³¹⁰, мы видим пять сектантских поселков и один – частично «зараженный»: Донской – 25 дворов (76 и 74 души), Тихомировский 98 дворов (333 и 332 душ), Верхний – 90 дворов (234 и 231 душ), Благовещенский – 64 двора (205 и 197 душ), смешанного состава – Воскресенский (на 80 дворов, 238 и 199 душ), наконец, в районе р. Иртыш, в Акмолинском уезде, отмечен красным поселок – «Немецкие колонии (меннониты)» – это переселенческий приход поселка Федоровского, куда составитель описания просит назначить миссионерский причт с жалованием не менее – 900 р. священнику, псаломщику 300р. – так как рассчитывать на доходы, ввиду очага заражения сектантской заразой, ни в коем случае нельзя.

³⁰⁸ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 26.

³⁰⁹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Д. 151.

³¹⁰ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ.598 – 599.

Всего дворов в благочинии – 6 838, из которых по меньшей мере 357 (2 тысячи душ) замечены в сектантстве.

А вот пример другого, тоже не слишком благополучного территориального образования – так называемого Бухтарминского края (в Омской епархии «Бухтарма» использовалась как имя нарицательное для крайне неблагополучных в смысле распространенности раскольников и прочих сектантов территорий). В нем насчитывается 2471 дом раскольников и 5 – баптистов при 3633 домах православных.

Однако есть и вполне благополучные благочиния – в благочинии Первого Округа Ишимских уездных церквей священника Василия Полякова всего 50 сектантов австрийской секты – и таких благочиний все же больше³¹¹.

Тем не менее, даже с поправками, зафиксированное число лиц неправославного вероисповедания требовало от духовенства определенной реакции. Эта реакция была направлена, прежде всего, на попытки вовлечения иноверцев и сектантов в лоно официальной религии. В отношении мусульман и язычников такая работа начала проводиться систематически с открытием в 1831 г. Алтайской и в 1881 г. Киргизской духовных миссий, Тобольской «противумусульманской миссии» в 1901 году. Данному направлению деятельности Русской Православной церкви посвящено значительное число работ, рассмотрены обстоятельства открытия епархий, формы и этапы их деятельности, поэтому не будем останавливаться на данном вопросе подробно. По характеристике Лысенко Ю. А., мусульман крестили, «используя в работе испытанные и проверенные средства и методы, главными из которых являлись оказание материальной помощи новокрещенным, наделение их землей, перевод на казахский язык специальной литературы, подготовка миссионерских кадров из местной этнической среды»³¹².

³¹¹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ. 552 – 553.

³¹² Лысенко Ю. А. Киргизская Духовная миссия Омской епархии в 1881 – 1917 гг. // Макарьевские чтения: материалы шестой международной конференции (21 – 23 ноября 2007 года). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 48

Отношение православного духовенства к сектантам христианского толка (вне зависимости, были ли это православные или иные секты) отличалось от отношения к представителям нехристианских конфессий. Оно было, если позволительно так выразиться, более агрессивным. Тому есть несколько причин: во-первых, само существование пристанских сект являлось прямым оскорблением ортодоксальной веры, поскольку, извращая ее положения, превращало действия сектантов в пародию на богослужение, кроме того, своим существованием подрывало и авторитет Церкви – что вызывало наибольшее возмущение; во-вторых, отколовшиеся от православия сектанты не ограничивались собственным уходом от Церкви, а стремились увести с собой в «ересь» как можно большее число православных; в-третьих, с точки зрения священнослужителя, ересь представляет собой большую опасность, чем простое иноверие, поскольку сектантство, имея видимость «истинной веры», незаметно для самого уклонившегося вводит его в грех и внушает ему преступные идеи (как пишет архиепископ Никон в своей статье «Меч обоюдоострый»: «Никогда, может быть, даже во времена гонений от язычников, не было столько опасностей для Церкви, как в наши, якобы мирные, дни. Ей грозят и внешние и внутренние враги. Внешние – это секты и расколы, открыто отпавшие от нее: внутренние – это не порвавшие открыто единения с нею, но уже не единомышленные, уже мудрствующие по своему смышлению в вопросах веры и понимания жизни по вере»³¹³). Таким образом, имелась «неотложная нужда в создании особых мероприятий и в изыскании способов для продуктивной борьбы с этим хищным и опасным врагом Церкви – сектантством»³¹⁴.

Однако эта «неотложная нужда» наталкивалась на сложности (кроме уже перечисленных) – без учета необходимости работы с сектантами, на одного приходского священника приходилось иной раз до нескольких тысяч человек паствы (так, мы встречаем упоминания о 4-х- и 6,5-тысячных

³¹³ Никон (Рождественский). Меч обоюдоострый [Электронный ресурс] // Троицкое слово. 1913. №№151 – 200. URL: <http://www.orthedu.ru/books/nikon/nikon.htm> (Дата обращения: 12.12.2014).

³¹⁴ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 4.

приходах³¹⁵), что почти исключало возможность работы с отдельными сектантами. Кроме того, миссионерская работа с сектантами и «уклоняющимися в раскол» дополнительно приходским священникам не оплачивалась и не финансировалась, поскольку считалась входящей в общие обязанности приходского священника.

В тех случаях, когда речь шла о работе специального противосектантского миссионера, работа его оплачивалась очень скромно – 300 – 900 рублей годового жалования при необходимости частых разъездов³¹⁶. Наконец, уровень образования и подготовки православного духовенства оставлял желать лучшего, что почти исключало возможность адекватной «борьбы с ересями».

Таким образом, требовалась выработка таких мер, которые учитывали бы особенности Сибири и наиболее полно отвечали бы целям борьбы с сектантством. Однако проблема эта в рассматриваемый период не была решена.

Ю. А. Лысенко предлагает разделение истории деятельности Киргизской миссии на два этапа: до 17 апреля 1905 г., то есть до издания Указа «Об укреплении начал веротерпимости», и после³¹⁷. С нашей точки зрения, возможно применить эту периодизацию при рассмотрении взаимоотношений православного духовенства и сектантов-христиан в епархиях Западной Сибири. До 1905 г. негодование Церкви в отношении сектантов было не только понятным, но и вполне законным, поскольку уход из православия правомерным не считался и на «уклоняющихся» имелись административные рычаги воздействия. После выхода Указа эти рычаги исчезли. Это не означает, что отношение Церкви к сектантам изменилось, что она стала более терпимой к ним. Изменилось (уменьшилось) количество методов воздействия православного духовенства на сектантские общины.

³¹⁵ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ.547 – 549.

³¹⁶ По: Омские епархиальные ведомости. 1907 – 1910 гг. № 1 – 24; Тобольские епархиальные ведомости. 1907 – 1910 гг. № 1 – 24.

³¹⁷ Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 49.

В целом же такими методами были методы убеждения и просвещения, традиционно используемые и на других территориях Российской империи, а именно: проповеди; беседы с сектантами; курсы «обличения сектантства», читаемые при подготовке священнослужителей и педагогов³¹⁸, введенные в обязательном порядке темы школьных сочинений противосектантского характера в курсах духовных училищ; помещение статей – обличений в средствах массовой информации, прежде всего в «Епархиальных ведомостях»; раздачи и продажи пропагандисткой литературы. Эти мероприятия реализовывались как под началом создаваемых братств и обществ (например, «Братство ревнителей Православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения» в Омской епархии; «Противораскольническое братство Св. Дмитрия Митрополита Ростовского» в г. Томске), и путем введения специальных должностей противосектантских миссионеров, и самостоятельно приходскими священниками. Упоминания о проводимых мероприятиях при работе с архивными источниками мы находим постоянно: в прессе и через епархиальное начальство осуществляется побуждение приходских священников к совершению определенных необходимых действий:

– предварительной оценке распространенности сектантства: высылке епархиальному миссионеру сведений из каждого прихода о том, какого толка старообрядцы и сектанты имеются в приходе, какого возраста, пола, кто состоит во главе, имеются ли молитвенные дома, и другие сведения³¹⁹, а также перечня предпринятых мер – как форма контроля за противосектантской деятельностью;

– применению «всех способов и мер убеждения»³²⁰;

– покупке трудов по борьбе с сектантством (например, рекомендованные к распространению в епархиях Западной Сибири за 1899 год: «Выписка из путевого дневника протоиерея Михаила Гусакова по обозрению сектантства

³¹⁸ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 58.

³¹⁹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.223.

³²⁰ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.169.

за 1887 год»³²¹; «Критический разбор вероисповеданий русских сектантов-рационалистов» П. П. Оболенского, Кутепов Н. П. «Краткая история и вероучение русской рационалистической секты», «Народная миссионерская библиотечка»³²²; «Сектантство в Тамбовской губернии» М. Третьякова³²³);

– выработке новых мер для успешной борьбы с сектантством³²⁴;

– проведению в каждом округе миссионерских съездов, на которых, среди прочего, священники должны были давать отчеты о духовно-нравственном состоянии прихода, кроме того, вне съездов, периодически вызывать епархиального миссионера для бесед «с баптистами и адвентистами»³²⁵.

Осознавались как особенно важные во всех трех епархиях публикации важнейшей информации об основных религиозных течениях епархии. Осуществлялись перепечатки материалов, опубликованных в других епархиях. Священнослужителям циркулярно рекомендовалось доводить сведения до паствы, устраивать чтения и беседы. Исследуя имеющиеся источники, мы можем приблизительно определить периоды, когда борьба с сектантством в Западной Сибири бывала особенно активной: это годы Первой русской революции, затем – 1910 – 1911 годы и годы Первой мировой войны.

Имелись и методы некоторого административного воздействия, связанные с непризнанием легитимности «уклонения» из православия, возбуждением в отдельных случаях судебных дел в отношении сектантов. Однако после издания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» в арсенале священнослужителей остались только методы убеждения и привлечение внимания светской власти к случаям явного нарушения сектантами гражданского законодательства – устройства собраний без должного разрешения, вандализма в отношении православных святынь.

³²¹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.2.

³²² КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.22.

³²³ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.127.

³²⁴ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.40.

³²⁵ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 10. Л.218.

Результаты миссионерской деятельности и на первом, и на втором этапах деятельности в отношении сектантов, судя по архивным материалам, оказались скромными. Число сектантов не уменьшалось, а только увеличивалось. Известны случаи перехода в сектантство поселений почти полным составом³²⁶.

Причинами такого положения являлись:

- 1) особенности заселения и природно-географические условия в епархиях Западной Сибири;
- 2) малая в сравнении с центральными губерниями численность православного духовенства;
- 3) невыработанность единой эффективной системы методов по борьбе с сектантством в указанный промежуток времени.

Священник в отдаленных приходах (особенно в переселенческих приходах, только еще начинающих освоение в новых климатических условиях) иной раз являлся единственным человеком, к которому переселенец мог обратиться за помощью. И помощь эта могла выходить далеко за рамки духовной.

Большая исследовательская работа относительно санитарно-просветительной деятельности духовенства Томской епархии на протяжении второй половины XIX – начала XX веков была проведена Е. В. Караваевой³²⁷. В работе исследователь отмечает, что помощь больному – «святая обязанность» миссионера, и что роль духовенства в санитарно-гигиеническом просвещении населения очень велика. Основными направлениями деятельности по просвещению и защите населения от болезней она называет участие духовенства в деятельности санитарно-исполнительных комиссий, устройство холерных барачков и бесплатных столовых, заведение приходских аптек и другое. Имеющиеся источники

³²⁶ Омские епархиальные ведомости. 1916. № 40. С. 12 – 13.

³²⁷ Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в.: По материалам Томской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2011.

позволяют сделать вывод о том, что аналогичные функции исполняло и духовенство других епархий Западной Сибири.

Например, в отчетах о состоянии начальных школ Омской епархии мы находим следующие замечания: «Хорошо, если ближайшие к школе лица: священник, учитель и учительница располагали кое-какими познаниями из медицины. По крайней мере, они могли хоть, если не лечить самые болезни, то соответственными указаниями... предупреждать их, или останавливать развитие болезни»³²⁸. В 1908 г. в «Омских епархиальных ведомостях» помещена целая статья о предотвращении заболевания холерой, составленная редакцией³²⁹, «Тобольские епархиальные ведомости» регулярно публикуют краткие руководства по просвещению населения относительно поддержания здоровья³³⁰, ухода за младенцами, предотвращения детской смертности, действий в случаях отравлений, вреда знахарства и самолечения³³¹, средствах лечения³³² и проявления признаков инфекционных заболеваний. Такая деятельность прямо предусматривается епархиальным начальством: например, омское духовенство обязуется следить, чтобы умерших от заразных болезней несли на кладбище не в открытых, а в закрытых гробах³³³.

Разумеется, основы медицинских и санитарных знаний в обязательном порядке давались учащимся Томского, Барнаульского, Бийского миссионерского, Ишимского духовного училища, других учебных заведений, в программе педагогических курсов присутствовал большой блок информации медицинского характера³³⁴.

Следующим просветительским направлением в деятельности священнослужителей выступала борьба с основным народным пороком (особенно, по мнению местных священнослужителей) – пьянством: «Въезжая

³²⁸ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 21. С. 13.

³²⁹ Наставление. Как оберегать себя от холеры // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 39 – 46.

³³⁰ Вентиляция (проветривание) жилищ, как средство для здоровья // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 5. С. 111 – 112.

³³¹ Несколько слов о знахарстве из дневника сельского священника // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 501 – 503.

³³² Борная кислота // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 18. С. 320 – 321.

³³³ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 51. Л.204.

³³⁴ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 158.

в поселок, прежде всего замечаешь в нем отсутствие школы, в глаза тебе бьют не одна, а несколько вывесок пивных и даже винная казенная лавка... 8 сентября храмовый праздник, а 7-го уже весь поселок был пьян и шумел всю ночь» описывает степень распространения пьянства в поселке Новоселье Тюкалинского уезда Голошубин³³⁵. И действительно, многие исследователи констатируют широкое распространение алкоголизма в европейских и сибирских епархиях³³⁶. Этот порок был столь распространен, что охватывал даже детскую и подростковую категории населения (например, учеников Ишимского духовного училища рекомендовалось сопровождать в дороге домой, а также вести внимательное наблюдение за их поведением дома, чтобы родители и родственники не допустили употребление ими спиртных напитков на каникулах) «Здесь в одном зле – несколько зол, с которыми неминуема сильная и продолжительная борьба»³³⁷. Естественно, что борьба за трезвый образ жизни стала одним из важнейших направлений деятельности приходского духовенства, тем более, что деятельность эта устанавливалась Указом Св. Синода от 1 августа 1889 г., пункт о противодействии народному пьянству включался в программы различных партий³³⁸, затем аналогичный законопроект был принят III Государственной Думой 16 ноября 1911 г.³³⁹. Кроме того, введенная в 1896 году винная монополия так или иначе налагала отпечаток на торговлю винной продукцией: Голошубин описывает курьезные ситуации, когда по рекомендации сельских пастырей перед церковными праздниками

³³⁵ Голошубин И. Справочная книга ... С. 6 – 7.

³³⁶ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. С. 115; Караваева Е. В. Санитарно-просветительная деятельность... С. 188; Рафаил (Ивочкин). Участие Смоленской епархии в борьбе за трезвость. (Из опыта социального служения Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: <http://smoleparh.ru/Istoria/View/598> (Дата обращения: 18.08.2014); Ушакова О. В. Духовенство Омской епархии и трезвенное движение в 1907 – 1914 гг. (по материалам «Омских епархиальных ведомостей») // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. докл. и сообщ. Третьей Регион. науч.-метод. конф. Омск, 1997. С. 190 – 193.

³³⁷ Голошубин И. Справочная книга ... С. 7.

³³⁸ Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. Спб.: Издание второе «ННШ», 1906. Репринт: М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2001.

³³⁹ Цит. по: Караваева Е. В. Санитарно-просветительная деятельность ... С. 191.

закрывались государственные винные лавки, но вот частные, торгующие пивом и вином, работать продолжали – и получали большие барыши.

Духовное начальство всех трех епархий, получившее в свое ведение как старожильческие селения, так и быстро растущие переселенческие, столкнулось со всем комплексом социальных проблем в самом их расцвете и принимало самые деятельные меры по борьбе с пьянством: пастырские назидания обязывались читать все священнослужители, начали создаваться и общества трезвости³⁴⁰. В частности, в «Омских епархиальных ведомостях»³⁴¹ были опубликованы статьи о порядке создания обществ, примерный устав такого общества. В них же за 1910 год находим статью «Трезвые вести», написанную женой священника А. Никифоровой (Змеиногорский уезд). Женщина описывает процесс создания общества трезвости в селе Лаптев Лог, от его начала (21 ноября 1909) до настоящего момента (1910 год)³⁴². Методы борьбы с пьянством, которые описывает автор сообщения, выглядят довольно наивно: это совместное участие членов общества в воскресной вечерне с чтением акафиста, религиозно-нравственные чтения рассказов о вреде пьянства, наконец, световые картины с помощью «волшебного фонаря», с пением хора в антракте. Кроме того, члены общества трезвости обязались бороться с незаконной продажей спиртного (в так называемых «шинках»). За полгода работы общества в нем собралось 45 членов, и еще какое-то количество сочувствующих посещало вечера³⁴³. Подробно описывают открытие обществ и сами священники³⁴⁴. На страницах изданий даются разъяснения о вреде пьянства³⁴⁵.

Таким образом, мы видим, как из довольно лаконично выраженного описания деятельности духовенства возникают все новые и новые обязанности, зачастую имеющие к этой деятельности только косвенное

³⁴⁰ О борьбе с пьянством // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 20. С. 380 – 386.

³⁴¹ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 46 – 56.

³⁴² Омские епархиальные ведомости. 1910. № 24. С. 38 – 48.

³⁴³ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 24. С. 42.

³⁴⁴ Волков М. Как я открыл общество трезвости // Тобольские епархиальные ведомости. 1092. № 24. С. 465 – 471.

³⁴⁵ Кремлевский А. Чем опасна рюмка вина // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 24. С. 512 – 514.

отношение, но поглощающие все время духовного лица – и это виды деятельности, которые, фактически, ничем функционально не отличаются от деятельности чиновничества. Но через них проступает образ священника – единственного в приходе (преимущественно в сельском) организатора, надзирателя, утешителя, «счетчика»³⁴⁶, иной раз – и доктора, и советчика по вопросам не только религиозного, но и сугубо хозяйственного характера, что не было редкостью и для духовенства других епархий – о таком же разнообразии функций служителя говорят и исследователи епархий Европейской России³⁴⁷.

³⁴⁶ В терминологии Всеобщей переписи 1897 года: лица, осуществляющего сбор статистических данных.

³⁴⁷ Напр.: Леонтьева Т. А. Вера и прогресс. С. 33 – 38; 103 – 121.

§4. Материальное положение православного духовенства епархий Западной Сибири

Материальное положение сибирских священнослужителей на рубеже веков можно было бы назвать по меньшей мере неоднородным. На это указывают все источники: от статей в епархиальных ведомостях до протоколов дел, рассматривавшихся на заседаниях попечительств о бедных духовного звания.

Размер годового казенного жалования приходского священника в Западной Сибири, по данным епархиальных ведомостей и клировым ведомостям, в период между 1890 и 1917 годами колеблется от 150 рублей в год (нижняя планка до 1902 года) до 600 рублей (за счет повышения жалования в 1902 году, причем уровень повышения достаточно значительный – с 150 до 300 рублей в качестве нижней границы). Псаломщик получал не более двухсот рублей, а нижняя планка – в 70 и 100 рублей. Вышедшему на покой священнику назначалась пенсия приблизительно в 60 рублей. При этом на священников зачастую налагалась обязанность занятия должности законоучителя в ЦПШ (бесплатно) и – по желанию – училищах Министерства народного просвещения, за что в училищах МНП дополнительно выплачивалось по 50 – 60 рублей, а на псаломщиков – обязанность преподавания в этих же учебных заведениях пеня с соответствующим вознаграждением или без него.

Наибольшие доходы, разумеется, получало городское духовенство, оно находилось в особом, привилегированном положении: кроме казенных окладов ему причитались всякого рода доплаты, а кружечные сборы городских церквей были значительно щедрее сельских. Кроме того, военное духовенство обладало дополнительно повышенными окладами. Так, настоятель Омского Воскресенского крепостного собора, числившегося в военном ведомстве, протоиерей Иоанн Капитонов получал такие доходы: 1200 рублей казенного оклада, столовых – 96 рублей в год, квартиру –

натурой³⁴⁸ (эти оклады установлены в 1899 году, по случаю повышения жалования офицерскому составу)³⁴⁹, пенсию за духовно-учебную службу – 650 руб. в год и за уроки в Учительском Институте 1200 рублей в год. Это очень значительные суммы, сопоставимые с доходами столичного духовенства: в 1905 г. настоятель Казанского собора получал годовой доход 5700 руб., Исаакиевского собора – 3300 руб., протоиерей того же собора – 3200 руб., столько же – третий священник, а четвертый – 2200 руб.³⁵⁰

Зачастую, как следует из клировых ведомостей, личного недвижимого имущества они не имели, зато были обременены семьями. Детность для этого исторического периода вполне традиционная: от двух до восьми детей в среднем³⁵¹, что несколько ниже показателя, установленного исследователями для крестьянок разных губерний, и равного 6 – 9 детям³⁵². Впрочем, такая обременительная для семейного бюджета многочисленность потомства несколько сглаживалась за счет большой разницы в возрасте детей – в источниках во множестве упоминаются семьи, в которых старшие дети достигли уже совершеннолетия, а, следовательно, вполне уже могли сами зарабатывать себе на пропитание, а младшему ребенку не исполнилось и года. Обращает на себя внимание распространенный идеал детности: бесплодные священнические семьи стремятся принять на воспитание детей³⁵³.

Тем не менее, картины бедности, рисуемые указанными журналами, впечатляют. За 1905 год в Омской духовной консистории рассмотрено тридцать прошений о помощи семьям умерших лиц духовного звания, по смерти кормильца оставшимся без средств к существованию. Прошения эти, как видно, подавались в последнюю очередь, когда надеяться на помощь из других источников семье уже не приходилось. Отражают они крайнюю

³⁴⁸ КУ ИсА. Ф.40. Оп. 1. Д. 49.

³⁴⁹ Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков: справочные материалы. М., 2008. С. 56

³⁵⁰ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 383.

³⁵¹ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1072 – 1225.

³⁵² Зверев В. А. Дети – отцам замена... С. 81.

³⁵³ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1072 – 1225.

нищету: после смерти псаломщика Алексея Васильевича из поселка Конюховский Петропавловского уезда имущества осталось на сумму 73 рубля, а из иждивенцев – супруга 28 лет от роду и двое детей двух и трех лет от роду. Даже участие в деятельности духовной консистории в качестве постоянно члена не гарантирует сколько-нибудь стабильного материального положения. Из протокола от 3 ноября 1905 узнаем, что постоянный участник заседаний Попечительства о бедных духовного звания протоиерей Омской Ильинской церкви Илья Богоявленский умирает, оставляя после себя имущества на 227 руб. 90 коп. и двух дочерей 16 и 18 лет. Дело о назначении девушкам опекуна и помощи семье рассматривают бывшие коллеги протоиерея, самого попавшего в категорию «бедных духовного звания»³⁵⁴. Причем бедственное положение мало зависит от места на иерархической лестнице – количество нуждающихся семей священников, диаконов и псаломщиков примерно одинаково³⁵⁵.

Это крайние, вопиющие случаи нищеты, некоторое же представление об уровне благосостояния общей массы священнослужителей кроме размеров годового жалования дает интенсивность и активность обсуждения в епархиальных ведомостях³⁵⁶ создания и функционирования эмеритальных касс. Кассы эти создавались на принципе «самообеспечения личности при помощи общества»³⁵⁷ и должна была заниматься выплатами пенсий и пособий лицам – участникам касс. При создании касс соблюдался принцип добровольности участия, то есть к вступлению в члены кассы никто не принуждался. Однако организаторы касс сразу сталкиваются с несколькими проблемами, которые и выносились на суд общественности – например, в Омской епархии.

³⁵⁴ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1072 – 1225.

³⁵⁵ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 103.

³⁵⁶ Филиппов С. К вопросу о материальном обеспечении духовенства // Тобольские епархиальные ведомости. 1908. № 2. С. 44 – 47; Алексеев Ф. Голос крестьянина о материальном содержании духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 26.

³⁵⁷ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 3. С. 11.

Первая проблема заключалась в том, что лица, для которых создавалась касса, не способны были сами оплачивать постоянные взносы в кассу (а таких взносов должно быть собрано на 1000 руб. за весь период участия в кассе, и только после собирания такой значительной суммы – почти двухлетнего жалования священнику – лицо освобождалось от внесения взносов). Для того чтобы позволить таким лицам все же получать от кассы помощь, организаторы кассы рекомендовали церквям, в которых служили эти лица, организовать сбор средств для предоставления взносов.

Вторая проблема заключалась в малых возможностях кассы: «Существующая касса взаимопомощи, давая семье священника 210 р., диакона 105 р., а псаломщика 63 р., очень часто только покрывает издержки, сделанные семьей при лечении и погребении своего кормильца. При неимении своего дома, семья нередко оказывается выброшенной на улицу голодной»³⁵⁸.

И третья проблема носила скорее демографический характер, однако с ее последствиями приходилось работать в том числе и кассе. Она заключалась, с одной стороны, в упомянутой выше многодетности семей, а с другой – в упомянутом высоком проценте смертности духовенства.

Стоящие перед кассой проблемы были столь серьезны, что организаторы кассы даже сделали пессимистическое предсказание о том, что касса необходимую помощь сумеет вкладчикам оказывать не ранее чем через пятьдесят-сто лет. В других епархиях дела обстояли ничуть не лучше. Открытая в Тобольской епархии в 1905 году Касса взаимной помощи духовенства Тобольской епархии давала возможность получения единовременного пособия на погребение и сопутствующие расходы в размере 150 рублей семье священника, 75 рублей – диакона, 50 рублей – псаломщика³⁵⁹ в 1905 – 1907 гг.

³⁵⁸ Омские епархиальные ведомости. 1902. № 3. С. 11.

³⁵⁹ Устав кассы взаимной помощи духовенства Тобольской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 6 – 11.

Как говорилось выше, значительная часть священнослужителей основной доход получала от казны. Отдельной статьей церковных доходов выступали кружечные сборы (значительная часть из которых, как упоминалось выше, шла наряду с тарелочными сборами на нужды епархий и церквей, а также всевозможных братств и обществ, а отнюдь не на нужды конкретного причта). Поступающие доходы на нужды причта делились между священником, диаконом и псаломщиком из расчета: при трехчленном, пятичленном причте – 3:2:1³⁶⁰. Опять же, были места службы с высокими кружечными сборами, а были – с крайне низкими. Клировые ведомости за 1913 и 1916 годы по Омской епархии дают нам следующие представления о величине кружечных сборов, отправляемых в доход клиру: от 95 до 1600 рублей годовых в целом³⁶¹. Однако следует учитывать, что зачастую «в кружку» направлялись относительно большие суммы в тех ситуациях, когда клир был лишен казенного содержания полностью или частично. В таком случае, при кажущихся больших доходах в реальности клир мог получать в конечном итоге суммы даже еще более скромные, чем клир с казенным содержанием и минимальными кружечными сборами. В областях с большим процентом сектантского и раскольничьего населения (например, весьма недоброй репутацией в пределах Омской епархии пользовался Бухтарминский край) духовным лицам приходилось тяжелее. Они могли рассчитывать или исключительно на казенные суммы, или пытаться получить причитающееся с прихода путем многократных обходов и требований.

Часто жены служителей занимались выпечкой просфор для служб. Такая трудная работа приносила семье духовного лица еще около 30 рублей дохода в год.

Отдельной статьей дохода могли выступать церковные земли. Согласно нормам, установленным еще во времена Екатерины II, за церковью должно

³⁶⁰ Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913. С. 129.

³⁶¹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 152, 165.

было закрепляться не менее 33 десятин земель. Как правило, они выделялись из общего земельного фонда при межевании земель под сельскую общину. Количество земли, согласно клировым ведомостям, в Западной Сибири предоставлялось значительное – под церковные нужды выделялось до сотни и более десятин земли. Однако большинству клиров доход она приносила незначительный: часть земли была непригодна для распашки, другую клир не мог обрабатывать в полном объеме. В некоторых случаях земли сдавались в аренду под распашку, однако ограниченные сроки аренды (2 – 5 лет) не позволяли вводить даже пригодные земли в оборот. В таких случаях в клировых ведомостях помечалось, что «земля дохода не приносит», или – «земля качества плохого»³⁶². «Чрезвычайное» положение в природно-климатическом и экономическом смысле (например, более трети Омской епархии располагалось в зоне «Голодной степи») требовало более длительных сроков аренды, ходатайство об этом возбуждалось в 1912 году (предлагалось ввести срок аренды в 12 лет), однако в изучаемый период вопрос этот решен не был³⁶³.

Наконец, некоторую часть церковных доходов составляли проценты по ценным бумагам церквей. Такие бумаги зачастую жертвовались прихожанами в пользу конкретных церквей или отписывались в наследство. Эти проценты давали церкви и причту дополнительные годовые суммы от незначительных (5 – 10 рублей) до достаточно крупных (сотни рублей). Наконец, иной раз состоятельные прихожане завещали церковным причтам «на верное поминовение души» достаточно значительные суммы. Например, в 1904 тарская купчиха Клавдия Семеновна Романова завещала пяти тарским городским церквям по триста рублей в пользу причтов. Вдова урядника станции Омской, Сибирского казачьего войска, А. А. Тыркова в 1906 году направила в поминовение усопших: в Успенский кафедральный собор в городе Омске – 100 рублей; в Казачью Никольскую церковь – 100 рублей, в

³⁶² КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 165.

³⁶³ КУ ИсА, 16. Оп. 1. Д. 10. Л.140.

Кладбищенскую того же города – 50 рублей. Тобольский мещанин С. Я. Тумашев пожертвовал среди прочих в омские церкви денег на общую сумму в 1000 рублей³⁶⁴.

Преподавание в городских начальных и средних учебных заведениях – училищах и гимназиях – составляло значительный дополнительный доход: например, имеющий большие заслуги в деле преподавания священник Омской Крестовоздвиженской церкви А. Головин за законоучительство в Женском приходском училище имени императора Александра II получал в 1915 г. 350 рублей дополнительного заработка, кроме того, читал несколько дополнительных курсов в других учебных заведениях получал дополнительные 55 рублей³⁶⁵. Работа законоучителей в иных заведениях оплачивалась скромнее – в 100 – 150 рублей годовых³⁶⁶. Чтение курсов языков и церковной истории так же служили скромным источником дополнительных средств.

Таким образом, по уровню доходов духовенство разделялось на весьма состоятельную группу и группу лиц с крайне низкими доходами. Самое высокое жалование, разумеется, было у епархиального архиерея – оно составляло в среднем более 2000 рублей годовых (на данную сумму начислялись всевозможные прибавки). На суммы около 600 рублей могли рассчитывать священники городских церквей, а псаломщики – на более скромные 200 – 300 рублей. Квартиры служителям предоставлялись бесплатно, а в случаях, когда служители снимали их самостоятельно, расходы им традиционно компенсировались. За городскими соборами и церквями кроме того, как уже говорилось выше, закреплялись значительные земельные владения³⁶⁷. Из этих участков причт имел право пользоваться заготовленными дровами для отопления своих домов, а также обрабатывать пригодные земли или сдавать в краткосрочную аренду. Служители,

³⁶⁴ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 120. ЛЛ.6 – 7, 15, 24 – 27.

³⁶⁵ КУОО Иса. Ф.44. Оп. 1. Д. 8.

³⁶⁶ КУОО Иса. Ф.44, оп. 1. Д. 2; Д. 4; Д. 13.

³⁶⁷ Там же.

проживавшие при учебных заведениях, согласно «Журналам Духовных Консисторий», так же могли рассчитывать на бесплатное питание при заведении, остальные городские служители получали столовые в качестве компенсации соответствующих расходов. Казачьи станицы, как правило, к своим духовным отцам бывали щедры и старались обеспечить причт достаточным жалованием и удобными домами – казачьи общины устанавливали в целом более высокое жалование своему «батюшке», а также охотно организовывали приходские церкви, выплачивая учителям, в том числе и священнику-законоучителю, жалование (чего обычно не было в других приходских школах).

Таким образом, разница между городским и сельским духовенством естественным образом пролегла еще и в смысле материального обеспечения: работа в отдаленных и глухих приходах оплачивалась ниже, чем работа в городах и близлежащих поселках, и различия между уровнями доходов духовных лиц в пределах даже одной епархии были крайне велики. В некоторой степени такое расслоение компенсировалось меньшим контролем за деятельностью служителей на нижеоплачиваемых должностях и большей свободой сельских батюшек.

Несколько особняком стояла проблема наград за духовную службу.

15 февраля 1908 года в «Омских епархиальных ведомостях» было опубликовано сообщение от Омской Духовной консистории. Сообщение, в частности, содержало следующее: «Каждый верный и истинный слуга Государя и Отечества (а, следовательно, и Церкви) имеет ожидать, соразмерно своим заслугам наград, а начальства обязываются не оставлять без представительства о награждении лиц, отличающихся особенным усердием»³⁶⁸. Какие же награды вправе были ожидать лица, избравшие службу на духовном поприще в сибирских епархиях?

³⁶⁸ Омские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 1 – 3.

Согласно законодательству³⁶⁹, система наград для духовенства выглядела следующим образом: протоиерей или священник (иерей), исполнявший более 12 лет одну и ту же должность благочинного или члена духовной консистории, духовного правления, епархиального попечительства о бедных духовного звания, правления духовной семинарии или училища, исполнявшие должность законоучителя тот же срок с усердием в народных школах, получали право на награждение орденом св. Анны 3 и 2 степени. За беспорочную службу в течение 50 лет мог быть пожалован орден св. Владимира 4 степени.

Существовали и исключительно священнические награды: набедренник, фиолетовая скуфья, камилавка, наперсный крест от Святейшего Синода, от Кабинета Его Величества, палица, митра; для епископов и архиепископов – митра и панагия, украшенные драгоценными камнями, крест на клобук, патриарший посох и патриаршая митра. Скуфьи и камилавки изготавливались по установленным образцам самими награждаемыми, кресты же выдавались безвозмездно в полную собственность одаряемых. За пожалованные ордена с награждаемых взыскивались установленные суммы. Срок между представлениями к наградам не мог быть меньше трех лет. Отдельным видом награды выступало звание протоиерея для священника. Диаконы были исключены из возможности получать священнические отличия, поэтому для них спектр наград ограничивался исключительно орденами и медалями, псаломщики могли также претендовать на стихарь, как отличительный знак, или архипастырское благословение. Обе эти категории за десятилетнюю усердную службу могли претендовать на получение серебряной медали на Александровской ленте. За беспорочное служение в должности псаломщика полагалась также золотая медаль с надписью «За усердие»³⁷⁰. Для всех духовных и светских лиц в качестве награды устанавливалось благословение Святейшего Синода с выдачей или

³⁶⁹ Калашников С. В. Сборник законов и форм о наградах. Тип. И. М. Варшавчика, 1893. С. 4 – 9.

³⁷⁰ Калашников С. В. Сборник законов и форм о наградах. С. 6 – 7.

без выдачи соответствующей грамоты. Отдельная группа наград полагалась всем духовным лицам, занятым в области народного образования: серебряные медали «За труды по народному образованию», «За 15 лет учительства». Наконец, активное участие в переписи предполагало получение особенно старательными переписчиками темно-бронзовой медали «За труды по I всеобщей переписи населения 1897 г.».

Таким образом, имелся достаточно большой перечень отличий, на которые вправе были рассчитывать духовные лица Западной Сибири. Но насколько высоко оценивались их труды епархиальным начальством и, прежде всего, отцами благочинными, на которых возлагалась обязанность сбора сведений об усердной службе и представления характеристик священнослужителей на рассмотрение церковному начальству? К сожалению, констатировал секретарь Омской Духовной Консistorии, «в здешней епархии в данном случае оказываются некоторые упущения, и первое из них – это почти полное отсутствие представлений о наградах духовенству со стороны о.о. благочинных. Из всех 25 благочиний поступило за минувший 1907 год только 4 представления. Между тем, из Консistorского делопроизводства нельзя не усматривать, что многие из духовенства подвизаются добре, ходят достойно своего звания»³⁷¹.

Число лиц, имеющих награды, в Омской епархии действительно не слишком велико. Имея перед собой составленный И. Голошубиным перечень всех духовных лиц епархии с краткими биографиями, мы располагаем следующими сведениями на 1913 год³⁷².

В среде омского духовенства востребован был весь перечень священнических наград, зафиксировано и получение светских орденов и медалей, что отражено в «*Таблице б*».

³⁷¹ Омские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 2.

³⁷² Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 1072 – 1225.

Таблица 6

Распределение видов наград священнослужителей в Омской епархии в начале XX в.

Награда	Набедренник	Скуфья	Камилавка	Крест наперсный	Стихарь	Анны 3 степени	Анны 2 степени	Владимира 3 степени	Другие награды	Всего
Число получивших	12	9	16	10	4	6	4	3	12	70

Источник: Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 1072 – 1225.

Обращает на себя внимание наибольшая распространенность среди наград камилавок, возможно, в связи с обязанностью духовных лиц самостоятельно обеспечивать себя предметом награды и, следовательно, незатратностью таких наград. Кроме того, решение о награждении камилавкой принимал Святейший синод, а не местный орган церковной власти. Далее по распространенности идут набедренники, решение о награждении которыми принималось непосредственно архиереем. Средний возраст лиц, получивших награды, отражен в «Таблице 7». Видим, что наибольшее число награжденных находится в возрасте более 50 лет. Число служителей, награжденных до 40 лет незначительно и составляет менее 10 % от общего числа награжденных. Соотношение числа награжденных и количества наград на одного награжденного отражено в «Таблице 8». Общее соотношение награжденных к не награжденным священно-церковнослужителям соответствует 16,3 %, при этом 41,4 % наград был получен городскими служителями, остальные же награды пришлось на долю сельского духовенства.

Нужно отметить, что имеются упоминания о специфической форме признания заслуг духовного лица перед приходом – поднесении от общины прихожан своему пастырю драгоценного наперсного креста или иконы, что позволялось с согласия епархиального начальства и не имело статуса

официальной награды³⁷³. Что касается распределения числа награжденных двумя и более наградами, то и тут городское духовенство располагается на первом месте: из 11 священнослужителей, получивших 2 и более награды, 7 служили при городских церквях (наибольшим числом наград на 1914 год обладал Александров Дмитрий Павлович, 52 лет, протоиерей и ключарь Омского кафедрального собора: имел камилавку, наперсный крест от Святейшего синода, ордена св. Анны 2 и 3 степени). Несомненно, заслуги городских священников были куда заметней начальству и, конечно же, отмечались соответствующим образом.

Таблица 7

Количество и возраст награжденных духовных лиц в Омской епархии в начале XX в.

Возраст награжденного	20 – 30 лет	31 – 40 лет	41 – 49 лет	Старше 50
Число награжденных	2	8	18	21

Источник: Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 1072 – 1225.

Таблица 8

Распределение количества наград на одно духовное лицо в Омской епархии в начале XX в.

Количество наград	1 награда	2 награды	3 и более
Число награжденных	32	8	9

Источник: Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. С. 1072 – 1225.

Что касается остальных епархий Западной Сибири, то мы можем отметить гораздо больший интерес к результатам труда духовных лиц. Так, в

³⁷³ Напр.: Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1: Часть неофициальная. С. 30.

Томской епархии за один только 1900 год к наградам разного уровня было представлено 60 церковно- и священнослужителей³⁷⁴. В тот же год в Тобольской епархии – 31 служителей, и еще 7 получили благодарности от Архипастыря.

Таким образом, епархии Западной Сибири – Тобольская, Томская и Омская – обладали рядом общих черт, затруднявших деятельность духовенства на их территориях. При этом положение «срединной» Омской епархии было наиболее сложным: сформированная последней, лишь в 1895 году, она получила «в наследство» все проблемы соседних епархий, усугубленные процессом массовых переселений. Наиболее серьезными выступали проблемы:

○ большая протяженность территорий, суровый климат, затруднявшие служение;

○ особенности правового статуса духовенства в целом, не учитывавшие специфику этого своеобразного вида деятельности и ставившие духовенство в сложное положение: с одной стороны, их деятельность приравнивалась к такой же службе, как служба чиновника или военного, а с другой – воспринималась как сакральное служение, общение с Богом и посредничество между миром Горним и миром земным; специфические условия Сибири также требовали некоего учета этой специфики в законодательном плане, однако правовой статус духовенства оставался общим на всей территории Российской империи;

○ малая численность духовенства епархий, обусловленная отсутствием достаточного количества учебных заведений духовной направленности в епархиях, с одной стороны, а с другой – сравнительно малой заинтересованностью духовенства европейской части России в переездах в Сибирь: в данном случае переезды инициировались нехваткой мест в центральных епархиях;

○ низкий уровень профессиональной подготовленности духовенства – он

³⁷⁴ Подсчитано автором по: Томские епархиальные ведомости. 1900. № 1 – 24.

был достаточно низким, хотя и многократно превышал уровень образования пасомых (не считая городов, сосредотачивавших в себе достаточно образованные слои населения);

оуровень религиозности населения: с одной стороны, срочно требовалось создавать условия для удовлетворения религиозных нужд переселенцев, с другой – и старожилов, и вновь переселившиеся были склонны к уклонению от исполнения религиозных обязанностей, уходам в раскол и сектантство, а коренное население исповедовало нехристианские религии. Таким образом, священнослужители попадали в специфическую ситуацию «религиозного фронта» – очень часто им приходилось выполнять религиозные функции в областях с преобладающим нехристианским населением или на территориях со значительным элементом лиц, индифферентных в религиозном отношении.

Насколько западносибирское духовенство отвечало вызову времени? Оставаясь одним из самых образованных сословий сибирского общества в целом и будучи значительно образованней паствы, оно тем не менее в профессиональном смысле оставалось достаточно «темным», а степень успешности его деятельности во многом зависела от понимания епархиальным начальством содержания деятельности вверенного ему духовенства, сформулированной крайне размыто. В свою очередь, дополнительные обязанности возникали из-за специфического положения духовенства в Западной Сибири, где оно выступала единственным связующим звеном между прихожанами и «цивилизованным миром». В изучаемый период перечень обязанностей духовенства был настолько широк (более сорока наименований видов деятельности), что исполнение их надлежащим образом в полном объеме, видимо, не представлялось возможным.

Глава II. Социокультурные представления православного духовенства в Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв.: идентичности и отношения с «миром»

§ 1. Региональная идентичность и локальный религиозный миф православного духовенства Западной Сибири

Одним из немаловажных факторов заселения и развития западносибирских епархий было мировосприятие пастырей сибирских приходов. У представителей любых сословий, вне зависимости от того, насколько долго они прожили в Сибири, в сознании складывались некие общие стереотипы, которые принято называть «образом региона». «Образ региона» как категория уже подвергался исследованию в рамках социальной психологии, ментальной истории, исторической антропологии, культурологии, гуманитарной географии. Введены в оборот связанные с ним понятия «культурный ландшафт», «региональная идентичность», «локальный миф». В данной работе под «локальным мифом» вслед за Д. А. Замятиным понимается «система специфических устойчивых нарративов, распространенных на определенной территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру», а «культурный ландшафт» рассматривать в качестве отграниченного географического пространства, определенным образом освоенного духовно и интеллектуально³⁷⁵.

Имеется значительное количество работ, посвященных образу Сибири в разные исторические периоды в сознании представителей разных социальных слоев. Так, исследователи отмечают, что у крестьян Центральной России «формировалось идеалистическое представление о

³⁷⁵ Замятин Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение [Электронный ресурс] / Д. Н. Замятин // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. N 1 (январь-февраль). С. 21 – 25. URL: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=60235> (Дата обращения: 02.09.2014).

Сибири, как о крае «с молочными реками и кисельными берегами». Подобные представления и толкали крестьян «на переселение, носивших авантюристичный характер»³⁷⁶. Определенный облик Сибири в пореформенный период формировали в массовом сознании периодические издания Европейской России: «и общественно-политическими, и отраслевыми ежемесячниками поддерживался образ Сибири как отсталой в культурном смысле провинции, нуждавшейся в просвещении и приобщении к достижениям европейской цивилизации». Н. Н. Родигина³⁷⁷ указывает на устоявшиеся определения-репрезентанты в отношении Сибири в «толстых» журналах европейской части России. Это «страна изгнания и забвения», «холодная, мрачная пустыня»; образ Сибири – образ страны зимы, ночи (т. е. мифологической смерти).³⁷⁸ Исследователь также отмечает, что «элементы образа Сибири, соотносящиеся с ее культурным развитием, моделировались при помощи метафор свалки и болезни»³⁷⁹.

В чиновнической среде (как в части Европейской России, так и собственно Сибири) середины – конца XIX века к особенностям Сибири относили «определенный религиозный индифферентизм», а «переселенцы представлялись более стойкими в православной вере», нежели сибиряки-старожилы. Уровень религиозных чувств сибирского купечества исследователями оценивается как очень высокий и искренний³⁸⁰. При этом большая часть исследователей отмечает, что представления о Сибири в «России» все же в большей степени рисовались из образов опасной дикой земли, а на переселение толкали малоземелье, бедность, перенаселение центральных регионов.

³⁷⁶ Скобелев К. В. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма: 1861 – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2002. С. 273.

³⁷⁷ Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2006. С. 26 – 27.

³⁷⁸ Родигина Н. Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века // Диалог со временем. 2002. № 39. С. 172.

³⁷⁹ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 306.

³⁸⁰ Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск, 2009. С. 197 – 210.

На первый взгляд, духовные лица в целом разделяли эту точку зрения, считая Западную Сибирь местом опасным, почти краем земли, далеким от цивилизации и всех ее благ («однообразной равниной» характеризует Скальский Омский уезд³⁸¹, решительно отказывая ему в хоть какой-то красочности пейзажа, «Голодной степью» называют возвышенность в южной части Акмолинской губернии).

Разумеется, в Сибирь шли за землей, новой жизнью, с большими надеждами, образ «вольного края» был силен в массовом сознании переселенцев³⁸², но не менее сильны были и установки «сибирские пространства – это «лес, немые пустыни», «тишина и молчание»³⁸³. И духовные лица ехали в Сибирь, видимо, с этими последними установками, иногда от отчаяния и невозможности найти себе место на родине. Поэтому особое значение для духовного лица приобретает принадлежность к той единственной общности, которая способна в некоторой степени компенсировать его оторванность от «России» – церкви.

«Своим диким неприветливым видом горные громады производили тяжелое грустное впечатление, унося воображение в дикую даль, в область чего-то жуткого, страшного», – написал в 1908 году священник Омской епархии Д. Садовский, выходец из Нижегородской губернии, в своих заметках епархиального наблюдателя³⁸⁴. Область «жуткого, «страшного» присутствует в его записках и прежде: «Один угол палубы занят был киргизами ... перед ними временами останавливались кучки крестьян-переселенцев, с любопытством осматривая своих будущих соседей, иногда вставляя с своей стороны по их адресу... «Азия», «дикари», «орда некрещеная». Редко мимо наших глаз мелькали села и деревни с их убогими, большею частью, деревянными, потемневшими церквями, с вытянувшимися

³⁸¹ Скальский К. Ф. Омская епархия. Омск, 1900. С. 18.

³⁸² Собенников А. С. Миф о Сибири в творчестве А. П. Чехова («Очерки из Сибири») // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 279.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Садовский Д. Путевые заметки омского епархиального наблюдателя церковно-приходских школ во время поездки по школам Омской епархии с 28-го сентября по 5-е ноября 1907 года // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 32.

вдоль берега реки рядами деревянных крытых и некрытых, мазанных и немазанных, покосившихся и перегнувшихся домов. На всей дороге встретился только один город Павлодар, да и тот можно назвать городом лишь от нужды... Видны вершины вздымающихся над домами татарских минаретов. Чувствуется, что, как будто, погружаешься *в глубь азиатской восточной дикости и мглы, так что жутко становится на сердце*». «Жуть», «страх», «глубь», «дикость» и «мгла» ждали сибирского священника тут же, за границей населенного пункта, и сопровождали те 10 – 30 (а то и все 40 – 45) верст по пути в отдаленные поселки прихода и от церкви до церкви, а иногда и между аулами³⁸⁵. Ежегодный выезд на благочиннический съезд требовал иной раз преодолеть до 70 – 120 верст³⁸⁶. Это были тяжелые, опасные версты: «Кругом беспросветная осенняя мгла, усугубляемая мутной ночью»³⁸⁷; «Боже мой! Как тяжелы и долги казались мне эти 120 верст!»³⁸⁸.

Сибирские пространства, чуть вглубь от «цивилизованных» городов, воспринимаются священником как чужие, дикие, непонятные и этим страшные места. Обезд вверенной территории считается и подвигом, и наказанием: «Сидя в несчастном коробке, промокши до костей, я думал о том, за какие грехи мне и везшему меня ямщику, мальчишке лет пятнадцати, послал Бог столь тяжкие муки»³⁸⁹. Описание это сильно напоминает описание из других путевых заметок – из цикла рассказов М. Булгакова «Записки молодого врача», написанных, однако, гораздо позже, в 1926 году, и в Центральной России: «Сорок верст, отделяющих уездный город Грачевку от Мурьевской больницы, ехали мы с возницей моим ровно сутки... Одно колесо ухаает в яму, другое на воздух подымается... Видишь одно и то же, одно. Справа горбатое обглоданное поле, слева чахлый перелесок, а возле

³⁸⁵ Иной раз расстояние от церкви до церкви могло составлять и 200 – 400 верст (в северной части Тобольской епархии). См., напр.: Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 16. С. 353.

³⁸⁶ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ.552 – 553.

³⁸⁷ Садовский Д. Путевые заметки ... С. 29 – 31.

³⁸⁸ Пинтусов М. Поездка священника Спасской церкви села Парабельского, благочиния № 6, Малахии Пинтусова, в верховья реки Парабели и по притокам ее Кенге и Чузыку, 7 – 20 декабря 1910 года // Томские епархиальные ведомости. 1912, № 3. С. 153.

³⁸⁹ Там же. С. 31.

него серые драные избы, штук пять или шесть. И кажется, что в них нет ни одной живой души. Молчание, молчание кругом»³⁹⁰. Впрочем, есть одно существенное отличие: молодой врач путешествует по среде хоть и недружелюбной, но родной и близкой, а священник Д. Садовский изначально демонстрирует оппозицию «Россия – Сибирь», и даже «Россия – варвары», и, что характерно, эту же позицию демонстрирует и его извозчик: «А что, батюшка, Вы не российский ли будете? Спросил он меня. Да, отвечал я, российский. То-то я по говору слышу, что не здешний. А ты тоже российский? И я российский»³⁹¹. Общность происхождения, землячество, позволяют переносить тяготы пути проще, в некоторой степени примиряют с действительностью. И священники, приезжающие из европейской части России, очень долго не чувствуют новые места служения своим домом, воспринимают Сибирь «дикостью и мглой», опосредуя свои впечатления в рамках христианских представлений, определенных библейским дискурсом: возможно, сибирская мгла соотносится в их сознании с «тьмой внешней», отрезанной от Бога и его Царства?

В процитированных выше отрывках обозначены ключевые позиции восприятия: «одно и то же», «убогость», «серость» – дома стоят «мазанные» и «немазанные», «покосившиеся и перегнутые». Церкви – домам подстать: «убогие», «потемневшие». Они не составляют доминанты окружающим пейзажам, не осеняют собой и не облагораживают пространство – истинно доминируют лишь чуждые, опасные элементы – «видны вершины вздымающихся над домами татарских минаретов». И от этого священнику «жутко становится на сердце». В этих путевых записках явственно отражается состояние медленного погружения в страшное, пугающее, чуждое пространство «мглы», где опора на веру слаба, как слабо и неявно покровительство церквей. Далее в цитируемых записках дается очень емкая

³⁹⁰ Булгаков М. А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. М., 1989. С. 473 – 475.

³⁹¹ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 3. С. 14.

пространственно-временная характеристика Сибири³⁹²: «Надо полагать, что мы живем на 100 или, по крайней мере, на 50 лет позже других людей, и то, что у вас там, стоящих ближе к свету, давно уже перебродило и отжило свой век, здесь только еще вступает в обиход жизни». Обращает на себя внимание характеристика «стоящие ближе к свету» – в иконографической традиции свет, сияние распространяют ангелы и святые, а не внешние источники. В данном контексте стояние ближе к свету может определяться как в рамках близости к прогрессу, цивилизации, так и – в христианских традициях – близости к святыням и вере. Интересно и другое: географическая отдаленность Сибири вводится в связь с временной отдаленностью, с пребыванием Сибири не только в категории «далеко», но и в категории «давно», однако эта оппозиция не может сводиться к традиционным религиозным категориям времени. Для христианина «давно» наполнено позитивным смыслом возвращения во времена евангельские. Сибирское «давно» негативно, отстало, созвучно «дикости» и «мгле». Так Сибирь из свободного, привольного места превращается в место, где все глухо, худо и плохо, и где все отличается от «России» только тем, что оно – отстало.

Характерно и традиционно так же явное перенесение автором записок представлений о «дикости» и «отсталости» на конкретные религии – магометанство, язычество: коренные народы автор рисует красками «нецивилизованности». Акцентирует их привычку сидеть на полу, их нечистоплотность, их кажущиеся грубыми формы поведения. В других путевых заметках, теперь уже официальных – отчете о посещении Алтая Преосвященным Макарием, епископом Томским и Барнаульским в июле 1895 года – прямо подчеркивается цивилизующая и облагораживающая роль христианства: «Теперь между алтайцами, благодаря принятию веры Христовой, начинает постепенно распространяться свет грамотности; один за другим они переходят от кочевого образа жизни к оседлому; они являются

³⁹² Садовский Д. Путевые заметки омского епархиального наблюдателя церковно-приходских школ во время поездки по школам Омской епархии с 28-го сентября по 5-е ноября 1907 года // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 33.

более смысленными и рассудительными, покидая старинные предрассудки и усваивая себе лучшие условия быта, обстановки и хозяйства, как то: постройку собственных домов, земледелие, огородничество; многие из них живут в довольстве и даже богатстве, избавившись от частых и разорительных расходов на камлание... Пользуясь благосостоянием на земле, они получают и обещанное Богом вечное наследие на небе... трудно прати против рожна: свет должен победить тьму, вера истинная должна победить веру ложную»³⁹³. Опять обращает на себя внимание представление о неразрывной и прочной связке «христианство – прогресс, грамотность и правильный образ жизни», которая прямо проистекает из одного из основных христианских мотивов «христианство – свет истины» в противовес «тьма, невежество – язычество». Однако в процитированном отрывке свет христианства напрямую связывается с мирским благополучием и богатством, что значительно выходит за рамки установки о посмертном воздаянии и «вечном наследии на небе». Мотив не новый, сложившийся в мировой христианской традиции, приобретает новое звучание: религиозная борьба с «язычеством» в смысловом поле превращается в борьбу западной культуры, «цивилизации» и азиатской дикости: духовное лицо выступает как бы в авангарде цивилизующей борьбы, ощущая особую свою роль в условиях Сибири.

Естественно, что некультуренная, нехристианизированная сибирская среда кажется священнослужителю враждебной (и во многом является таковой): «До нас доходят насмешки магометанского населения по поводу того, что православные люди не могут столько лет достроить свой храм», – пишет по поводу затянувшегося более чем на десять лет строительства храма в семипалатинской Заречной Слободке архимандрит Киприан, начальник Киргизской духовной миссии в 1907 году³⁹⁴. Среда коренного «магометанского» и языческого населения активно сопротивляется

³⁹³ Томские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 11 – 12.

³⁹⁴ Омские епархиальные ведомости. 1906. № 3. С. 9 – 10.

христианизации и (шире) изменению образа жизни. Это сопротивление выражается в нескольких взаимосвязанных явлениях: в глухом взаимном раздражении священнослужителей и коренного населения, выплескиваемомся иногда даже через официальные строчки отчетов о работе Киргизской миссии, в этих взаимных насмешках, и в постоянных уходах из христианства новообращенных «киргизов», в конфликтах и фактах запугивания соплеменниками новых христиан, в чрезвычайно редких случаях крещений несмотря на значительные труды в этом направлении миссионеров. Естественно, что такое сопротивление не могло не сказаться на мировоззрении и жизнеощущении духовенства епархии, прежде всего – приезжего, еще только адаптирующегося к сибирским особенностям. Для него Сибирь – это место, где живут «оставшиеся без пастырского руководства, предоставленные сами себе» «жертвы соблазна»³⁹⁵. А «инородцы, склонные к магометанству, настолько упорны в своем заблуждении, что никаким увещаниям христианских миссионеров не поддаются и на увещания миссионеров смотрят, как на насилие»³⁹⁶.

Не лучше и местное «православное» население: «Один мой приятель из сельских священников рассказывал, что, прослужив на приходе около года, он отправился в глухую, дальнюю деревню... А одна старуха, лет за 70, удивленно спрашивала:

- Да ты кто такой?
- А ты, бабушка, разве в церкви-то не бывала?
- Как не бывала? Чай, я тоже венчана».³⁹⁷

Вывод неутешителен, приговором звучит: «Забывтая Сибирь»³⁹⁸. Темное, дикое, оставленное богом место.

Однако не следует считать, что ощущение «дикости» Сибири было общим для всех священнослужителей западносибирских епархий: иначе

³⁹⁵ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 6. С. 33

³⁹⁶ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 8 – 9. С. 69.

³⁹⁷ Забытая Сибирь // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 16. С. 353.

³⁹⁸ Там же.

выглядит мироощущение священников-«старожилов». Служители, родившиеся, выросшие и получившие образование в Сибири (как правило, в Тобольской Духовной семинарии или в Ишимском духовном училище, как, например, протоиерей Стефан Васильевич Баженов³⁹⁹) в большей степени склонны занижать значимость культурно-религиозных особенностей сибирского прихода, нежели их приехавшие из европейской части России коллеги. Для них сибирская среда является привычной, хоть и суровой; чаще всего они всю жизнь проводят в пределах одной епархии, лишь изредка отправляясь в положенный отпуск за пределами места службы и не имея возможности сравнивать положение дел, кроме как посредством печатных изданий. Отсюда у них возникает стремление вписать события сибирских епархий в общероссийский контекст и закрыть глаза на некоторые существенные отличия. Тем не менее, для «старожильческих» священников разница между «россиянином» и «сибиряком» ясно различима и составляет важную часть самоидентификации.

Так, в 1911 году в «Омских епархиальных ведомостях»⁴⁰⁰ были опубликованы автобиографические записки одного из «старожильных» сельских священников Тюкалинского уезда, на тот момент прослужившего в епархии 17 лет и заставшего период «великого переселения» – о. Ивана Голошубина. «Я сам лично северный коренной сибиряк»⁴⁰¹, – характеризует себя автор записок, затем начиная сравнение характеров переселенцев и «коренных сибиряков» с точки зрения глубины религиозного чувства. Он делится своими изначальными предположениями о том, что выходцы из «России» должны быть более искренни и ответственны в вопросах веры, чем

³⁹⁹ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 26 – 30.

⁴⁰⁰ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11 – 16.

⁴⁰¹ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 31; Так же характеризует себя и уроженец Тобольской губернии, окончивший Тобольскую духовную семинарию, о. Н. А. Бирюков: Бирюков Н. А. Из воспоминаний о прожитой жизни // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 21. – С. 494; Так же характеризует себя и уроженец Тобольской губернии, псаломщик Д. Волостников: Волостников Д. Несколько слов по поводу заметки: «Забывтая Сибирь» и о проповедническом деле в единоверческих поселках // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 86 – 91. С. 88.

«сибиряки-дикари», однако затем, на протяжении пяти выпусков епархиальных известий, развеивает эти предположения, приводя факты не в пользу переселенцев. Последние кажутся ему поверхностными, грубыми, неуважительными, наделенными кучей неканонических суеверий, суетливыми и слишком напористыми. «Сибиряков» же он характеризует как людей мрачных, погруженных в заботы, однако более последовательных, уважительных к церкви и духовным лицам; а саму Сибирь – местом суровым, но благодатным. Священник–«сибиряк» настаивает на глубокой «чистоте» Сибири: «Всякий знает, что Сибирь, до водворения в ней переселенцев, была положительно свободна и чиста от всяких рационалистических сект»⁴⁰². Этот же священник с особой теплотой говорит: «Сибирь приняла их [переселенцев], обласкала, дала им пахотные и сенокосные луга»⁴⁰³. Автор «впечатлений», что удивительно, практически повторяет традиционное представление американского «фронтмена» в отношении земель Северной Америки: для него Сибирь – земля, изначально обладающая всем необходимым для счастливой жизни, правда, испорченная тем, что переселенцы привезли с собой. В оппозицию «Россия – Сибирь» священником–«сибиряком» вкладывается качественно иное содержание, нежели его «российским» коллегой. Формально оставаясь в традиционном поле представлений, сформированных в «России», священник–«сибиряк» вступает в процесс формирования новой региональной идентичности, преобразуя сибирские мифологемы под свои нужды.

Священнослужитель «обживает» новое пространство иначе, чем представители иных сословий, поскольку священник вооружен иными, библейскими, дискурсами. Для того чтобы сделаться «сибиряком», а Сибирь стала родным краем, священнослужителям необходимо создать свой локальный религиозный миф о Сибири, который укладывался бы в библейскую картину мира, и выстроить свою специфическую адаптивную

⁴⁰² Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 32 – 33.

⁴⁰³ Там же.

стратегию – миссионерскую. Уже говорилось выше, что ближайшими библейскими ассоциациями для Сибири выступают «тьма крошечная», «мгла». Похожим образом католические и протестантские миссионеры опосредуют мотивы деятельности в Северной Америке. Идя проповедовать слово божие, католические и протестантские миссионеры готовились вступить на территорию тьмы и холода. Методом «застолбления» и «присвоения» пространства для них выступает образец принятия мученической смерти на новой земле – по образу Иисуса Христа, принявшего смерть во искупление человеческих грехов. Смерть (в идеале мученичества) обязательна для процесса христианизации территорий и является неотъемлемым феноменом христианства⁴⁰⁴. Для того чтобы земля стала по-настоящему своей, необходимо быть «ближе к свету», то есть иметь собственных, «местных», «региональных» святых. Наличие региональных образцов святости, таким образом, становится насущной потребностью при формировании «образа региона» и его «локального мифа».

Например, красочные описания мученических смертей восьми миссионеров в Канаде от рук индейцев очень распространены и в эпоху колонизации Северной Америки стали одним из популярных жанров литературы переселенцев. Это связано, с одной стороны, с установкой, что «с тех пор как воскресший Христос победил смерть, она рассматривалась как новое рождение, как восхождение к жизни вечной, и потому каждый христианин должен был ожидать смерти с радостью»⁴⁰⁵, с другой, исключительно для духовного сословия – с особым представлением о важности жертв в процессе служения. В условиях Сибири, учитывая гораздо меньшую «кроважность» коренных народов, духовенство вряд ли могло рассчитывать на обилие мученических смертей, однако процесс формирования собственных религиозных мифов мученичества идет и реализуется в том числе через публикацию жизнеописаний местных

⁴⁰⁴ Чистяков Г. Мученичество как феномен [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/chis.html> (Дата обращения: 18.08.2014).

⁴⁰⁵ Арьес Ф. Человек пред лицом смерти. М., 1992. С. 39

сибирских подвижников. Так, Омские, Томские и Тобольские епархиальные ведомости ежегодно публикуют биографии сибирских просветителей. В «Омских епархиальных ведомостях» помещено жизнеописание святого праведного Симеона Верхотурского (святой и просветитель Сибири XVII века)⁴⁰⁶; как минимум дважды в год на их страницах помещаются некрологи с подробнейшими жизнеописаниями первых лиц епархии, выдержанные в стиле, приближенном к стилю жизнеописания святых⁴⁰⁷.

В «Томских епархиальных ведомостях» довольно часто помещаются сведения о деятельности Макария (Невского), «апостола Алтая» (канонизирован в 2000 году). Самый обширный из агиографических отделов помещен в «Тобольских епархиальных ведомостях», наиболее старом и солидном церковном издании Западной Сибири: за период с 1882 по 1898 годы в них помещено 298 статей, посвященных биографиям священнослужителей, в том числе канонизированных. Из этих 298 наименований чуть менее сотни (92) посвящено деятельности сибирских архипастырей и 67 – биографиям (чаще всего изложенным в некрологах) рядовых священнослужителей. Таким образом, в среднем в год в «Тобольских епархиальных ведомостях» публиковалось до 19 заметок подобного содержания (то есть сведения о священнослужителях и святых Сибири присутствовали практически в каждом номере ведомостей).

Важным опытом создания «локального религиозного мифа» выступает одна из сторон просветительской деятельности – перевод священных текстов на языки народов, среди которых ведется проповедь (согласно «Деяниям Святых Апостолов», от проповедника требовалось говорить на «многих языках»). Нужно отметить, что и в этом направлении духовенством епархий прилагались серьезные усилия: Алтайская, а затем и Киргизская духовные миссии занимались переводом Писания и молитв на местные языки, некоторые дети из среды коренного населения обучались русскому языку и

⁴⁰⁶ Омские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 1 – 4; № 18. С. 1 – 3

⁴⁰⁷ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 1 – 17.

даже впоследствии рукополагались в сан, чтобы затем продолжать проповедь среди кочевого населения. Регулярно направлялись «миссионерские проповеднические дружины»⁴⁰⁸. Работа таких дружин велась целиком на алтайском – были переведены основные молитвы и тексты специально составленных проповедей. Несмотря на весьма скромные успехи в деле христианизации (а после 1905 года и при отсутствии реальных правовых возможностей влиять на христианизуемых успехи стали еще более скромными), деятельность отличалась значительным воодушевлением.

Особенностью создания «образа региона» и «локального мифа» Сибири священнослужителями выступает, на наш взгляд, наличие уже давно сложившихся и многократно опробованных образцов религиозного освоения территорий миссионерами. Все модели деятельности сибирский служитель получил уже в готовом виде, и все составляющие «образа региона» были в той или иной степени сформированы в Европейской России или задавались библейским дискурсами. Священнослужитель Сибири преломляет увиденное через устойчивые библейские представления о «мгле», «тьме», «дикости»; религиозное освоение территории он строит по моделям, заложенным библейской традицией и многократно использованным в процессе колонизации иных территорий; наконец, он осуществляет определенное культурное исследование быта коренных народов.

Да и сами образцы восприятия Сибири предложены служителю в готовом виде веками предыдущего освоения. На рубеже XIX – XX вв. образ Сибири в сознании духовенства западносибирских епархий не имеет целостности, отличается сложностью, поскольку такой целостности нет в российском обществе в целом: с одной стороны одновременно сосуществуют представления о Сибири как о «крае тьмы», и представления о том, что Сибирь не обладает никакой спецификой в сравнении с другими территориями государства, и представления о привольности и чистоте края, а с другой – процесс формирования региональной идентичности «сибиряка»

⁴⁰⁸ Пример работы такой дружины от Алтайской духовной миссии: ГАТО. Ф.184. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ.2 – 15.

постепенно превращает Сибирь из «чужой земли» в родной край. Усилия священнослужителей венчаются успехом: «Радостное, умильное то было шествие, происходившее в степях Средней Азии, на земле киргизов; где так еще недавно были лишь аулы, становища и летние кочевья, там теперь царит над русским селеньем, высоко сияет в воздухе крест православной церкви, славится и торжествует вера Христова»⁴⁰⁹. Между тем, в исследуемый период в среде священнослужителей четко проявляется разделение на «сибиряков» и «российских» (такое противопоставление характерно и для других сословий Западной Сибири). В этих условиях особое значение для священника представляли те образы, стереотипы, которые существовали в его сознании и транслировались им вовне – образы праведной жизни и смерти, семейственности и устройства быта – они позволяли служителю сформировать относительно комфортное «ближнее поле», в котором он мог осознавать себя принадлежащим к определенному сословию, национальности, занимающим определенное место в мире.

⁴⁰⁹ Из письма священника // Тобольские епархиальные ведомости. 1895. № 21. С. 356.

§2. Представления о браке и семья православного священнослужителя: роли, нормы и девиации

К началу XX века «брачный вопрос» приобретает определенный общественный резонанс, хотя с христианской точки зрения «проблема брака» существовала еще с апостольских времен и выражена в «Первом Послании к Коринфянам» апостола Павла. Проблема выглядит следующим образом: сексуальные отношения часто рассматриваются в качестве греха, в котором рождается младенец. Однако без сексуальных отношений невозможно существование рода людского, да и сам по себе «человек слаб» – эти отношения являются естественными и необходимыми для него. Таким образом, необходимо установить пределы и степени греховности сексуальных отношений, и в своем Послании апостол Павел таким образом устанавливает градации: «А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. 2. Но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. 3. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу» (гл. 7). Таким образом, формально разрешая брак, апостол все же указывает на желательность воздержания. Что касается безбрачия, разводов и вдовства, то и здесь апостол рекомендует: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я» (7:8), – то есть по-прежнему считает воздержание наиболее приемлемой формой сексуального поведения (6:9 – 7:11).

Наконец, апостол призывает сохранять девство, ставя его выше других форм сексуального поведения (7:25 – 7:26). И, хотя апостол не видит в браке греха, он предостерегает: «Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль» (7:28 – 7:31). Таким образом, брак и брачные отношения в любом случае рассматриваются как обстоятельства, препятствующие исполнению христианского долга, хотя и не осуждаются сами по себе. Наконец, апостол запрещает всякие интимные отношения вне

брака: «Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело [с нею] ибо сказано: два будут одна плоть» (6:16 – 6:18).

«Проблема брака» разрешается в католичестве и протестантизме: католичество вводит целибат для духовенства в целом, не только для монашествующих, а протестантизм почти во всех течениях предоставляет своим священникам возможность состоять в браке, рассматривая его как благословение божие. С точки зрения православия целибат обязателен только для монашествующих, необходимым же условием для рукоположения в сан является вступление претендента в брак. Холостые не рукополагаются в сан, а имеют право лишь быть постриженными в монашество. Но вступление в брак лишает духовное лицо части преимуществ – места в церковной иерархии могут занимать только монашествующие, для священника же весь карьерный рост ограничивается возможностью стать настоятелем церкви или окружным благочинным – узаконенная возможность вести интимную жизнь сталкивается с невозможностью в таком случае участвовать в полноценном управлении церковными делами. Таким образом, законодательно поощрялось сокращение брачных контактов среди духовенства.

В изучаемый период проблема брака вновь поднимается и встает с особой остротой – среди прочих проблем. Постепенное увеличение роли женщин в общественной жизни, очень заметное и в Сибири⁴¹⁰, секуляризация, быстрое распространение многочисленных альтернативных официальному православию религиозных направлений и развитие крайних политических течений – все вместе поставило под вопрос необходимость именно церковных браков, требовало упрощения сложных процедур разводов и уменьшения ограничений в сексуальной сфере. Взгляды на брак разнились от самых негативных (популярное хлыстовство с его практикой скопчества, толстовство с его неприятием брака) до самых либеральных

⁴¹⁰ Нагорная М. А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX вв.): автореф. дисс... канд.ист наук: 07.00.02. Омск, 2012.

(практика «гражданских» браков, распространившаяся в обществе, «новое христианство» Мережковского).

Между тем, для священнослужителя брак не только необходим, но единственно возможен как форма интимного взаимодействия. Л. Манчестер подчеркивает особую роль семьи в системе представлений поповичей о мире – трансляция сословных ценностей происходит именно через семью⁴¹¹. Исследователь говорит о том, что в автобиографиях поповичи склонны представлять идеализированные картины собственного детства в противовес жизни в училище или семинарии и дальнейшей взрослой жизни.

Т. Г. Леонтьева указывает, что семья выступает как ключевая категория быта, который «перерастает рамки бытовой сферы. Семья священника выступала своего рода микрокосмом, где вырабатывались стандарты взаимодействия между полами, взрослыми и детьми, «своими» и «чужими». От ситуации в семье священника во многом зависело поведение прихожан»⁴¹². С этими наблюдениями сложно не согласиться: в основе сословной идентификации духовенства заложено представление об особой его роли в деле спасения «народа» – священнослужитель находится в зоне постоянного внимания общества как образец для подражания в сфере христианского благочестия. Вся его жизнь во всех поступках – от рождения и до смерти – должна представлять эталон для паствы.

Насколько полно реализовывался этот эталон в поведении конкретных служителей, говорить сложно. Применительно к западносибирскому духовенству в указанный период нужно отметить следующие тенденции:

– число женщин в сословии оставалось чуть более низким, чем число мужчин (по данным Всеобщей переписи населения в Акмолинской области⁴¹³: холостых молодых людей духовного сословия 53,1 % против

⁴¹¹ Manchester L. Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia and the modern self in revolutionary Russia. – Northern Illinois University Press, 2008.

⁴¹² Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. С. 132.

⁴¹³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область. СПб., 1904. С. 28 – 47.

51,7 % девиц, состоящих в браке мужчин 38,9 % против 33,9 % женщин; наконец, вдовцов духовного звания 6,6 % и вдов – 12 %);

– потеря супруги являлась для священнослужителя действительно невосполнимой утратой как в хозяйственном, так и в эмоциональном смысле⁴¹⁴;

– вступление в брак являлось обязательной и единственно одобряемой формой сексуального поведения для белого духовенства, жизнь вне брака даже для псаломщика (по тем или иным причинам) встречала подозрительное отношение как со стороны причта, так и со стороны и провоцировало вмешательство в быт (запрет на содержание прислуги женского пола и т. д.), а самим служителем воспринималось крайне негативно;

– низовое духовенство испытывало настоятельную необходимость в разрешении повторного вступления в брак без ущемления соответствующих профессиональных и сословных прав; в указанный период наблюдалось заметное число зафиксированных внебрачных отношений причтов сибирских церквей;

– сохранялось незначительное число разводов (1,4 % и 2,2 % для мужчин и женщин соответственно⁴¹⁵), что было характерно и для других сословий. Так, Ю. М. Гончаров указывает на данные однодневной переписи городского населения 1877 г.: «Обращает на себя внимание тот факт, что в то время практически не бытовали разводы. Из 24818 чел., учтенных переписью, только 3 (все женщины) были разведенными, что составляло 0,012 % всего населения. Причиной практически полного отсутствия разводов было отрицательное отношение к последним православной церкви». Отмечая рост числа разводов к концу столетия, констатирует, что их число по-прежнему остается очень малым: «Можно отметить также рост числа разведенных по сравнению с 1870 г. Всего разведенных в городах

⁴¹⁴ Из дневника диакона // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 131.

⁴¹⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область. С. 48 – 49.

Тобольской губ. насчитывалось 40 мужчин и 59 женщин, или 0,16 % всех взрослых старше 15 лет (0,11 % от всего населения), в то время как в сельской местности этот показатель составлял 0,11 % среди взрослых или 0,07 среди всего населения (см. приложение 14). Среди горожан Томской губ. процент разведенных был несколько выше – 0,19 % среди лиц старше 15 лет и 0,13 % среди всего населения городов (см. приложение 13). Для сравнения можно отметить, что в столичном Петербурге в 1901 – 1902 гг. разведенные во всем населении города составляли 0,18 %»⁴¹⁶.

– брачные отношения продолжают быть мощным транслятором сословной идентичности: от женщины, поступившей в сословие извне, через брак, требуется демонстрация всех форм поведения, выделяющих сословие («мы – матушки»), мужчина, происходящий из другого сословия, лишается права демонстрировать иные сексуальные привычки, нежели это уместно в сословии;

– в целом брак понимается как еще одна из форм служения – с одной стороны, как возможность своим поведением демонстрировать христианские образцы поведения, с другой – как естественное продолжение сословного состояния в детях. Отсюда стремление до мелочей контролировать внешние формы брачного поведения со стороны церковного начальства и со стороны общины;

– медленное, но заметное повышение социально-трудовой активности «матушек» и «поповен» влечет за собой расширение сферы их деятельности, тем не менее она все еще очень узка – учительство, социально-карикативная, миссионерско-просветительская деятельность в среде прихожан;

– стремление к обновлению, реформированию проявлялось в том числе и в сфере семейной жизни – часть духовенства обращалась к демонстрации светских форм поведения, требуя того же и от своих жен и детей.

⁴¹⁶ Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул, 2002. С. 135 – 138.

В 1907 году в «Омских епархиальных ведомостях»⁴¹⁷ была опубликована статья протоиерея А. Соловьева, в которой дается трактовка уже упомянутого выше 1-ого Послания к Коринфянам. В этой статье последовательно доказывается, что: брак не является злом, и апостол не подразумевал обязанности отказа от него для священнослужителей; что для верующих христиан брак является нерасторжимым, поэтому в крайнем случае разведенным супругам надлежит воздерживаться от второго брака, который будет приравняться к прелюбодеянию; рекомендуется соблюдать целомудрие тогда, когда это возможно; роль мужчины в браке рассматривается как основная, «активная», женская роль пассивна и менее обременена ответственностью. Таким образом, ни одного отступления в сторону либерализации брачных отношений в духовном сословии с точки зрения автора статьи быть не может. Апостольская модель брачных отношений трактуется крайне жестко и заявляется идеалом, стремиться к которому должен каждый служитель церкви – что вписывается в общую политику православной церкви данного периода с указываемой исследователями консервацией брачных отношений в целом⁴¹⁸.

Однако на практике брачно-сексуальные отношения несколько отличаются от предписанных идеалов: в действительности священник (особенно сибирский) сталкивался в них сразу с несколькими проблемами, входившими в противоречие с апостольскими заповедями. Среди таких на первом месте находился низкий доход служителя, не позволяющий ему надлежащим образом содержать семью, давать достаточное образование детям. В этих условиях основное трудовое бремя ложилось на супругу – «матушку», «дьяконицу», «псаломщицу» – которая своими силами должна была содержать хозяйство (хорошо, если доход священника позволяет нанять прислугу, однако для семейства псаломщика с его средним доходом в 200 – 300 рублей в год такая возможность была призрачна), осуществлять уход за

⁴¹⁷ Соловьев А. Учение Св. Апостола Павла о браке и безбрачии // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 4 -6.

⁴¹⁸ Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX вв. ... С. 45.

детьми и решать прочие хозяйственные задачи при почти постоянном отсутствии супруга. Детность священнических семей, как уже указывалось ранее, была высока (хотя несколько ниже, чем в крестьянских семьях), что объяснялось церковными канонами и общим представлением о детях как даре божием, сохраняющемся в духовном сословии. А так как взаимное или одностороннее уклонение супругов от интимной близости признавалось уважительным только в случае болезней и на срок постов, то средняя разница в возрасте между детьми в священнических семьях – один-два года, и в семье постоянно присутствовал ребенок самого раннего детского возраста. Средний возраст вступления в брак среди духовных лиц был выше обычного возраста вступления в брак среди крестьян.

Согласно законодательству, вступление в брак разрешалось по достижении невестой 16-летнего, а женихом – 18-летнего возраста, однако в исключительных случаях брак разрешался личным дозволением епархиального архиерея, если брачующимся до возраста совершеннолетия осталось не более полугода, причем крестьяне всеми силами стремились еще снизить этот возраст⁴¹⁹, поэтому значительная часть разбирательств относительно неблагоприятных поступков священников заключается в «незаконных повенчаниях» – повенчаниях несовершеннолетних.

Иначе обстоит дело с брачным возрастном в духовном сословии. Согласно собранным И. Голошибным данным⁴²⁰, большая часть священно-церковнослужителей Омской епархии вступила в браки не ранее 20 лет (женщины – не ранее 19), более ранние браки выглядят скорее исключениями, а более поздние (в возрасте 24 – 25 лет) не так уж и редки. В большинстве случаев первый ребенок в такой семье появлялся после исполнения супруге 20 лет, но достаточно частыми бывали ситуации, когда первого ребенка «матушка» производила на свет в 22 – 24 года. Такое положение не является уникальным для западносибирского духовенства –

⁴¹⁹ Омские епархиальные ведомости. № 1911. С. 24 – 25.

⁴²⁰ Голошубин И. Справочная книга ... С. 1081 – 1223.

средний возраст вступления в брак духовенства Восточной Сибири в середине-конце XIX в., по оценкам Л. К. Дрибас, так же составлял 21 – 25 лет⁴²¹. Эти показатели незначительно отличаются от данных, собранных Ю. М. Гончаровым: он отмечает, что по сведениям однодневной переписи населения 1895 г. в Барнауле (без учета сословной принадлежности) «к возрасту 25 лет уже половина мужчин и три четверти женщин вступали в брак»⁴²².

Суровость климата, частые роды и трудности ведения хозяйства способствовали высокой смертности среди жен духовных лиц. Священнослужитель оставался один с несколькими детьми на руках, не имея физической возможности осуществлять за ними присмотр. В такой ситуации в качестве выхода рассматривалась возможность нанять прислугу, которая взяла бы эти обязанности на себя.

Прислуга считалась плохой альтернативой: посторонняя женщина, очень немолодая (вдова) или, наоборот, слишком молодая (незамужняя девица), не могла в полном объеме заведовать и хозяйством, и воспитанием детей: «Дочь казака станицы Арык-Балыкской девица Анфиса Тимофеева Кубрина находилась у меня дома с мая месяца 1913 года по 1916 г. ... На нее были возложены обязанности – иметь присмотр за хозяйством и за прислугой, закупать продукты и наблюдать за исправностью стола... В течение последнего года она нашла знакомых и стала искать удовольствий и общества. Хозяйство осталось заброшенным»,⁴²³ – говорил вдовый священник А. Преображенский, воспитывавший после смерти жены единственную дочь. Для священника все завершилось не лучшим образом: он вынужден был прогнать девушку, прибегнув даже к помощи мирового судьи, а та из мести подала на священника донос о незаконном сожителстве и неблагоповедении. Вполне естественно, что принятие в дом служанки

⁴²¹ Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века. Иркутск, 2005. С. 64 – 92.

⁴²² Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX вв. ... С. 139.

⁴²³ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 196. Л.3 – 4.

епархиальное начальство осуждало: «Первого вселенского собора 3 правило воспрещает вдовым священнослужителям держать у себя в домах женщин, против чужих подозрений.... Между тем священник Алексей Преображенский, вдовец 30 с лишним лет, пригласил к себе молодую девицу в дом в качестве хозяйки, и она живет у него около трех лет» – комментировал рассматривающий дело духовный следователь, всецело осуждая священника⁴²⁴.

Другим выходом было бы вторичное вступление в брак, но второбрачие для священников возбранялось и лишало служителя льгот – для сибирского служителя, вслед за его симбирским собратом, немалую важность представляли возможность дать детям образование в духовном учебном заведении за казенный счет и пенсия: «Мы требуем второго брака для вдовцов-священников... И если церковные каноны окажутся к таким лицам неумолимо суровыми, то... таким выходом могло бы быть допущение, по снятии сана, в высшие светские и духовные учебные заведения, с принятием детей их в духовно-учебные заведения на казенный счет, предоставление... при поступлении на гражданскую службу... всех гражданских прав... с зачислением времени священства в счет на пенсию»⁴²⁵ – перепечатана в «Омских епархиальных ведомостях» статья из «Симбирских епархиальных ведомостей».

Однако проблема на самом деле располагалась глубже, не в плоскости утраты конкретных привилегий – принадлежность к духовному сословию сама рассматривалась как уникальная ценность, поэтому возможность ее потерять толкала служителей на отказ от вторичного брака, что, конечно, не умаляло «порывов плоти», которые находили выход иной раз в уродливых явлениях.

Неоднократно в жалобах на духовенство, словно клише, встречалось обвинение: «упрекают единоверцы и раскольники, говоря, что духовенство

⁴²⁴ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 196. Л.1.

⁴²⁵ О чем говорят наши реформы // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 9 – 10. С. 45.

православное держит у себя на дому наложниц»⁴²⁶. Исполняющий должность псаломщика Егоров (село-Юдинская церковь) в течение 14 лет проживал с «гражданской женой», имел от нее двоих детей, оставив при этом больную («три года лежала на одре») законную супругу в Казанской губернии. Свой поступок он объяснял так: «по неспособности к семейной жизни своей жены, так как я молодой человек, вынужден был сойтись с одной крестьянской девицей»⁴²⁷. Избранный псаломщиком в село Кондратьевское Бухтарминской волости Петр Гановичев жил с гражданской женой, привезенной «им с действительной военной службы». Гановичев, кроме прочего, «имея законную, церковную, держал лавочку, разорился, держать наложницу стало не на что, и он ее бросил. Он постарался ее обобрать дочиста. Уговорил ее поехать в соседнюю станицу, где и заночевали, в это время родственники Гановичева, быв им подговорены, обобрали ее дочиста». Притом местные крестьяне знали о происходящем, но сочувствовали законной жене и говорили: «Так той шлюхе и надо, чтобы другие такого не делали»⁴²⁸.

В одном из дел о неблагоприятных поступках⁴²⁹ выясняется, что как минимум двое членов пятичленного причта церкви состояли в незаконном сожителстве с прислугой, в том числе один имел внебрачного ребенка. Дьякон села Благодатского Благодатской волости, Барнаульского уезда, Г. Ефимов, долго склонял свою прислугу-солдатку к интимным отношениям, а не добившись успеха, применил насилие. Солдатка написала жалобу: «на второй день снова стал сговаривать меня, что если я с ним соглашусь, то он так устроит, что ребенка не будет, а если будет ребенок, то будет платить мне на его ежемесячно по двадцать (20) руб., но я опять отказалась, тогда он на следующую ночь во время сна подошел ко мне, взял меня в охапок и утащил в другую комнату, навалился на меня и силой сделал со мной совокупление, после чего я от него забеременела и дальнейшее время жила с ним и прожила

⁴²⁶ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 190.

⁴²⁷ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 198. Л.3.

⁴²⁸ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 198. Л.16.

⁴²⁹ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 190.

до 1 ноября 1916 года, до своего срока, затем ушла»⁴³⁰.

Обращает на себя внимание фраза «он так устроит, что ребенка не будет». Аналогичен указанный в исследовании Ле Руа Ладюри случай: сожитель дворянки Беатрисы де Планиссоль, сельский священник Пьер Клерг, перед соитием уверяет ее, что обладает волшебным средством, которое использует, чтобы Беатриса не забеременела⁴³¹. Указанный эпизод относится к промежутку между 1294 и 1324 годами, но уговоры к соитию основываются на тех же самых аргументах и в начале XX века. По каким-то причинам дьякон начинает ссылаться на особое средство, защищающее от беременности (много о вере в мистическую силу духовенства, правда, в несексуальном смысле, говорит В. Ю. Макарова)⁴³². В этом случае солдатка «особой силе» диакона не доверяет.

Это, конечно же, крайности, и не слишком частые, однако именно из таких крайностей складывалось общее представление о духовенстве, которое затем ретранслировалось паствой – обвинения в склонении к сожительству вообще очень часты и даже используются женщинами в качестве мести конкретному священнику, как в упомянутом выше случае с Кубриной.

Однако же в основной массе служители Западной Сибири соблюдали брачно-семейные нормы, а в их собственных описаниях семейной жизни заметно то же «тяготение к семейной идиллии», о котором на примере тверского духовенства пишет Т. Г. Леонтьева⁴³³. Несмотря на то, что вся совокупность брачных отношений пряталась за скупым «женат» и перечнем детей в послужном списке духовного лица⁴³⁴, изредка попадаются косвенные, скудные упоминания о поседевших с горя служителях-вдовцах⁴³⁵, некоторые

⁴³⁰ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 209. Л.3 – 4.

⁴³¹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня / пер. В. А. Бабищева, Я. Ю. Старцева. Екатеринбург, 2001. С. 201.

⁴³² Макарова В. Ю. Священник и больной (по материалам второй половины XIX – начала XX веков) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сборник статей. Спб: Изд-во ИДПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге». 2002. Вып. 2. С. 131 – 169.

⁴³³ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 133.

⁴³⁴ См., напр.: С. В. П. Женщины евангельские и современные // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 16. С. 13.

⁴³⁵ Из дневника диакона // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 131.

оставили проникнутые нежными чувствами описания семьи и детства: «Сколько светлых воспоминаний соединяет нас с днями детства?.. В это время закладывались в нас семена веры, стремления ко всему доброму, возвышенному»⁴³⁶.

Образец идеальной семьи оставался строго патриархальным, женская роль, естественно, сводилась к воспитанию детей в полном соответствии с установлениями веры и канона⁴³⁷. Женщинами предписывалось оставаться внутри семейного мира, не выходя вовне кроме отдельных случаев, где роль женщины признавалась положительной: проведение бесед с женщинами - прихожанками по вопросам веры, ведения хозяйства и воспитания детей. Между тем, ценность семьи оставалась необычайно важной – не столько экономически, сколько психологически: служитель считал ее местом, откуда мог черпать силы для дальнейшей нелегкой службы.

Здесь следует указать на некоторые представления о роли женщин в жизни православного прихода – не только представительниц духовного сословия, матушек и поповен, но и прихожанок. Например, Т. Г. Леонтьева отмечает на материале Тверской епархии высокую роль женщин в духовной жизни: «Во внутреннем маломобильном, но сотрясаемом извне традиционном обществе религиозная заданность поведения женщин определялась уже тем, что именно они составляли наиболее массовую и устойчивую часть контингента прихожан»⁴³⁸. Леонтьева указывает на особенности веры женщин: «обрядоверие», «истовость», консервативность, суеверие и предрассудки. Вопрос изменения религиозного поведения прихожанок, «сельских баб» исследовательница считает принципиальным – по ее мнению, судьба модернизации зависела от изменений в менталитете именно консервативной массы населения, к которой и относились женщины. Она отмечает особенности сельского женского мира в сравнении с городским: пока горожанки еще только утверждались в праве на труд,

436 С. В. П. Женщины евангельские и современные // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 16. С. 13.

437 Томские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 22.

438 Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 163.

сельские женщины им жили.

Описывая быт женщин духовного сословия, Леонтьева отмечает взваленные на их плечи многочисленные обязанности: дидактическую (своей жизнью продавать пример соблюдения религиозных норм), хозяйственную (в рассматриваемых Леонтьевой случаях женщины фактически заменяли в семье батраков, на содержание которых не оставалось средств), храмовую (выпечка просфор, сборы подаяний, уборка в храмах). В отношении женского мира вообще Леонтьева отмечает важнейшую черту: священники указывали, что домашний религиозный культ справляется бабами, хотя и имеет очень отдаленную связь с христианством⁴³⁹.

В диссертационном исследовании «Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: на материалах Курской епархии»⁴⁴⁰ отмечается, что положение женщины духовного сословия мало отличается от положения крестьянки – она так же точно занята домашним хозяйством и полевыми работами⁴⁴¹, она точно так же многодетна, но мемуарные и печатные источники рисуют образ деятельной помощницы мужа в церковных делах. Автор исследования «Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX вв.)»⁴⁴² говорит о складывании на рубеже веков «нового, инновационного облика крестьянки-переселенки», обладающей уже куда большей самостоятельностью и личной ответственностью чем прежде, стимулирующего ее социальную активность и повышающего ее социальный статус. Учитывая, что пополнение духовного сословия происходило в том числе из крестьянской среды, а переселенки из духовного сословия сталкивались с аналогичными проблемами и трудностями, было бы важно уточнить, насколько картина, описанная

⁴³⁹ Там же. С. 165.

⁴⁴⁰ Калашников Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей ... Курск, 2011.

⁴⁴¹ Там же. С. 148.

⁴⁴² Нагорная М. А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье ... Омск, 2012.

указанными исследователями, соотносится с той картиной женского приходского мира, которая рисуется материалами Западной Сибири?

Можно заметить, что в сибирских приходах женщины выступали в нескольких религиозно-культурных ролях, из которых основными были роль «матушки» (для жен и вдов священников) и «поповны» (для дочерей); роль жертвовательницы (чаще всего, для состоятельных вдов) и «активистки» (для крестьянок, не имеющих никакой другой возможности проявить себя в религиозной жизни, кроме как активно участвовать в приходских мероприятиях); наконец, неприятная роль презираемой женщины (роль женщины, замеченной в блуде) – собственно, этими ролями участие женщины в религиозно-культурной жизни прихода епархии и исчерпывалось. Тем не менее, в каждой из этих ролей женщины проявили достаточно активную позицию.

Например, «матушки» и «поповны» не только пассивно упоминаются на страницах епархиальных ведомостей, но иной раз и сами выступают авторами статей или источниками информации для них⁴⁴³. Кроме того, в некоторых статьях миссионерского содержания женщинам отводится значительная проповедническая роль при немалой занятости женщин духовного сословия и в хозяйственной деятельности, степень включенности в которую зависела от уровня достатка семьи священника. Достаток, в свою очередь, зависел от нескольких факторов: от того, насколько хорошие отношения священник сумел наладить с прихожанами, от уровня здоровья и энергичности духовного лица, от отношений с епархиальным начальством. Поэтому в случае смерти служителя, его внезапного перевода в другой приход или в ситуациях, когда он не сумел прижиться на новом месте, семья оказывалась в самом бедственном материальном положении, усугублявшемся еще и суровостью сибирского климата. Матушка, еще вчера часть домашних работ возлагавшая на прислугу, сегодня должна была взять все работы на себя, довольствуясь крошечной пенсией и дополнительно еще

⁴⁴³ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 9. С. 74; 1910. № 11. С. 38 – 42.

беря тяжелую работу просфорни. В таких условиях, видимо, общественная деятельность таких женщин в приходах прекращалась, заменяясь борьбой за выживание семьи. В качестве одного из путей выхода из ситуации такие женщины рассматривали в том числе отъезд в город в поисках работы и средств к существованию.

При относительно стабильном материальном положении матушки, бывало, безвозмездно замещали учительские места (как, например, жена священника Людмила Спасоломская, получившая за безвозмездное преподавание в школе архипастырское благословение с напечатанием сведений об этом в Омские епархиальные ведомости, и 25 рублей награды из сумм Епархиального Училищного Совета, и «матушка» Евгения Лаврова, получившая благословение без денежного вознаграждения⁴⁴⁴), принимали деятельное участие в организации сельских «яслей» для детей крестьянок на летний период⁴⁴⁵.

Кроме того, они, разумеется, всячески способствовали исполнению мужьями церковных функций: сопровождали в поездках по деревням прихода, если позволяло хозяйство, часто участвовали в качестве ассистентов при чтениях и просветительских беседах, вообще «ведали» сельскими настроениями, общаясь с женской частью прихода, пробовали себя и в качестве авторов печатных изданий, однако очень робко. Так, одна из немногочисленных женщин-авторов «Омских епархиальных ведомостей», жена священника А. Никифорова (не указавшая даже своего имени), пишет в статье «Трезвые вести» об открытии мужем общества трезвости в селе Лаптев Лог Змеиногорского уезда и своей роли в его деятельности: «И я, со своей стороны, внушаю женскому элементу населения, какой яд – водка, чтобы они и сами не пили, и семью удерживали, ибо вино ведет к гибели и разорению. И как капля долбит камень, так и мое слабое слово, проникнутое только искренним желанием добра, влияет на женщин, – и они начали

⁴⁴⁴ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 10. С. 3.

⁴⁴⁵ Ландышев Е. Детские ясли // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 19. С. 144 – 146.

проникаться духом трезвости... кто же является борцами?! – Конечно, сельские пастыри... Им необходима поддержка и сочувствие... Мы, матушки, имеем в селе авторитет, нас слушают, и нам нельзя терять времени даром, нужно помогать мужьям на их трудной и тернистой ниве»⁴⁴⁶. Эта фраза приоткрывает завесу: женщины, формально исключенные из участия во всевозможных обществах и братствах (в Омское Братство Хоругвеносцев членами могут выступать мужчины любого гражданского состояния, но никак не женщины, в Братстве ревнителей православия, самодержавия, народности – те же правила; среди рекламируемых в Омских, Томских и Тобольских епархиальных ведомостях журналов нет ни одного, ориентированного на женскую аудиторию), тем не менее таким образом понимают свою роль в жизни общества и, более того, стремятся быть активными участницами этой жизни. Возможно, в некоторой степени матушки даже «делали репутацию» своим мужьям со стороны крестьянской общины и внутри сословия: «В доме о. Ардалиона я познакомился с его супругою. На вид матушке около 30 лет; белая, полная, изящно одетая, она напоминала мне скорее помещицу, чем сельскую попадью. О здешней интеллигенции матушка высказалась очень пренебрежительно»⁴⁴⁷.

Кроме того, определенной новацией были редкие засвидетельствованные случаи занятия матушками предпринимательской деятельностью: так, имеются сведения о матушке-председателе потребительского общества, которая одновременно держит сберегательную кассу для прихожанок⁴⁴⁸.

Сведения о жертвовательницах и «активистках» можно почерпнуть из официальных разделов епархиальных ведомостей, в которых печаталась информация о лицах, которым преподавалось архипастырское благословение за те или иные заслуги перед приходом, а также из статей неофициальной части и некоторых циркуляров. В целом женщин-жертвовательниц отмечено

⁴⁴⁶ Трезвые вести // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 24. С. 38 – 48. С. 42.

⁴⁴⁷ Из дневника диакона // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 131.

⁴⁴⁸ Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С. 723.

гораздо меньше, поскольку даже если замужняя женщина и выступала инициатором пожертвования, исходит оно формально от ее супруга, и оценить, какова роль таких женщин в деле материальной поддержки церкви крайне сложно. Самостоятельными субъектами пожертвований чаще всего выступают вдовы.

В соотношении с общим числом жертвователей за, например, 1908 год, отмеченных в «Омских епархиальных ведомостях», число женщин скромно – 4 из 48 случаев (менее одной десятой), эти пропорции более или менее сохраняются в остальные годы, однако иной раз масштабы пожертвований очень значительны: благодаря пожертвованиям двух вдов – купеческой и надворного советника – и отставного чиновника Сибирского казачьего войска⁴⁴⁹ была создана женская обитель в честь иконы Божьей Матери «Утоли Мои Печали» в Омской епархии. 400 десятин земли для нее было предоставлено отставным чиновником Сибирского казачьего войска Михаилом Бубеновым, а вдова надворного советника Марина Малахова и вдова купца Дарья Волкова возвели строения для проживания сестер на этой земле. Весьма известна в епархии была и купчиха Параскева Шкроева: на собственные средства она устроила богадельню на 20 мест, при ней – церковь во имя преподобного Стефана и дом для священника, на ее же средства была возведена каменная церковь в Омске во имя Параскевы – Пятницы⁴⁵⁰.

Наконец, отдельная группа женщин прихода способна была бросить тень на репутацию священнослужителя – женщины, замеченные в блуде и других нарушениях норм морали. Так, дочь священника Николая Поникаровского (село Бутаковское) обвинялась в развратном поведении⁴⁵¹. Встречаются упоминания о незаконном сожителстве священнических вдов с представителями церковным причтов, наконец, о нарушениях целомудрия вдовыми служителями или «баловстве» женатых служителей «с прислугой».

⁴⁴⁹ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 1 – 3.

⁴⁵⁰ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 101.

⁴⁵¹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 52. Л.71, Л.52.

Нельзя говорить о каком-то особом уровне развращенности только, например, омских служителей в сравнении со служителями других западносибирских епархий: аналогичные случаи зарегистрированы и в соседних епархиях⁴⁵², картины морального падения духовенства отражены в церковной печати на всей территории Российской империи. Женское девиантное поведение в сельских приходских обществах, судя по скудным данным «дел о неблагоповедении», далеко не всегда исчерпывалось именно фактом сожителства, не узаконенного официальным порядком. К порочащим поступкам относились «прогулки» и «хождения в гости» в ночное и вечернее время незамужних девиц, тень на репутацию бросало так же проживание в качестве прислуги незамужней женщины у холостого или вдовца – впрочем, к «солдаткам» относились более снисходительно, а вот за поведением вдов священнослужителей общественность продолжала следить со вниманием. Обращает на себя внимание почти полное равнодушие к религиозной жизни женщины со стороны служителей церкви: в церковной документации отсутствует сколько-нибудь серьезное внимание к религиозному поведению прихожанок, только скурые упоминания, что представительницы этого пола более падки к сектантской «прелести».

Церковные наказания упоминаются редко, в основном сопровождают совершение преступных деяний, которые рассматриваются параллельно в государственных судах по гражданским и уголовным вопросам в общем порядке. В «делах об епитимьях» упоминаются такие случаи наложения на женщин наказаний: совершение попыток самоубийств, непреднамеренное убийство (неосторожное обращение с оружием или, в одном из обнаруженных случаев, удушение младенцев угарным газом в избе), прелюбодеяние⁴⁵³. Таким образом, женщина в приходском мире занимает специфическое место: ее поведение отслеживается общиной и причтом, но только в той мере, которая установлена общими нормами, однако ее

⁴⁵² ГАТО. Ф.170. Оп. 5. Д. 334.

⁴⁵³ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 272.

внутренний религиозный мир относительно свободен от вмешательств извне. Впрочем, из него, этого внутреннего мира, очень редко доносятся отголоски происходящего в нем.

Пожалуй, об изменениях во внутреннем мире женщины духовного сословия могли бы, кроме девиаций, свидетельствовать случаи разводов и уходов из семей, однако таковых не происходит: привязанные к мужьям в материальном смысле, даже зная о супружеских изменах, претерпевая алкоголизм мужей, женщины духовного сословия не стремятся менять свой гражданский статус. Разумеется, разводам препятствуют правовые нормы: разведенный священник запрещается в служении, второбрачие в такой ситуации невозможно⁴⁵⁴. Женщина, получившая развод, так же теряла привилегии, связанные с принадлежностью сословию. Таким образом, даже и терпя неблагополучие в собственной семье, женщина духовного сословия оставалась его немой наблюдательницей, продолжая реализовывать идеал, установленный в одной из статей епархиальных ведомостей: «Можно еще поспорить, нужна ли женщина-врач, женщина-адвокат, женщина-чиновник, но... в наше время... нужнее всего женщина-христианка, которая могла бы быть на страже своей семьи, чтобы беречь своих детей от тлетворных учений».⁴⁵⁵

⁴⁵⁴ Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902.

⁴⁵⁵ Томские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 22.

§ 3. Представления сибирских священнослужителей о смерти как основа коллективной идентичности

В предисловии к фундаментальной работе Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» А. Я. Гуревич так объясняет выбор темы исследования историка: «Смерть – один из коренных «параметров» коллективного сознания, а поскольку последнее не остается в ходе истории недвижимым, то изменения эти не могут не выразиться так же и в сдвигах в отношении человека к смерти. В эпоху доминирования религиозного типа сознания внимание людей было сконцентрировано на «последних вещах» – смерти, посмертном суде, воздаянии, аде и рае... Смерть была великим компонентом культуры, «экраном», на который проецировались все жизненные ценности»⁴⁵⁶.

С другой стороны, в современном мире существует позиция почти тотального отрицания смерти как факта бытия, а ее необходимость рассматривается как трагедия, как неприятность, которую следует избегать всеми силами. Сознание современного человека в повседневной жизни очень мало времени уделяет мыслям о смерти, сама смерть, как правило, запрятана за стены специальных заведений. Прежде доминирующая роль в отправлении обрядов смерти, наставлении и утешении принадлежала священнослужителю, сейчас присутствие священника у постели умирающего расценивается как исключение. Эти кардинальные изменения произошли за очень короткий период – XX столетие – и не только в России, но и во всем мире. Значительная часть исследователей связывает их с процессом секуляризации сознания и кризисом религиозности в большинстве европейских государств. Ф. Арьес отмечает постепенное уменьшение роли священнослужителя в обрядах смерти в течение XIX века на примерах США и (в меньшей степени) стран Европы, а в XX веке ставит рубежом Первую Мировую войну, после которой смерть стала массовым явлением. Г. Фриз

⁴⁵⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. С. 5 – 6.

применительно к российскому приходу говорит об уходе верующего от церкви, а не о прекращении веры. Мы же можем констатировать, что в Западной Сибири в изучаемый период наблюдается еще очень значительное влияние церкви на отдельные стороны жизни прихожан, а священнослужитель продолжает рассматривать себя как естественного и легитимного посредника между человеком и загробным миром. Постепенно утратив монополию сопровождения пасомых в большинстве сфер социальной жизни, к концу XIX века православный священник оставлял еще за собой монополию естественную – на сопровождение браков, рождений и смертей.

Впрочем, даже и рождение к началу XX века – явление, требующее безотлагательного вмешательства духовного лица только в чрезвычайных случаях: новорожденный настолько слаб, что может на этом свете надолго не задержаться. Общее установление таково: новорожденный нуждается в проведении религиозного обряда, однако в принципе такой обряд может быть отложен на неопределенный срок, хотя чем скорее будет проведено крещение, тем лучше (здесь современники отмечают особое нетерпение переселенцев-малороссов, которые стремились крестить едва рожденного младенца, даже «не обмыв, как следует»⁴⁵⁷).

В исследовании В. Ю. Макаровой «Священник и больной» рассмотрено взаимодействие между священником и крестьянином по поводу болезни и смерти последнего⁴⁵⁸. Исследователь акцентирует внимание на обрядовой стороне сопровождения болезни и смерти, на особой функции священника как проводника в общении с «тем светом»; отмечает специфические представления российского крестьянина об обязанностях священника, о присущей ему мистической силе, о способах «воздействия» на смерть и ее предсказания. Макарова говорит об особом понимании роли священника у смертного ложа – как самим служителем, так и крестьянами. Мы можем

⁴⁵⁷ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 13. С. 29 – 33.

⁴⁵⁸ Макарова В. Ю. Священник и больной ... С. 131 -169.

говорить о том, что аналогичные представления наблюдаются и в приходах Западной Сибири. Однако за пределами исследования находится представление о смерти самого священнослужителя, его позиция в отношении собственной смерти и смертей среди паствы.

В Западной Сибири чуть ли не единственной областью, в которой духовенство продолжает властвовать над умами прихожан, остается смерть (и посмертное существование). Священник по-прежнему является тем, чье присутствие крайне желательно у одра умирающего (а в случаях, когда это по каким-то причинам невозможно, то тем, кто, по крайней мере, приложит все усилия к обеспечению достойного посмертного существования преставившегося): «Непосредственно после совершившегося убийства в дом губернатора прибыл Преосвященный Гавриил и в присутствии множества собравшихся представителей военного и гражданского управления и родных покойного совершил первую литию в сослужении с соборным причтом»⁴⁵⁹.

Но то, что пока еще считалось нормой для высших слоев общества, уже далеко не всегда считалось таковой у крестьян. Известный в Омской епархии священник Иван Голошубин сетует на то, что переселенцы (преимущественно полтавцы и черниговцы) стараются обойтись без личного присутствия священника на погребении, требуя провести отпевание заочно, в церкви, сами устраивают кладбища на землях, для того не предназначенных, без разрешения крестьянского начальства и без освящения земли священником⁴⁶⁰. Это ситуация, как видно, огорчает священника вполне искренне – он чувствует себя в ответе за нераскаянные души, отошедшие без необходимого обряда.

Общее ощущение важности и особой роли священника в процедуре умирания в равной степени присутствует во всех текстах, где служитель говорит о смерти. Впрочем, оно не является уникальным, а задается многочисленными поучениями о роли священника у постели больного: в

⁴⁵⁹ Три безвременные могилы // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 14 – 15.

⁴⁶⁰ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11 – 16.

течение XIX и начале XX века выпускается масса поучений о приготовлении пасомых к смерти⁴⁶¹ в епархиальных ведомостях неоднократно публикуются соответствующие статьи.

Освящение земли вообще было одним из камней преткновения между священником и миром. Кладбище крестьяне желали иметь в непосредственной близости от селения, однако для его устройства требовалось изрядно похлопотать: возбудить дело об открытии кладбища в духовной консистории, определить участок земли под него, отмежевать с помощью землеустроителя, получить разрешение от духовного начальства и только после этого осуществлять захоронения. Далеко не всегда возбужденные дела удовлетворялись: чаще всего начальство находило возможным предоставлять одно кладбище для нескольких близстоящих поселений (несколько верст)⁴⁶². Это вызывало определенные конфликты и увеличивало количество погребений без соблюдения элементарных религиозных обрядов, и, как следствие, понижало роль священника в глазах прихожан, что остро осознавалось им как ситуация, в которой он не может должным образом исполнить священную обязанность, определенную саном.

Спецификой, изучаемого периода вероятно выступает невозможность пастыря значительное время уделять каждому из пасомых, отсюда быстро распространившееся равнодушие к присутствию священнослужителей в момент смерти. Имеются данные о том, что в деревнях, подозреваемых в массовом уклонении от православия, сведения о смертях вообще не передавались приходским священникам, а умерших погребали без всякого обряда (или, скорее, используя альтернативные обрядовые формы). Однако такие случаи становились все более частыми в деревнях, более или менее относимых к православным: «В Ц. Колодцах один переселенец Ш-н безо всякого разрешения со стороны священника похоронил своего сына

⁴⁶¹ См., напр.: Полисадов И. Н. Глухая исповедь, или Пастырское наставление в обличение тех, кои откладывают напутствие болящих до последних минут их жизни // Соч. свящ. Иоанна Полисадова. СПб., 1866; Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно служителей. Киев, 1913.

⁴⁶² Омские епархиальные ведомости. 1911. № 12.

младенца, и он несколько месяцев лежал в земле без отпевания, несмотря на то, что хата Ш-на стоит напротив храма»⁴⁶³.

Священнослужители наблюдали все большую формализацию отношения к погребениям: прихожане считали вызов священника для проведения обряда лишней тратой денег, предпочитая просто купить у него «венчики» и затем заказать службу в церкви. Желание священника провести полный обряд сообразно церковному чину рассматривалось прихожанами как погоня за деньгами. «Нехай эти гроши лучше пропьем, а не дадим их попу», – говорят они И. Голошубину, когда тот отказывается освятить кладбище, за что крестьяне «мстят» – не приглашают его провести молебны⁴⁶⁴. Таким образом, для крестьян проведение канонических церковных обрядов уже перестает считаться необходимостью и практически не связывается с посмертным существованием умершего. Благополучному посмертию скорее должны способствовать многочисленные народные обычаи – приношения хлеба, «отпуски души» и т. д., для исполнения которых священник чаще всего не требовался. Таким образом, в деле сопровождения смерти священнослужитель постепенно вытесняется на второй план в силу различных причин: физической невозможности присутствия, формализации обрядовой стороны веры («внешнее Богопочтение»⁴⁶⁵), малой материальной обеспеченности прихожан. Полное сопровождение смерти соответствующими обрядами становится почти роскошью, зачастую, с точки зрения прихожан, совершенно ненужной. Возникает противоречие: священник считает себя проводником в Царство Божие, для прихожан эта роль все менее очевидна – тем более в свете усиливающегося влияния сект.

Вообще же неоднократно самими служителями подчеркивается двойственность их положения: с одной стороны, они выполняют трудовую

⁴⁶³ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 14. С. 27.

⁴⁶⁴ Там же. С. 22

⁴⁶⁵ Церковный обряд и его значение в религиозно-нравственной жизни человека // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 22.

функцию, за которую полагается вознаграждение, с другой – сама суть выполняемой функции настолько деликатна, что иной раз получение вознаграждения вызывает у служителя моральные терзания: «А сколько, батюшка, за труды, вы уж не обидьте сирот», говорит жена-хозяйка... сознаешь, что и этот умирающий, и жена его хотя и принимают твое утешение, но принимают так как то, за что уплачены деньги!»⁴⁶⁶.

Кроме того, священнослужитель обязан готовить к смерти тех, для кого этот момент еще видится отдаленным и будто бы не совсем реальным. Цели подготовки служит, прежде всего, погребальный обряд: в вышеуказанной статье о погребении Литвинова читаем: «Умилительный чин погребения, при особых обстоятельствах его совершения, производил особенно сильное впечатление на молящихся.»⁴⁶⁷. Затем значительная роль возлагается на пастырское назидание в виде проповеди и повседневных наставлений. Но даже при возможности чтения проповедей сами же священники признают их бессмысленность: «Иной много трудится над составлением поучения, быть может, молится над своею проповедью и питает надежду, что будет иметь успех у слушателей. Вот он всходит на кафедру – и его речь оказывается апатичною, вялою, безжизненною. Ему кажется, что он трудился напрасно, что его проповедь не производит никакого действия на пасомых, она для них и недоступна, и неинтересна, и лучшими их не сделает... Бывали случаи, что пастыри после первых неудачных проб замолкали навсегда»⁴⁶⁸.

Наконец, священник сам по себе представляет пример «правильной смерти». Этот пример транслируется некрологами в официальных печатных органах, отзывами духовных лиц на смерти сослуживцев и даже малыми литературными формами – стихами. Эти упоминания не отличаются разнообразием и совершенно не зависят по содержанию от времени, когда умер герой такого описания. Сравним:

⁴⁶⁶ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 5. С. 44.

⁴⁶⁷ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 16.

⁴⁶⁸ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 14. С. 38.

«В 1876 году о. Стефан, значительно уже одряхлевший, тяжело заболел, и мирно скончался, напутствованный в лучший мир таинствами исповеди, причащения и елеосвящения, и искренне оплаканный всеми знавшими его»⁴⁶⁹.

«В понедельник, 3-го марта 1908 г., после продолжительной болезни, тихо скончался священник села Топольного о. Александр Александрович Мезенцев... в ночь на 3-е марта больной почувствовал себя совсем плохо. Я немедленно приехал и напутствовал его. Он находился еще в полном сознании, которое и не терял до самой смерти. Благословив семью, он через несколько часов после напутствия скончался»⁴⁷⁰.

«Покорясь воле Божьей, почивший сослуживец наш без страха встречал смерть. Его предсмертная горячая молитва, твердое упование на Господа, умиленная просьба о прощении вольных и невольных грехов были последними движениями его души»⁴⁷¹.

Процитированные отрывки построены по одному и тому же принципу, как и десятки тех, которые публиковались ежегодно: покойный вполне осознавал свое положение, шел к нему и готовился еще задолго до смертного часа, не уклонялся от его принятия, оставаясь в полном сознании, благословил семью, читал молитву, принял покаяние, причащение и елеосвящение (соборование). Для комментатора важно, что смерть вызывала «трогательные, умиленные» чувства, что умерший отошел тихо и мирно, никаким образом не обременяя окружающих своими душевными страданиями и предсмертным ужасом. Если проводить аналогию, то ближе всего сравнение со «сном»:

На могилку доброго собрата о. Дмитрия Клепикова

Он медленно таял, как чистая свечка,

⁴⁶⁹ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 4. – С. 38.

⁴⁷⁰ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 9. С. 80 – 81.

⁴⁷¹ Речь, сказанная при погребении умершего псаломщика села Новоягодного Николая Михайловича Машинского // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 21. С. 24 – 25.

Пред Божьей иконой горел,
 Собратам своим помогая,
 Себя он совсем позабыл...
 Угас наконец этот Божий светильник,
 Сырою землею покрыть,
 Вечности сном спит Господень дружинник,
 У Божьего храма зарыт.
 Спи же, труженик Божий,
 Спи, пастырь Господень,
 На небе награда готова тебе,
 На крестик могильный взирая твой новый,
 Поучимся мы, как жить на земле⁴⁷².

Эта бесконфликтность, абсолютное смирение и легкость перехода от существования к небытию, равнодушие к нуждам тела и устремленность к реализации потребностей души, ориентация на взаимодействие с присутствующими (а присутствуют обязательно супруга, дети и духовник – священник соседнего села или благочинный) в поучительных формах – благословение, «искреннее раскаяние» и проявление «тихой веры» – типичные элементы подобных картин. Смерть духовного лица, как мы видим, довольно сложный, даже театральный акт с определенным количеством актеров (их может быть очень большое количество, если, скажем, к батюшке приходят прощаться прихожане), который направлен далеко не на облегчение состояния умирающего (по крайней мере, не в физическом смысле), а на формирование некоего порядка умирания (указанные тексты написаны специально для публикации).

Таким образом, образец, эталон, выработан, и далее отступлений от этого образца не делается, невзирая на личности умерших. Цель описаний –

⁴⁷² Алексинский И. На могилку доброго собрата о. Дмитрия Клепикова // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 4. С. 43 – 44.

дидактическая: через «умиление» читателя подвести его к мыслям о смерти и о том, как надлежит вести себя в течение жизни. «Правильная смерть» – исключительная черта священнослужителя, его сословный дар и отличие. Всем остальным сословиям надлежит учиться жить и умирать именно у духовенства. Те же случаи, когда не было возможности узнать о последних часах служителя, вызывают печаль: «Очень жаль, что я не имею никаких сведений о последних часах и минутах покойного»⁴⁷³.

В мыслях священнослужителя смерть глубоко дидактична совершенно в христианском смысле «memento mori», более того, дидактически-карикативная функция служителя распространяется и на его »загробное существование». В 1908 году публикуется рассказ А. Мирской, ранее напечатанный в «Томских епархиальных ведомостях» – «Доброе дело отца Евгения»⁴⁷⁴. Рассказ повествует о злоключениях вдовы священника, оставшейся на руках с малолетними детьми и без пособия на похороны, поскольку ее супруг не осуществлял взносы в похоронную кассу епархии. Так женщина 27 лет вынуждена распродать имущество, переехать в тесный плохой домик и надеяться, что ей все же выплатят пособие по смерти супруга, с которого она рассчитывает переселиться в город. Но положение ее безнадежно. Однако случается чудо: деньги женщине приходят. Оказывается, один пожилой заштатный священник, о. Евгений, регулярно вносил за себя деньги, несмотря на то, что родственников у него не было. Собранную сумму священник в завещании просил отдать нуждающейся вдове епархии, чей муж не делал взносов в кассу. Деньги получает героиня рассказа, и она, счастливая, вместе с детьми молится за упокой души благодетеля. Таким образом, священнослужитель даже после смерти продолжает творить добро во вполне материальном смысле, не считая «надзора с небес» за живыми в смысле мистическом.

⁴⁷³ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 20. С. 31.

⁴⁷⁴ Мирская А. Доброе дело отца Евгения. Омские епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 34 – 39

Эта традиционная модель смерти ориентирована на трансляцию в другие сословия. Вот как священнику надлежит готовить к смерти любого из пасомых: «Приготовив скорбящего больного надлежащим образом к принятию таинств и возбудив в нем умиленное состояние духа, пастырь доставит ему наивысшее утешение через чистосердечную исповедь и соединить его со Христом через достойное принятие тела и крови Его. И когда болящий уверится, что все грехи его прощены и изглажены, то скорбь и смущение его исчезнут, и он встретит кончину спокойно и безмятежно, как подобает истинному христианину»⁴⁷⁵.

Эта модель смерти не уникальна для сибирского или российского духовенства – такую модель Ф. Арьес называет «романтической» и находит в описаниях смертей членов семьи Ла Ферронэ и де Гайке во Франции, Бронте в Англии (начало и середина XIX века), в письмах американских эмигрантов XIX века. В качестве обязательных элементов эталона романтической «прекрасной смерти» Арьес выделяет публичность, театральность смерти, ее дидактический характер, понимание как переход с лучший мир или сон, обязательное нахождение умирающего в полном сознании, его принятие смерти и участие в «спектакле» в качестве распорядителя, организатора церемонии. Исследователь говорит об «очарованности» смертью, о том, что смерть – достояние окружающих, от умирающего они ждут демонстрации это «прекрасной смерти». Все это «очарование» в полной мере мы находим в описаниях смертей духовенства. В очень редких случаях автор описания не может сказать о том, что умерший вел себя осознанно («убит, весь пронизанный пулями злодеев»), и тогда стыдливо отводит глаза от такой неприятной неожиданности и концентрирует внимание на других посмертных «вещах» – литиях, организации похорон, скорби осиротевшей семьи и «стада». Однако Арьес говорит о «прекрасных смертях» применительно к началу, середине, гораздо реже и только на американском

⁴⁷⁵ Омские епархиальные ведомости. 1911. № 24. С. 31 – 32.

континенте – концу XIX века, а для сибирского священника ее стереотип жив и традиционен еще в первых десятилетиях XX века.

Если мы поищем примеры смертей в светской литературе того же периода, то мы увидим, что в текстах Л. Н. Толстого⁴⁷⁶ смерть передана уже натуралистично, совершенно без «умилительности», глубоко трагична и даже безобразна. Она пугает авторов, которые больше не считают ее «отдыхом», «сном». Таким образом, анахроническая «прекрасная смерть» становится принадлежностью духовного сословия, что можно объяснить высоким традиционализмом, ориентированностью на прошлое, а не на будущее, характерной для священнослужителей. Там, где в других сословиях уже произошел переход к иным моделям понимания умирания, священнослужители продолжают крепко держаться за ту форму, которая понимается как «истинно христианская».

⁴⁷⁶ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича: повести и рассказы. М., 1983.

§ 4. Политическая идентификация сибирского духовенства

Под политической идентификацией принято понимать совокупность политических установок, определяющих политическое поведение индивида. Начало XX века оказывается временем, когда вопрос политической идентификации и самоидентификации индивида становится одним из самых актуальных: доступ масс к участию в политической жизни общества поставил перед ними задачу формирования собственных политических убеждений. Встала такая задача и перед духовенством, которое традиционно отвечало не только за собственные мировоззренческие установки, но и за политические настроения в приходе.

«А не слыхали, Дума соберется теперь? Спросил ямщик, делая ударение на последнем слоге. Наверно соберется, сказал я. Ведь у вас, чай, в волости были уже выборы. Как же были – были. Чьего выбрали: из вашей деревни или из другой? Нет, из другой. Почему не из вашей? Или у вас хороших людей нет? Как не быть, есть хорошие люди и у нас. Только, я думаю, хороший человек туда и не пойдет. Возьмите теперь хоть выборы в десятники или в сельские старосты, кому охота идти? Да. Ответил я, но, ведь большая разница: быть членом Государственной Думы или быть сельским старостой, или десятником. А там и вовсе повесят, сказал мой собеседник, своя жизнь никому не надоела, – заключил он»⁴⁷⁷ – вспоминает священник Д. Садовский. Затем он печально констатирует, что таковы, в общем, представления народа о политике. Представления эти темны, но идут из самой глубины народной массы, а обращаются с надеждой на разъяснения и руководство, прежде всего, на священнослужителя.

К священнослужителю обращены и надежды иного плана: официальная государственная политика предписывала Церкви быть верной помощницей и укрепительницей государственной власти. Такое

⁴⁷⁷ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 3. С. 15.

положение вещей имеет крепкие библейские корни: «ибо противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:2), а «начальник есть Божий слуга, тебе на добро» (Рим. 13:4). В российской традиции православная церковь была встроена в систему органов государственной власти через Святейший Синод и систему епархиального управления, а деятельность духовных лиц жестко регламентировалась, и, как показывалось ранее, в значительной степени направлялась в русло укрепления прихожан не только в вере, но и в верности самодержавной власти.

И на рубеже веков труды духовенства на этой ниве только ширятся. Оно участвует в организации празднеств, торжеств, посвященных знаменательным для правящей династии датам (как, например, празднование 300-летия дома Романовых), визитам представителей власти – это вменяется ему в обязанности. Оно читает проповеди о вреде «социализма», участвует в организации выборов, осуществляет контроль за инакомыслием в приходе и исполняет множество других обязанностей, внешне будто бы не связанных с его богослужебной деятельностью – власть пробует расширить области использования церковного ресурса в укреплении строя, в деле «сакрализации самодержавия»⁴⁷⁸.

По меткому определению Г. Фриза «в начале XX в. значение религиозного фактора возросло не потому, что народ стал набожнее, а потому что царский режим лишился других традиционных основ своей легитимности»⁴⁷⁹. Р. Уортман подробно рассматривает сценарий, реализованный императором Николаем II, и указывает на попытки тотальной религиозной легитимации его власти, вплоть до введения новых обрядов и форм поведения⁴⁸⁰. «Православие сближало царя с простым

⁴⁷⁸ Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве // Православие. Конфессия, институты, религиозность XVII – XX вв. СПб., 2009. С. 107.

⁴⁷⁹ Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве. С. 107.

⁴⁸⁰ Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991 г. № 2. С. 121.

русским народом»⁴⁸¹, – говорит он, описывая публичные демонстрации набожности и инициативы императора в церковном строительстве.

Таким образом, реализуемый властными институтами сценарий предусматривает роль духовенства как одного из важнейших рычагов воздействия на сознание прихожан в областях, далеких от религиозных. В условиях сибирского фронта этот инструмент приобретает особую роль – иной раз только «поп» выступает в качестве связующего звена между властью и приходом, поэтому процесс ретрансляции контролируется церковным начальством достаточно жестко.

Нельзя сказать, чтобы крестьяне так уж доверяли мнению «попа», но, фактически, именно духовное лицо могло выступать для прихожанина важным и порой единственным источником информации. Один из них признается⁴⁸², что читает журналы, предназначенные батюшке, – забрав их на почте, он «старается прочесть» их до того момента, когда случится встретиться со священником и передать адресату.

По требованию церковного начальства в сибирских епархиальных ведомостях постоянно, настойчиво публикуются статьи, подробно разъясняющие духовным лицам порядок политического «просвещения» прихожан: «нужно: «1) Пастырям церкви энергично осуществлять свое пастырское служение не только в церкви, но и в повседневной домашней обстановке своей паствы, иногда зараженной дыханием революционных учений... 5) Путем частых бесед с прихожанами объяснять им с точки зрения христианской нравственности их гражданские и политические права и обязанности, всячески борясь с крайними, разлагающими современный государственный и общественный организм, учениями... 8) Между тем, духовенству, как ближе стоящему к народу, следует возбудить интерес в

⁴⁸¹ Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. II: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 668.

⁴⁸² Омские епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 25. (Перепечатка по «Казанским епархиальным ведомостям»).

крестьянах к новой для них, все еще темной среде, гражданской обязанности и направить их деятельность по благоприятному для всех русских пути»⁴⁸³.

Идеи, которые предлагались духовенству для распространения, требовалось излагать четко и с минимальными отклонениями, чтобы избежать неверных формулировок и толкований, которые часто приводили к недопониманию между проповедником и прихожанами, а затем выливались в конфликты и неприятные последствия для духовных лиц. Например, в Томской епархии в 1906 году было возбуждено «Дело о неправильном толковании Манифеста 17 Октября священником Иоанном Разумовым»⁴⁸⁴. Дело начинается с подачи Томскому губернатору от крестьянского начальника 6 участка Барнаульского уезда томской губернии 19 ноября 1905 года жалобы⁴⁸⁵:

«Старшина Кузнецов... доложил, что священник церкви с. Михайловского (оно же Марзагул) о. Иоанн Разумов, объявив в церкви народу Манифест 17 октября, истолковал его в том смысле, что податные прощены, и ни сельские, ни волостные власти теперь не имеют права подвергать лиц, им подведомственных, установленным в законе взысканиям». В объяснительной о. Разумов пишет⁴⁸⁶, что его попросили после прочтения разъяснить слова Манифеста «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Он пояснил в том духе, что «неприкосновенность личности значит, что ныне никто не может быть арестован, подвергнут какому-либо насилию без вины, без законного постановления соответствующей власти и без суда... Свобода слова значит, что каждый может говорить и писать по совести все, что он видит в своем обществе и в его жизни дурного, – как устранить непорядки и

⁴⁸³ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 4. С. 1 – 2.

⁴⁸⁴ ГАТО. Ф.170. Оп. 5. Д. 416.

⁴⁸⁵ ГАТО. Ф.170. Оп. 5. Д. 416. Л.6.

⁴⁸⁶ Там же. ЛЛ.2 – 5.

устроить жизнь по-хорошему». Священнику Разумову повезло – донос на него был сочтен клеветой, и дело было закрыто без последствий.

Приведенный пример показывает, насколько священнику приходилось быть осторожным в словах и трактовках. Дабы облегчить его деятельность, в «особые» периоды (например, накануне очередных выборов Государственную Думу), в епархиальных ведомостях публиковались подробные, пространные объяснения и перечисления того, как и что должен говорить своей пастве священнослужитель: «чтобы священники горячо убеждали выборщиков в Госуд. Думу при выборах, а затем выбранных членов Думы при отправке их в столицу, угрожая гневом Божиим, не продавать свою совесть за деньги и обещания, за вино, или из опасения угроз, выбирали бы лучших людей Русской земли, а не врагов святой веры и престола... чтобы враги – поклонники чуждого народу конституционно-парламентского строя – не восторжествовали над незыблемым сохранением Православия, русского неограниченного Самодержавия и нераздельности дорого нашего Отечества»⁴⁸⁷.

Таким образом, перед нами в простейшем виде политическая программа, распространяемая к реализации. В этой крайне традиционной, консервативной программе явственно выражена идея «осажденной крепости»: «Враги Самодержавия утилизируют сознательных граждан, возбуждают в них интерес разными нелегальными воздействиями к новой для них гражданской обязанности и направляют их выборную деятельность по неблагоприятному для русских пути»⁴⁸⁸. За пределами этой обрисованной архипастырем «крепости» находятся «социал-демократы, социал-революционеры, партия 17-го октября и прочие... такие люди, которые будут снова требовать обратить Русское Самодержавие в парламентское конституционно-демократическое государство, а что опаснее – даже в полное

⁴⁸⁷ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 2. С. 22 – 23.

⁴⁸⁸ Там же. С. 22.

народоправство, без Царя»⁴⁸⁹. Эти люди опасны непосредственно духовенству, подчеркивает пастырь: они в последующем вполне могут ввести законы, по которым публичное церковное служение было бы запрещено, осужденные служители церкви лишались содержания и пенсии, церкви и имущество подверглись бы ликвидации, церковные строения были бы переданы в руки мирян, семинаристы отдавались бы в военную службу⁴⁹⁰. Парламентское государственное устройство трактуется им очень примитивно, как видно, в ориентации на невысокий уровень слушателей: «В этом парламенте все дела должны решаться по большинству голосов. За какой партией окажется большинство голосов, из той партии Царь и должен взять главного руководителя... И не только никакого закона Царь издать сам уже не может, но и никакое самое пустое распоряжение не годится, если указ не будет подписан тем или другим министром»⁴⁹¹.

Однако следует учитывать, что положение священнослужителя своеобразно: род его деятельности предполагает наставление в христианской вере, направленность на духовное совершенствование, что должно отстранять служителя от участия политической жизни. Священник сосредоточен не на мирском, а на «божественном», и, по сути, не имеет опыта и традиций участия в политической жизни общества. С другой стороны, в изучаемый период духовенство получает избирательные права и, в любом случае, должно так или иначе выработать и выразить свои политические взгляды.

В связи с этим в епархиях Западной Сибири поднимался вопрос об участии духовенства в политических партиях: есть ли такое участие частное дело конкретного лица, или же участие в партиях для всех обязательно (наоборот, осудительно), и если обязательно, то в каких (или в какой?), и должна ли это быть какая-то одна партия. В связи с этим, например, в

⁴⁸⁹ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 2. С. 22 – 24.

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Там же.

«Омских епархиальных ведомостях»⁴⁹² в 1907 году была напечатана компиляция за подписью анонимного автора «Вера и разум»: «Об объединении православных пастырей перед выборами в Государственную Думу». Автор добросовестно собрал мнения участников харьковского епархиального съезда относительно участия духовенства в партийной деятельности. Эти мнения колебались от полного неучастия духовенства в партийной деятельности до участия в партиях, выступающих за сохранение монархии в наиболее полной из возможных форм и сохранение православия как господствующей религии – в данном случае отцы-депутаты высказывались за участие в «Русском Собрании», затем, с № 23 от 1907 года, активно продвигается идея участия в «Союзе русского народа». Цель участия позиционируется следующим образом: «Для выражения обывателями своих патриотических и верноподданнических чувств в защиту Самодержавия, Православия и Русской Народности – за устои нашего Отечества, под которые подрываются разные непатриотические партии и союзы»⁴⁹³. Подчеркивается, что деятельность союза поддерживает сам император, а затем делается вывод: «Поэтому предлагается всем русским истинным патриотам нашего Отечества, всем г.г. чиновникам и духовенству вступить в число членов Омского Отдела «Союза...»⁴⁹⁴. Эта пригласительная речь опубликована за подписью епископа Гавриила, правда, в том же номере публикуется перепечатка из «Пермских епархиальных ведомостей», автор которой резко выступает против участия пастыря в деятельности партии⁴⁹⁵.

Два этих союза, предлагавшиеся духовенству в качестве разрешенной меры партийности, в своих программах ориентировались на сохранение существующего строя с сильной опорой на православие: «Православная церковь должна сохранить в России господствующее положение» и «Союз признает веру Православную, исповедуемую всем коренным Русским

⁴⁹² Омские епархиальные ведомости. 1907. № 2. С. 27 – 35. Подобные статьи печатались и в других епархиях: Знаменский, С. О свободе // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 2 – 4.

⁴⁹³ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 23. С. 26.

⁴⁹⁴ Там же. С. 27.

⁴⁹⁵ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 23. С. 32.

населением, основой Русской жизни»; для укрепления православия и государственности предлагается усилить приход: «Устройство прихода как правоспособной и дееспособной церковно – гражданской общины должно быть положено в основание всего дальнейшего церковного и государственного строения и служить связующим их звеном»; в основе программы – сохранение самодержавия без каких бы то ни было изъятий: «Царское самодержавие, будучи главным залогом исполнения Россией ее всемирно-христианского призвания, в то же время является залогом внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства России» и «Самодержавие Русских Царей, Православною Церковью искони освященное, по воле Государя Императора осталось и после 17 Октября незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России»; наконец, программы отличаются крайним национализмом и антисемитизмом: «Еврейский вопрос должен быть разрешен законами и мерами управления особо от других племенных вопросов, ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства к христианству и нееврейским национальностям и стремления евреев к всемирному господству»; «Союз Русского Народа исповедует, что Русская народность, как собирательница земли Русской и устроительница Русского государства, – есть народность державная; прочия народности в России пользуются правами гражданского равенства, за исключением евреев⁴⁹⁶».

Вполне в духе этих программ с 1907 – 1908 гг. разворачивается активная агитация и нагнетание панических настроений уже упомянутого оккупированного города: «Во Франции, которая «развязала себе руки» отделением церкви от государства, разграбленные церкви отданы в ведение чиновников – евреев и безбожных социалистов»⁴⁹⁷; «Быстро распространялось учение гр. Толстого, о. Петрова и целой плеяды

⁴⁹⁶ Программа «Русского собрания». Цит. по: Полный сборник платформ всех русских политических партий ... С. 124 – 125; и: Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917 – 1970. СПб., 1997. С. 765 – 766

⁴⁹⁷ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 4. С. 17.

новопутейцев, которые... открыли настежь двери политической пропаганды социализма и анархизма»⁴⁹⁸; «обращение Православного Русского государства в царство иудео-масонское и социалистическое и с оттенком рационализма»; «по закону иудеи и сектанты... могут беспрепятственно совращать православных»; «издевательства евреев и других иноверцев... над всеми святынями русского народа», «ныне в стране царит ненависть, насилие, жестокость и кровь»⁴⁹⁹. Выход один: «только русские самобытные начала – православие, самодержавие и народность»⁵⁰⁰, понимаемые в самом консервативном смысле.

При этом проводится тщательное отмежевание от так называемого «христианского социализма»: несмотря на сходство основ (братство, равенство во Христе и т. д.), христианство не вмешивается в экономические основы государственного устройства, а, следовательно, социализм противоречит христианским заповедям, по которым избавление от имущества – лишь желательная форма достижения духовного совершенства⁵⁰¹. В целом выказывается крайне негативное отношение к любым формам социализма⁵⁰².

Духовенству передается в готовом виде официальное представление о том, что нет никакого иного выхода, кроме как поддерживать и по возможности усиливать те государственные начала, которые были заложены «издревле». Нельзя говорить о том, что эти идеи поддерживались всем без исключения епархиальным духовенством. Например, «дела о большевизме» возбуждаются как в Омской, так и в соседней Томской епархии в 1917 – 1918 годах, через десять лет после начала активной «политизации» духовенства. Кроме того, разница в образовательных уровнях, круге обязанностей, размерах материального

⁴⁹⁸ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 27.

⁴⁹⁹ Там же. С. 28 – 29.

⁵⁰⁰ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 5. С. 16.

⁵⁰¹ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 4. С. 23 – 25.

⁵⁰² Можно ли христианину быть социалистом // Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 15. С. 370 – 378.

обеспечения городского и сельского духовенства не могла не отразиться на политических представлениях духовенства. Можно говорить о том, что статьи, политические дискуссии и разъяснения политической роли духовенства большей частью принадлежали городскому духовенству и были адресованы духовенству сельскому, которое выступало зачастую безмолвным адресатом этих руководств, в лучшем случае добросовестно ретранслировавшим их своей пастве, в худшем – едва замечавшим их.

Вероятно, для основной массы духовенства первостепенное значение имела не принадлежность к той или иной партии, принятие той или иной программы, а собственное мироощущение, которое можно было бы назвать «политическим мессианством». Специфической чертой духовенства было представление о его ведущей «спасительной» роли в деле государственного строительства, которое с этой позиции нельзя называть «консервативным» или «реакционным» – речь шла об особом понимании духовенством своего места в мире и, соответственно, в политической жизни: «Найти же святыни... народные... которые были отброшены им под влиянием чуждой русскому духу доктрины – значит воссоздать Русь, и это только по плечу духовенству – только духовенство способно уловить мысль народа и подчинить ей мечты восстановить Россию»⁵⁰³.

В основе политических представлений духовенства, выраженных через статьи в ведомостях, через объяснения в «делах» духовного ведомства, в переписке, лежит представление о сословии, как о «богоизбранной корпорации», единственно способной уловить истинные народные потребности и с помощью прихода, «живой христианской веры» установить справедливое государственное устройство, ища его образцы в пространстве прошлого России (то есть тогда, когда создавались «святыни»).

⁵⁰³ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 324. Л.5.

В этом смысле, очевидно, внутренние политические воззрения духовенства задавались в большей степени не спускаемыми сверху директивами, а христианским дискурсом. Уже приводившиеся цитаты из «Послания к Римлянам» предписывали уважать власть и подчиняться ее распоряжениям, однако апостол четко разграничивает жизнь «телесную» и жизнь «духовную», наказывая подчиняться светским властям, но ставя божественные заповеди выше любого людского закона: «Разве вы не знаете, братия, что закон имеет власть над человеком, пока он жив?» (Рим. 7:1). Христианский культ не ставит границей существования смерть, направляя паству к «жизни вечной», тем самым подразумевая, что земное – тлен и суета. Это представление о высшем законе и высшей справедливости расставляло акценты в политических представлениях духовенства – политические идеи оценивались через призму возможности построения Царства Божия на земле. Она могла выражаться через представления об исконной, «воссозданной», «святой Руси», или через другие концепты, однако с политической точки зрения вряд ли могла считаться зрелой, осмысленной политической программой, поэтому представители духовенства примыкали к партиям различного толка – от консервативных до (в меньшей степени) самых радикальных, в зависимости от того, какая из них казалась им в наибольшей степени близкой к их собственному мироощущению.

Маркерами выбора подходящей программы, фактически, выступали два: заявленная ориентация на христианские ценности и апелляция к традиционности, обращенность программы в прошлое, ведь традиционность выступает в качестве одной из составляющих собственной идентичности духовенства. В изучаемый период неявные политические представления сибирского духовенства в более или менее четкую программу не оформились, а политическая среда для них, как и для их паствы, была «все еще темной и чуждой» – события политической

жизни для многих из них происходили где-то далеко, отстояли от них на тысячи верст и десятилетия общественного развития⁵⁰⁴.

Возлагая на сибирское духовенство роль укрепителя самодержавия и воспитателя в прихожанах гражданской ответственности, власть, очевидно, ошибалась в возможностях этого ресурса: предельно нагруженное служебными обязанностями, борющееся за физическое выживание в условиях сибирского фронта, обладающее неясными представлениями о собственной роли в политической жизни страны, оно оказалось неготовым к возложенной функции, и, как следствие, не сумело сыграть роль «скреп» для сибирского приходского мира.

⁵⁰⁴ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 33.

§ 5. Кризис прихода и социокультурные конфликты в приходской среде

О «кризисе прихода» со второй половины XIX века в печати Европейской России было написано так много, что эхо этих публикаций не могло не возникнуть в Сибири даже в том случае, если бы признаки кризиса в этих отдаленных епархиях и не наблюдались.

Толчком к обсуждению вопроса послужили отмена крепостной зависимости и возвращение «десяткам миллионов русского народа их гражданских прав»⁵⁰⁵, однако во всей остроте проблема встала перед обществом уже к концу века, о чем говорят выпущенные в этот период труды. Так, 1873 году выходит работа П. В. Знаменского «Приходское духовенство в России со времен реформы Петра»⁵⁰⁶, в которой автор утверждает: после реформы 1861 года «Духовенству пришлось узнать... все дурные следствия своей замкнутости и разрыва с обществом», а причины кризиса прихода видит не только в разрыве связи между духовенством и прихожанами, в замыкании духовного сословия, но и в действиях правительства и духовного начальства, в неспособности самого духовенства объединиться и выработать новые формы взаимодействия с прихожанами⁵⁰⁷. Видный церковный писатель, неославянофил А. А. Папков, началом упадка прихода считает не период отмены крепостного права, а более ранний – царствования Николая I («в помещичьих селениях замечался полный упадок церковно-приходской жизни»⁵⁰⁸). Признаками такого кризиса авторы называли:

– нежелание прихожан и общества вообще участвовать в материальном обеспечении церкви и духовных лиц. Знаменский приводит такой пример: «калужское городское общество отказалось на предложение губернатора из огромных лесных дач дать отопление соборному причту, «так как на

⁵⁰⁵ Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 3.

⁵⁰⁶ Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873.

⁵⁰⁷ Знаменский П. В. Приходское духовенство ... С. 842.

⁵⁰⁸ Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 4.

основании закона городские общества обязаны сохранять леса и так как даже самобеднейшие граждане города не пользуются городским лесом»⁵⁰⁹.

– низкое материальное обеспечение церковного дела и духовного сословия; неприятие и непонимание обществом нужд и истинного положения духовенства («Во Владимире оказалось, что городское общество не видело никакой нужды в улучшении быта духовенства, видело напротив, что духовенство живет слава Богу, одето прилично, на лице видно довольство, да не особенно трудится, только служит, честится в своем приходе да деньги собирает»⁵¹⁰).

– полное обособление общества от участия в духовной жизни прихода⁵¹¹.

– снижение ценности религиозной жизни и общий упадок религиозности.

Примечательно, что первое предложение к исправлению положения поступило из Восточной Сибири: «Первый опыт преобразования прихода принадлежал генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому и архиепископу Камчатскому Иннокентию (Вениаминову), впоследствии митрополиту Московскому. Под их руководством в 1858 г. были выработаны правила содержания духовенства в Приамурском крае, которые сверх казенного жалованья предполагали и пособие от прихода: «путем раскладки на прихожан, деньгами и хлебом»⁵¹². Об этом начинании с большой симпатией впоследствии писал А. А. Папков, отметив, что правила об обеспечении духовенства основывались на формировании приходских советов и затем, по инициативе синодальной власти, началось их распространение в других епархиях⁵¹³.

⁵⁰⁹ Знаменский П. В. Приходское духовенство ... С. 842.

⁵¹⁰ Там же. С. 843.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Филарет (Сковородкин). К истории обсуждения приходской реформы во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2605733.html> (Дата обращения: 08.09.2014).

⁵¹³ Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. С. 4 – 6.

Но имел ли в действительности место «кризис прихода» в епархиях западной Сибири? Для ответа на этот вопрос следует учитывать специфику сибирских приходов:

- территориальная удаленность приходов и связанные с ней трудности взаимодействия духовенства епархии;
- значительное количество вновь образованных приходов и отсутствие в связи с этим в них традиций приходской жизни;
- невысокие религиозные запросы сибирского общества (особенно в сельских приходах);
- крайнее неравенство в материальном обеспечении духовенства;
- нехватка кадров, низкий уровень их подготовки;
- частые переводы духовенства в пределах епархий;
- представление обитателей сибирских приходов, культурные различия прихожан даже в рамках одной местности, своеобразный религиозно-культурный «котел», из которого в новообразованных поселках только предстояло вырасти общинам и приходским обществам.

Это позволяет говорить об особенностях сибирского прихода в сравнении с приходами в Европейской России: изначально менее тесной взаимосвязи священнослужителя и прихожан; более утилитарных представлениях прихожан об обряде и обязанностях духовного лица; значительной нагрузке духовного лица всякого рода надзорно-статистическими и административными функциями; в большей культурно-просветительской и образовательной роли духовного лица в Сибири; этнокультурном своеобразии епархий – преимущественно неправославном коренном населении, кочевом образе его жизни, в специфическом сплаве религиозных представлений православных из разных «углов» Российской империи.

Кроме того, следует отметить и процессы, происходившие в крестьянской общине Сибири изучаемого периода: М. В. Шиловский указывает на сопротивление землеустройству, отказы платить подати и

коллективные порубки леса со стороны крестьян Сибири⁵¹⁴. В этих явлениях исследователь видит выражение попыток крестьян отстаивать свои интересы, «не останавливаясь перед самыми решительными методами противодействия властям»⁵¹⁵. Таким образом, отказы от содержания церквей и содержания церковных причтов в сельских приходах могут рассматриваться как еще одна форма противодействия властям со стороны крестьянских обществ. Косвенно такое объяснение подтверждается несравненно более высоким уровнем содержания городского духовенства, большими кружечными сборами в церквях городов Западной Сибири и отсутствием упоминаний об отказах от содержания причтов со стороны городских приходских обществ.

С формальной точки зрения, все признаки «кризиса прихода» в епархиях Западной Сибири присутствовали и проявлялись следующим образом:

– в отказах прихожан содержать храм, обеспечивать ремонт в церкви, жертвовать на церковные нужды: «Стремление освободить себя от исполнения этих повинностей обнаружилось не в одном только нашем приходе и явилось не сейчас только. Прежде оно выражалось в глухом только ропоте, а теперь стало выражаться на деле и в разной форме», – пишет диакон А. Коробейников в статье «Паства и пастыри»⁵¹⁶;

– в сложности взаимоотношений церковных старост, как представителей общественности прихода, и священнослужителей;

– в конфликтах причта с представителями светской власти, как, например, уже упомянутый случай, когда священник принес жалобу крестьянскому начальнику на местного волостного старшину, который «рано утром вломился в церковно-приходскую школу, где временно помещался священник с семьей, и распорядился отвести в школе помещение для

⁵¹⁴ Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII – XX вв. Бахрушинские чтения. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1998. С. 64 – 74.

⁵¹⁵ Там же. С. 74.

⁵¹⁶ Омские епархиальные ведомости. 1908. № 8 – 9. С. 69 – 70.

ожидавшегося в село Генерал-Губернатора Акмолинской области, забрав без ведома священника и церковного старосты ковры и мебель из церкви»⁵¹⁷;

– в частоте отходов от православия и расколов, быстроте распространения сектантских учений;

– в постепенной десакрализации церковного обряда.

Тем не менее, при оценке состояния приходов Западной Сибири важно разграничивать старожильческие и переселенческие приходы. Рассматривая перечисленные проявления, можно заметить, что в значительной степени они затронули новообразованные поселки, и часто именно причт новообразованных приходов сообщает о негативных процессах, происходящих в них – это проблемы с материальным обеспечением клира, содержанием храма, конфликты с клиром, излишняя требовательность паствы к причту и всякого рода «озорство» в храмах. Жалобы на равнодушие к вере и уклонение от исполнения духовных обязанностей, наоборот, чаще поступали от священнослужителей из старожильческих поселков, и ими же объяснялись в духе сибирской обособленности тяготами сибирской жизни и более суровыми сибирскими характерами⁵¹⁸.

Вероятнее всего, можно говорить о том, что, формально присутствуя, признаки «кризиса прихода» в Западной Сибири в основе имели иные основания, чем это было в европейской части России. Для их понимания следовало бы указать на различные смыслы, вкладывавшиеся в термин «приход» в изучаемый период. Органы государственной власти рассматривали «приход» как административную единицу, имеющую определенную внутреннюю структуру и в ее рамках выполняющую определенные функции – сборы пожертвований, содержание храмов, причтов и др.⁵¹⁹. С этой позиции кризиса прихода быть не могло – он продолжал

⁵¹⁷ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 66. Л.98.

⁵¹⁸ Например, сравнивает поведенческие особенности прихожан-переселенцев и прихожан-старожилов Голошубин И. Подробнее см.: Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11 – 16.

⁵¹⁹ Беглов А. Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2014. С. 56 – 81.

существовать и выполнял свои основные задачи с теми или иными результатами. Однако существовала и другая точка зрения: уже упомянутые выше П. В. Знаменский и А. А. Папков понимали под приходом не административную единицу, а некую общность, общину, в которой духовенство и приходской мир сотрудничают в некой совместной «церковно-приходской жизни», и, следовательно, под «кризисом прихода» эти авторы подразумевают упадок этой совместной деятельности и разобщение прихода.

В таком понимании кризис прихода действительно возможен, но только в том случае, если присутствует сам приход – сложившаяся община, совместно осуществляющая церковно-приходские обязанности и обладающая неким духовным единством. Следовательно, в этом смысле кризис не может присутствовать в новообразованных приходах – при внешнем сходстве проявлений, в таких приходах можно говорить скорее о негативных проявлениях процесса формирования, развития, складывания, но никак не кризисе прихода. Вопрос о наличии «кризиса прихода» в старожильческих поселениях и городских приходах не может быть решен однозначно – нами не обнаружено фактов, однозначно говорящих о его наличии или отсутствии в этих приходах с учетом «сибирской специфики». Мы можем лишь констатировать, что для этих приходов характерны негативные явления, имеющие сходства с указанным кризисом, однако в отдельности объяснимые спецификой сибирского региона. Следует так же указать, что для современников наличие «кризиса прихода» на территории всей Российской империи, в том числе и в Западной Сибири, считалось фактом неопровержимым, поэтому общественность сибирских епархий с такой горячностью откликнулась на общероссийские обсуждения по «оживлению прихода». Ежегодно в епархиальных ведомостях Западной Сибири публикуются и циркулярно распространяются предложения по улучшению положения в приходе в нескольких направлениях:

- улучшение материального положения духовенства через предоставления всем служителям казенного жалования⁵²⁰;
- повышение уровня образования духовенства и приходского общества в целом через открытие новых учебных заведений;
- несколько противоречащее предыдущему требование оградить служителей от новомодных веяний и влияний, прекратить «обмирщение духовенства»;
- формирование новых коллективов верующих: всякого рода братств, обществ и общественных организаций.

Однако предложения эти, как и прочие меры «по улучшению прихода», успехом не увенчались. С одной стороны, они были слишком частными и узкими, чтобы кардинально повлиять на ситуацию в приходе – воздействовать нужно было не на следствие, а на причину. С другой – многие меры упирались в нехватку материальных ресурсов даже для реализации таких ограниченных мер. С третьей – сами изменения в обществе требовали кардинального пересмотра политики церковных властей с учетом особенностей региона, однако такой пересмотр не предвиделся.

Между тем, отдельные проблемы приходской жизни принимают особую остроту и порождают социокультурные конфликты в самых явных формах.

Так, в 1906 – 1907 годах на страницах «Омских епархиальных ведомостей» разгорелась короткая, но жаркая дискуссия между неким псаломщиком Казариновым и его оппонентом, псаломщиком село-Сыропятской церкви В. Каторгиным⁵²¹. Причиной дискуссии послужили помещенные тех же ведомостях в 1906 году Журналы 4-го Епархиального съезда. В ответ на публикацию некто, подписавшийся псаломщиком Казариновым, весьма смело критиковал вынесенные на съезде решения относительно положения псаломщиков епархиальных приходов в таких

⁵²⁰ Алексеев Ф. Голос крестьянина о материальном содержании духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 26.

⁵²¹ Подобная же дискуссия протекала в приблизительно тот же период и в Тобольской епархии: Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 15.

выражениях: «Может ли быть что-либо подобное в каком-либо из других ведомств и судят ли в какой-нибудь стране обвиняемого, не выслушав его?»

Основным моментом, вызвавшим возмущение Казаринова, выступило мнение, выраженное отцами-депутатами по поводу нравственного облика псаломщиков: «в иных приходах [псаломщики] являются неподготовленными, неопытными, незнакомыми со своими обязанностями и что такие псаломщики служат для своих священников нравственной обузой, особенно тогда, когда к этому еще присоединяется и незавидная репутация псаломщиков, страдающих иногда пьянством, манией свободы и независимости, сознанием своей равноправности в делах прихода и вообще враждебным настроением против даже самых вежливых замечаний и указаний священников»⁵²².

В ответ на такую нелестную характеристику псаломщик Казаринов (или некто, подписавшийся таким образом) пытается апеллировать к нескольким фактам: псаломщики сдают экзамен перед занятием должности, тем самым подтверждая свой уровень навыков; священники сами не без греха, и далеко не все молодые священники знают, как исправлять свои обязанности; пьянство среди священников распространено не менее, чем в среде псаломщиков; священники часто грубы и, вместо того, чтобы наставлять своих псаломщиков, кричат на них и запугивают; наконец, мероприятия священнические (а именно, епархиальный съезд) требуют денежных трат, которые возлагаются, в том числе, и на плечи псаломщиков. Оппонент Казаринова, псаломщик Каторгин, последовательно выражает свое мнение по данному вопросу. Дискуссия продолжилась и позже, в №6 за 1907 год.

Само наличие подобной дискуссии указывает на то, что отношения внутри церковного клира на самом деле были далеки от идеалов взаимоотношений старшего и младшего причта. Взаимные обвинения тех и иных сторон демонстрируют круг проблем, с которыми так или иначе сталкивалось почти все приходское духовенство. Первая из проблем носила

⁵²² Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 19.

«интимный» (по выражению Леонтьевой Т. Г.⁵²³) характер установления личных взаимоотношений в клире – отношений конфликтных, неоднозначных и сложных. «Российская социокультурная среда незримо корректирует любые начинания»⁵²⁴, поэтому довольно часто возникали ситуации, когда священник, диакон и псаломщик, носители зачастую разных культурных традиций, норм, моральных черт, не уживались друг с другом, что приводило к разнообразным конфликтам, в редких случаях даже – к дракам и рукоприкладству, чаще же – к переводам на иные места службы в другие приходы. Возможно, при рассмотрении данных ситуаций необходимо применить методы и выводы, выработанные социальной конфликтологией (конфликт в ней понимается как противоречие или борьба определенных групп, связанная с неудовлетворенностью каких-либо потребностей, противоположными интересами и т. д.).

Исходя из традиционной классификации конфликтов, выше речь идет о межличностных и социальных конфликтах. Под межличностным конфликтом обычно понимается столкновение индивидов в процессе деятельности, спровоцированное дефицитом определенных ресурсов. Под социальным конфликтом подразумевают столкновения социальных групп или индивидов, связанные с «антагонизмом прав и их обеспечения, политики и экономики, гражданских прав и экономического роста»⁵²⁵.

Взаимоотношения внутри причта изначально имеют конфликтные начала: как упоминается в полемической статье, «у каждого священника имеется в руках много средств, чтобы иным, а не этим постыдным и унижительным путем, избавиться от ненавистного псаломщика»⁵²⁶. И действительно, священники имели возможность жаловаться на псаломщиков через отцов благочинных, выдвигать против них обвинения, наконец, частным порядком ходатайствовать о переводе членов причта в другие

⁵²³ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 94

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерки политики свободы. М., 2002. С. 5

⁵²⁶ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 24.

приходы – то есть обладали максимальными правами внутри причта. Таким образом, имеется конфликтная ситуация – причт представляет собой «императивно координированную ассоциацию» (в терминологии Р. Дарендорфа), в которой наблюдалось неравномерное наделение правами и возможностями влияния. Эти права и возможности никаким образом не компенсировались экономическими или социальными поощрениями: псаломщики, получающие жалования приблизительно в трехкратно меньшем объеме, чем священники, имели меньшие социальные льготы в деле предоставления образования детям, не рукополагались в сан и с легкостью способны были потерять принадлежность к сословию. Следовательно, они должны были достаточно явственно ощущать тяжесть своего положения, что порождало внутрикличирную напряженность, которая в большинстве случаев, вероятно, была выражена неявно.

В явных формах выражения конфликта сами псаломщики могли быть вынуждены ходатайствовать о переводах, искать места, на которые могли бы быть перемещены (в епархиальных ведомостях упоминаются случаи, когда псаломщики перемещаются путем обмена местами друг с другом, иногда на весьма далекие расстояния, надо полагать, не по пустой прихоти). С другой стороны, не следует видеть в псаломщиках только бесправных жертв обстоятельств. И они обладали (и активно пользовались) правом жаловаться, они способны были настроить против неудобного батюшки благочинническое начальство. И, по большому счету, решение об «уместности или неуместности» того или иного служителя выносилось общественностью прихода, мнение которого в обязательном порядке учитывалось в ходе следствия через допросы свидетелей духовным следователем.

Немаловажное значение в нарастании конфликтных ситуаций имела степень социальной мобильности⁵²⁷. В данном случае – возможность карьерного роста до должности священника. Как показывают материалы

⁵²⁷ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерки политики свободы. С. 5

епархиальных ведомостей и послужных списков священников, возможность повышения в должности значительно зависела от уровня полученного служителем образования. Таким образом, мобильность в рамках причта ограничивалась образовательным цензом, который, в свою очередь, связан был с экономическими возможностями служителя. Следовательно, неблагоприятная образовательная ситуация в епархиях Западной Сибири служила дополнительным источником напряженности, выливавшейся в конфликты и различные формы девиантного поведения, число которых значительно.

Проблема девиантного поведения и девиаций в современной психологии, педагогике, социологии является одной из центральных. С точки зрения психологии, под девиантным поведением понимается «система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали»⁵²⁸. По распространенной классификации девиантное поведение подразделяется на две категории: это поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья, подразумевающее наличие явной или скрытой психопатологии, и антисоциальное поведение, нарушающее какие-то социальные и культурные нормы, особенно правовые⁵²⁹. В исторических науках интерес к социальным девиациям появился относительно недавно. Так, в европейской историографии исследования подвергались отклонения от норм психического здоровья⁵³⁰, формирование систем наказаний⁵³¹, отношение к греху⁵³² на Западе, интерес к данной тематике возник и в отечественной исторической науке. В частности, вопросов распространений девиаций (прежде всего – криминального поведения) коснулся в своем исследовании Б. Н. Миронов⁵³³, говоря о нарастающей криминализации общества в

⁵²⁸ Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989. С. 237.

⁵²⁹ Кон И. С. Психология ранней юности. С. 237.

⁵³⁰ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. М., 2010.

⁵³¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. М., 1999.

⁵³² Деломо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запады (XIII-XVIII века) / Пер. с франц. Екатеринбург, 2003.

⁵³³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 2. С. 78 – 92.

периоды реформ и социальных потрясений, делая вывод о прямой связи между модернизацией общества и роста числа девиаций.

О девиантном поведении в крестьянской среде говорит В. А. Зверев⁵³⁴, отмечая как просоциальные девиации, связанные с изменением взглядов крестьянской молодежи, так и антисоциальные: аморальное поведение (выражавшееся во внебрачных половых связях, проституции), ослабление внутрисемейных связей (разводы, внутрисемейные конфликты), алкоголизация, «хулиганство» среди молодежи. По данным исследователя, все эти явления в сибирской крестьянской среде усиливаются на рубеже XIX – XX веков, а короткий временный спад их наблюдается в первые годы Первой мировой войны в связи с запретом продажи крепких алкогольных напитков. Результаты специального исследования феномена девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже веков указывают на «колоссальный рост преступности и хулиганства, нищенства и самоубийств, алкоголизма и... расцвет проституции... в империи начала XX века»⁵³⁵.

Можно констатировать, что духовное сословие Западной Сибири не было исключением. Делинквентизация отношений коснулась и духовенства (здесь следует особое внимание обратить на отмеченный ранее факт – заметная часть духовенства епархий до прихода в сословие относилась к крестьянству, в особенно младший причт), а источником ее изучения могут служить «дела о неблагоповедении». Иные из них, очень подробные, на сотни листов, выглядят настолько запутанными, что достойны, пожалуй, живописания в детективных романах. Все рассмотренные дела о «неблагоповедении» могут быть формально разделены на четыре группы:

- жалобы нижестоящего причта на священников;
- жалобы священников на нижестоящий причт;

⁵³⁴ Зверев В. А. Дети – отцам замена ... С. 187 – 188.

⁵³⁵ Зоткина Н. А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX – XX вв.: преступность, пьянство, проституция: На материалах Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 374 с.

–жалобы прихожан на причт;

–конфликты с церковными старостами.

Последняя группа жалоб может трактоваться двояко: как индивидуальные конфликты между представителями причта и непосредственно старостой, и как конфликты между причтом и крестьянским обществом, посредником в которых выступает церковный староста.

С содержательной точки зрения дела могут быть разделены так же на жалобы на неисполнение или ненадлежащее служебных обязанностей, жалобы на нарушение норм общественной морали и порядка, жалобы на преступное поведение.

Так, имеется жалоба псаломщика Вениамина Зубкова от 5 августа 1915 года⁵³⁶: «Несмотря на всеобщую борьбу с пьянством, о. Стефанович очень часто пьянствует – не сообразуясь ни с... ни с временем. (Напитком ему служит, какая-то вонючая бурда, под местным названием «пиво»).

На пятой неделе св. Четырдесятницы о. Стефанович пьянствовал в поселке Мариинском, куда он приехал служить. В пятницу, после исповеди, в отведенную для него квартиру, пригласил гостей и угощал их пивом и сам пил, разгул шел до четырех часов утра, а в 6 – 7 часов начал служить утреннюю и литургию, за которой причащал говельщиков. ...(Гости были: Мариинский сельский староста, агент Зингера Константин Коркишко, кр. пос. Павловского, Покровской волости, Борис Егужинский, наш Попечитель Димитрий Иоаннович Дворцов и псаломщик Антон Антонюк)»

Таким образом, настоятель храма обвиняется псаломщиком не только в нетрезвости жизни, но и в серьезных нарушениях церковного устава: накануне богослужений священники обязывались соблюдать целомудрие, телесное и духовное, и время проводить в благочестивых занятиях, но никак не в «попойках»; и в сквернословии. Кроме того, псаломщик явно указывает на участие в неблаговидном деле лиц не из последних: церковного старосты, торгового агента, приходского попечителя. Наконец, привлечен к участию и

⁵³⁶ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 180. Л.4.

псаломщик. Далее, обвиняется священник и финансовых проступках, а именно: «доходы записывает и делит по своему усмотрению... Не записал десять руб., взятые за предбрачные свидетельства на крестьянскую дочь пос. Мариинского». К тому же «многократно нарушал порядок выдачи брачных свидетельств и оглашений, брал деньги за метрические справки на молодых людей, ошибочно выписанных для отбывания воинской службы. Вводил новые поборы, якобы в пользу Епископа, скупал краденные вещи, за пять браков не записал деньги»⁵³⁷.

Насколько соответствовали действительности все вышеуказанные факты, предположить сложно. Дело рассматривалось духовным следователем, были неоднократно опрошены жители поселка, сам обвиняемый оставил подробную объяснительную. Жители поселка демонстрировали крайнюю неустойчивость мнений: то они готовы были обвинить батюшку в указанных грехах, а то отказывались и отмечали, что никаких претензий к его поведению не имеют. Следователь вынужден был прекратить следствие ввиду отсутствия доказательств, однако, думается, некоторая доля истины в них имелась, поскольку мы находим еще одну жалобу на отца Доната, от того же самого Зубкова, но теперь уже рукоположенного в диаконы⁵³⁸.

Как бы то ни было, вряд ли возможно назвать отношения причта указанной церкви сколько-нибудь дружественными – в текстах жалоб обращают на себя внимание экономический компонент (доходы от треб и сборов не делил с причтом) и элемент психологического давления (угрозы «клязуами» «в Тюкалу загнать»). В целом же наибольшее удивление вызывает тот факт, что при всем солидном комплексе нарушений, совершенных причтом церкви, он сохраняет свои места, и даже продвигается по карьерной лестнице. Объяснений этому факту может быть несколько: «кадровый голод», общая нужда в заполнении штатов; общее терпимое

⁵³⁷ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 180. Л.4.

⁵³⁸ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 404

отношения именно к данному набору девиаций; невозможность сбора доказательств, проведения следствия в условиях относительно замкнутого крестьянского сообщества.

На что же еще жаловались псаломщики, кроме нетрезвости поведения своих батюшек? Лидируют по количеству дела о незаконном повенчании⁵³⁹ и о неправильной записи доходов за совершение треб. С этой последней группой достаточно понятно – любые доходы с треб полагалось делить между всем причтом, в том числе псаломщику причиталась часть дохода, поэтому при отсутствии соответствующей записи о получении дохода псаломщики и диаконы теряли свою часть, а весь доход, соответственно, уходил в карман священника.

Дела о неблаговидном поведении и о незаконных повенчаниях, как и дела о прочих нарушениях в сфере ведения документации и совершения обрядов, могли сигнализировать о непростых отношениях между старшим и младшим чинами клира. Кроме того, в фондах архивов обнаружено несколько дел о причинении служителями физического вреда друг другу, имеются упоминания о грубой брани, об открытом противодействии псаломщиков священникам. В иных из них деятельными участниками выступали и прихожане, и даже – дети прихожан, собиравшиеся в церкви для обучения пению⁵⁴⁰.

Другая группа конфликтных ситуаций – недовольство священников подчиненными, – также имела место. Священники со своей стороны жаловались на грубость, нетрезвое поведение, леность и незаконные отлучки псаломщиков и диаконов с мест служения⁵⁴¹. Опять же, достаточно сложно судить о моральных качествах псаломщиков по таким пристрастным доносам, однако уже сам факт того, что их поведение и моральных качества отцы-депутаты Омского Епархиального съезда сочли возможным упомянуть в журнале съезда, подтверждает наличие определенной проблемы.

⁵³⁹ КУ ИСА. Ф.16. Оп. 1. Д. 490.

⁵⁴⁰ КУ ИСА. Ф.16. Оп. 1. Д. 172.

⁵⁴¹ Там же.

Наконец, еще одна группа конфликтных ситуаций – подача жалоб представителями приходского общества на членов причта – тоже отмечена в церковных архивах и может означать крайнюю степень внутрприходского разлада. Любопытна жалоба⁵⁴² крестьянина Сергея Васильевича Гасникова на неблаговидное поведение псаломщика Александра Бахаревского. Прежде всего тем, что дело было завершено без вынесения решения с формулировкой относительно жалобщика, что он (Гасников) – «человек низкой нравственности, оставил свою семью и вступил в незаконную связь с вдовой священника Агентова, из-за которой и доносит на псаломщика Бахаревского». Возможно, в данном случае действительно имел место явный поклев на невинного служителя, которому не посчастливилось каким-то случайным образом столкнуться интересами с вдовой прежнего приходского священника. Но важнее другое: при вынесении решения относительно доносов немалую роль играла личность доносчика.

На что же в основном жаловались прихожане? Тут явно прослеживаются два основных повода: во-первых, большая часть жалоб связана с денежными вопросами; во-вторых, приходское общество так же крайне интересовало вопросы правильного учета изменения гражданских состояний и выдача соответствующих бумаг, поскольку от правильно оформленных и вовремя выданных документов зависело участие прихожан в общественной жизни.

Таким образом, священник, который имел два основных рычага воздействия на прихожан – требы и документальный учет состояний, – этим самым уже вольно или невольно способен был вызвать конфликты ввиду своего «монопольного» положения. С другой стороны, и у прихожан была очень высока степень осознания всех тех неудобств, которые они были способны доставить своему пастырю.

Но не одни только меркантильные вопросы могли вызвать негодование прихожан. Показательно дело, по которому было возбуждено формальное следствие в августе 1915 года. Требование о возбуждении дела в Духовную

⁵⁴² КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 171.

консисторию направил отец благочинный, протоиерей А. Павлов, в котором он утверждает, что отец Донской вымогает плату за требы, не терпит возражений при разговорах, «ругает прихожан с церковной кафедры и даже, бывая в полном облачении, наносит прихожанам оскорбления действием и не говорит проповедей и всем этим в храме, во время богослужений производит соблазн среди прихожан»⁵⁴³. В рапорте своем благочинный так же указывал, что ему самому не раз приходилось делать священнику Донскому внушения «за излишнюю горячность по отношению к прихожанам и за непохвальное стремление к материальной поживе в ущерб пастырскому делу».

Одновременно со своим рапортом отец Павлов представил также отосланную ему жалобу крестьян поселка Великокняжеского о неблагоприятных поступках их приходского священника Петра Донского следующего содержания: «О. Петр Донской вопреки всему ... не стремится объединить нас во едино стадо и является для нас холодным отцом, чуждым духовным нуждам, и не старается сеять между нами слово Божие и никогда не объясняет нам читанных на литургии Евангелий, и часто во время богослужений ведет себя не чинно и бывая в полном облачении священника сердится... Когда случилось погребение убиенному на поле брани Василию Щербакову, не был доволен добровольным даянием вдовы ... и требовал за погребение пять рублей говоря: «Тебе муж оставил хозяйства на тысячи, а ты жалеешь пяти рублей мне дать» и также когда у вдовы Щербаковой были собраны люди – по нашему обычаю – для поминовения убиенного, священник при людях обратился к вдове с такой речью: «Для чего ты их сюда собрала, брюхи набивать? Это Богу не угодно, а вот я помолюсь – это угодно будет» и этим возмутил всех людей, присутствовавших на обеде»⁵⁴⁴.

Интересны требования, которые предъявляют к своему священнику прихожане, и из которых слагается портрет идеального пастыря: священник должен нести слово Божие, объединяя паству в «едино стадо», и быть для

⁵⁴³ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 179. Л.31.

⁵⁴⁴ Там же.

прихожан отцом сердечным, незлым, внимательным к их духовным нуждам. Несомненно, должен он быть бескорыстен, тонко чувствовать душевный настрой паствы. Прихожане вполне осознавали, когда «духовный отец» начинает шантажировать их своим посредничеством между Богом и людьми, и такое положение вещей их чрезвычайно раздражало – отсюда упоминание о «возмутительной» речи батюшки в доме вдовы, которая внешне вполне соответствует церковным взглядам на «пищу телесную» и «пищу духовную», но, по сути, является попыткой манипуляции с целью вымогательства денег.

Несколько иначе выглядят конфликты в области взаимоотношений с церковным старостой. В 1902 году в типографии А. П. Лопухина выходит книга «Что такое церковный староста?» за авторством таинственного К. И., в которой автор на двадцати страницах попытался дать характеристику данного института, кратко показав и этапы его развития. В труде дается такая характеристика старосты: «Должностное лицо, определяемое епархиальным начальством ко всякой церкви, безразлично, будет ли она приходская, или не приходская. На эту должность определяются преимущественно купцы, мещане и крестьяне. Должность эта, не смотря на то, что от лиц, назначаемых на оную, не требуется никакого образования, ни даже знания грамоты, – для выполнения всех сопряженных с нею обязанностей требует массы времени, труда и разносторонних способностей»⁵⁴⁵. Автор критически оценивает содержание должностной инструкции 1890 года и вообще должность старосты: «Учреждение этой должности было создано искусственным образом... никого не удовлетворило: ни общество, которое стоит в стороне от деятельности церковного старосты и даже не знает, какой именно смысл заключается в сем названии, – ни начальства, которое не может добиться точных сведений о церковных доходах, – ни наконец, самих старост, которые тяготятся данною им инструкциею, которую они не

⁵⁴⁵ К. И. Что такое церковный староста? СПб., 1902. С. 20 – 21.

исполняли, да едва ли когда и будут исполнять, несмотря на установленную для них присягу»⁵⁴⁶.

Не менее пессимистически оценивает деятельность прихода, а вместе с ним и церковного старосты, кн. А. А. Кропоткин: «История русского прихода по сравнению с западно-европейскими приходами, поражает полную противоположностью. Русский приход до Петровского времени дает полную картину деятельности, а затем постепенно замирает и доходит до наших дней в виде учреждения, оберегающего храм, причт и служит источником обязательной повинности. От прихожан требуется только выбрать Старосту, который является прикащиком причта и в самом лучшем случае равноправным с причтом и не ответственным перед прихожанами хозяином церковного имущества»⁵⁴⁷.

Пессимизм авторов в отношении статуса и важности должности старосты для прихода кажется нам несколько преувеличенным, по крайней мере, в отношении епархий Западной Сибири и не подтверждается данными европейской части России, например, Тверской епархии:

«Должность церковного старосты была неоплачиваемой, но по понятиям сельского мира статусно высокой, – отмечает Т. Г. Леонтьева⁵⁴⁸. – Некоторые старосты отличались особым усердием – в принципе наличие таких людей открывало канал мощного воздействия на крестьянский мир. Нельзя не учитывать, что крестьяне доверяли власть над собой (помимо официального начальства или барина) только состоятельным выходцам из своей среды». Леонтьева указывает и на возрастающий к концу XIX века авторитет старосты, связанный с его состоятельностью и материальной независимостью, на большую роль старосты в сопровождении внешней стороны богослужения, высокую ответственность за «благолепие» храма и защиту его от «неблагоповедения» прихожан и даже причта.

⁵⁴⁶ К. И. Что такое церковный староста? СПб., 1902. С. 21

⁵⁴⁷ Кропоткин А. А. Призыв к оживлению прихода. СПб., 1904. С. 30.

⁵⁴⁸ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс ... С. 99 – 100.

Н. А. Мухортова, исследуя иные временные рамки (XVII – первая половина XIX вв.), высоко оценивает роль старосты в жизни томских городских и сельских приходов, отмечает, что должность церковного старосты занимали лица, принадлежавшие к социально значимым и активным группам населения⁵⁴⁹, освещает их особую роль в деле сохранности церковного имущества.

Законодательно положение церковного старосты установлено в упомянутой выше в «Инструкции церковным старостам», согласно которой «Церковный староста есть поверенный прихода, избираемый к каждой приходской церкви для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества, под надзором и руководством благочинного и епархиального начальства»⁵⁵⁰.

Положение церковного старосты освещается в нескольких группах документов: статистические сведения о старостах можно почерпнуть в официальных разделах епархиальных ведомостей; отношение к церковным старостам со стороны причта и епархиального начальства прослеживается в «части неофициальной» ведомостей; круг обязанностей и ответственность старосты конкретизированы во внутренней церковной переписке, циркулярных распоряжениях, а колоритные примеры взаимодействия крестьянского мира, причты и старосты даны «делами о неблаговидных поступках». Наконец, в большом количестве в архивах представлены ставленнические дела о назначении или переизбрании старост по окончании трехлетнего срока службы на новый.

С сословной точки зрения среди церковных старост преобладали, конечно же, крестьяне (в частности, 116 из 144 рассмотренных случаев назначения в Омской епархии, упомянутых в «Епархиальных ведомостях» за 1907 – 1908, 1910 – 1911 годы), что вполне объяснимо: большая часть приходов епархий располагалась в сельской местности, поэтому и

⁵⁴⁹ Мухортова Н. А. Городская приходская община в Западной Сибири во 2-й пол. XVIII – 60-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

⁵⁵⁰ Инструкция церковным старостам. Харьков., 1890. С. 12.

назначались старостами именно селяне. Далее следовали казаки, назначаемые в казачьих станицах (16 казаков Омской епархии, в том числе есаул, урядник, войсковой старшина и приказный). Наконец, встречались среди старост мещане (6 случаев в Омской епархии), купцы (5 случаев в Омской епархии) и дворяне (1 случай в Омской епархии). Обращает на себя внимание, что эти последние занимали должности в городских (за исключением одного случая, когда купец занял должность старосты сельской церкви) или приписных церквях (церковь при Спасском заводе Акмолинского уезда). При сельских церквях представителей иных сословий, нежели крестьянского (кроме казачьих станиц), в Омской епархии не обнаружено.

Меж тем церковный староста представляет собой связующее звено, фокус, в котором сходились нужды духовных лиц и прихожан, и в этом смысле привлекает к себе особый интерес. К сожалению, имеется малый круг источников личного характера, чтобы составить какое-либо представление о нормальных повседневных взаимоотношениях старост и причтов, поэтому информацию можем почерпнуть только из дел о «неблаговидных поступках», записей заслушанных дел из протоколов заседаний духовных консисторий и публикаций в епархиальных ведомостях. За скупыми строчками часто скрываются глубокие конфликты, но определить их истоки большей частью невозможно.

Например, конфликт между старостой и причтом подробно описан в деле «О нетрезвости и незаконных поступках священника Гусева и псаломщика Лисицына» по доносу церковного старосты Арык-Балакской церкви Ивана Максимова⁵⁵¹: в 1912 году возбуждено было одно разбирательство, ответчиками в котором выступали священник и псаломщик, а обвинителями – церковный староста (при активном участии крестьян прихода) и отец благочинный. Из рапорта церковного старосты Александро-Невской церкви поселка Арык-Балыкского следовало, что «действия о.

⁵⁵¹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 172. Л.253, 269.

Димитрия Гусева и псаломщика Лисицына... могут повести к дальнейшей неприятности и спорам. В Рождественский сочельник о. Дмитрий Гусев, псаломщик Лисицын и Золотухин в сильно пьяном виде устроили в церкви спевку, певчих-детей доняли до слез, сами руководители спевки занимались чертыханиями и спорами на весь храм, пришлось заступиться за детей и отправить их домой». В данном случае речь шла о грубости и неподобающем поведении священнослужителей. Далее староста указывает на порчу церковного имущества из-за попустительства причта: «весь мясоед священник Гусев венчал спешные свадьбы, родственники... оборвали у дверей церкви скобы и поразбивали стекла». Указывает староста и на незаконный с точки зрения гражданского и канонического права поступок: «в числе... свадеб священником Гусевым повенчаны две свадьбы в несовершеннолетних годах Яковлева и Егорова. При этом обряды венчания священником Гусевым совершались всегда в сильно пьяном состоянии, над некоторым обряд совершался без наложения на головы венцев». Наконец, для полноты и живописности картины неблаговидности причта староста добавляет: «Крещение младенцев без курьезов у о. Димитрия Гусева не обходится... другой случай, при крещении младенца у Орлова младенцу разбил лоб о купель, видно в глазах двоилось»⁵⁵².

В дальнейшем горячность старосты им же косвенно и объясняется: «мне [отец Гусев] объяснял, что служить не может по случаю *устройства мною холодного храма* ... Вторую неделю поста тоже служить не хотел, но Ст. Атаман заявил ему, что если он не будет служить, то донесет благочинному и будет просить другого священника».

Итак, в доносе нарисована картина полного морального падения причта и глубокого, неустранимого конфликта между церковным старостой и клиром церкви. Священник не только нарушил все нормы поведения духовного лица и никаким образом не оправдал надежд прихожан, нанес ущерб церковному имуществу, но еще и, в попытках оправдать свое

⁵⁵² КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 172. ЛЛ.253, 269.

поведение, оскорбил старосту, обвинив в ненадлежащем исполнении хозяйственных нужд. В некоторых случаях конфликт старосты и священника маскирует более глубокий конфликт – конфликт между причтом и приходом, выраженный чаще всего в нежелании прихожан нести расходы на содержание церковного хозяйства, церковное строительство или церковные школы, с одной стороны; с другой – общая потребность приходских общин к демократизации приходской жизни. Многие современники видели именно в подобных явлениях кризис прихода.

Не следует, однако, считать, что исключительно негативными явлениями характеризуется приходская жизнь Западной Сибири исследуемого периода.

«Русская православная Церковь находится в параличном состоянии ... церковная жизнь замерла и органы ее не действуют. Церковно-приходская жизнь в сильном упадке. Вот у храма Божия христианская община, называемая приходом. Во главе прихода стоит пастырь Церкви – священник и около священника причт. Пастырь и причт обыкновенно живут своею жизнью, а паства своею. Устанавливается взгляд на священника как на сборщика как на сборщика подаяний для кормления семьи или для обогащения»⁵⁵³. Перед нами тот самый негативный образ пастыря, который, к сожалению, все прочнее завладевал представлениями мирян (в широком смысле слова) в конце XIX – начале XX веков, в том числе, и в сибирских епархиях. Этот негативный образ, разумеется, имел под собой основания, тем не менее не означая, что в обществе окончательно отмирают позитивные представления о пастыре. Скорее, сами претензии, предъявляемые к духовному сословию, исходили из сложившегося идеала священства, из запросов, которое предъявлял «мир» и удовлетворения которых желал. С одной стороны, существует веками выработанный эталон, идеал пастыря – набор качеств, которыми должен обладать всякий священнослужитель. Этот идеал был заложен еще апостолом Петром в «Первом соборном послании»

⁵⁵³ Омские епархиальные ведомости. 1907 год. № 4. С. 24 – 26.

(1Пет 5:1 – 5:10.), и составлен из обязанности усердно надзирать за паствой, не преследуя корысти, всей своей жизнью подавать ей пример благочестия, смиренно положиться на Бога и противостоять дьяволу твердой верой, терпя страдания. За века этот идеал не претерпел существенных изменений, настолько был универсален. С другой стороны, каждый век направлял к пастырям новые требования, добавляя идеалу священства свои черты, наслаивая их вокруг сложившегося ядра – этот процесс косвенно отражается, например, в расширении круга обязанностей священнослужителя в приходе. Первые века христианства более всего требовали от священнослужителя неутомимости и отваги – и эти черты добавились в эталон. Средние века возложили на священника обязанность сохранить культуру и научное знание – и духовенство стало самым образованным сословием.

Придя ж на Русь, христианство столкнулось с новыми испытаниями – язычеством и несравненно более низкими возможностями восприятия религиозности русской паствой, чем это было заложено в византийском христианстве⁵⁵⁴. Изначально пришедший на Русь христианский идеал был сложен, далек от паствы и ориентирован на отказ от мира больше, чем на взаимодействие с ним – на наш взгляд, этот момент важен для понимания образа идеального священнослужителя, сложившегося к началу XX века, поскольку образ этот значительно питался представлениями о «древности».

Следует отметить еще на одну черту, проявившуюся в момент христианизации Руси и оказавшую значительное влияние на представления о роли священнослужителя, так же отмеченную Милюковым: «Идя друг другу навстречу, пастыри и паства древней Руси остановились, наконец, на довольно сходном понимании религии, одинаково далеком от обеих исходных точек: от аскетических увлечений подвижников и от языческого мировоззрения массы... *Обряд* послужил той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религиозности»⁵⁵⁵. Итак, начальный этап

⁵⁵⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. С. 17.

⁵⁵⁵ Там же. С. 17 – 19.

христианизации Руси добавил в облик священнослужителя отказ от мира, аскетизм, и выдвинул обрядную сторону как основной способ взаимодействия пастыря и паствы.

Новое время, утрата членами общества прочного представления о своем месте⁵⁵⁶, изменение картины мира потребовали от священника выйти вместе с паствой «в мир» – и священник «обмирщается». П. Н. Милюков, говоря о сектантстве, указывает на один важный момент: религиозные представления в их развитии всегда переходят от этапа «религии обряда» к этапу «религии души», то есть от формализма к «эмоциональности» или «интеллектуальности» веры⁵⁵⁷. В российской действительности эти запросы веры, как констатирует Милюков, выразились в форме сектантства, и, так или иначе, сказались на образе пастыря. Наконец, в конце этого периода духовенство оформляется как сословие⁵⁵⁸, что требует от него получение специального профессионального образования и, следовательно, еще «штрих» в портрет – специфический духовный профессионализм.

Наконец, XIX век и обновление российского общества поставили и перед духовным сословием новые проблемы. Миронов В. Б. в качестве иллюстрации этих проблем приводит мнение Д. И. Ростиславова: «Духовенство, особенно белое, потеряло уважение и любовь чуть ли не во всех сословиях. Отдельных из него лиц любят и уважают, но целое сословие находится в презрении»⁵⁵⁹. Причину этому Миронов видит в том, что «духовенство придерживалось своеобразных культурных стандартов, которые сложились в значительной степени под влиянием европеизированного семинарского образования и православной системы ценностей»⁵⁶⁰. Миронов указывает на специфику положения духовенства, не позволяющую сословию так или иначе приобрести определенный социальный статус и, в соответствии с ним, соответствующее отношение

⁵⁵⁶ Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. М., 2011. С. 62.

⁵⁵⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры ... Т. 2. С. 96 – 97.

⁵⁵⁸ Миронов В. Н. Социальная история ... Т. 1. С. 98.

⁵⁵⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры ... Т. 2. С. 104.

⁵⁶⁰ Там же.

сообразно сану: «Социальный статус, субкультура и экономическое положение духовенства также были оригинальными: не благородное, но и не подлое, не европейски ориентированное, но и не замкнутое на допетровские идеалы, не богатое, но и не бедное»⁵⁶¹. Итак, XIX век выдвинул перед всем вообще российским духовенством настоятельное требование обновления и изменения в соответствии с запросами общества, ради которого, собственно, духовенство и несло свое служение.

Уже говорилось о том, что к священнику сибирских епархий конца XIX – начала XX вв. время и обстоятельства тоже предъявляли свои требования – в равной мере те же, что и к остальным представителям сословия Империи, но и специфические: служение в «медвежьем углу» предполагало, очевидно, мобилизацию всех духовных сил пастыря на благо прихода где «даже человек... настолько опустился, что превратился в мужлана; где его дети растут, не получая никакого образования; где забыли о том, что такое воскресенье, а религия и ее обязательства перестали дозвезд над его сердцем и жизнью»⁵⁶², а модернизационные процессы в приходе (разрушение традиционного жизненного уклада и становление ориентации на новые, индустриально-социальные ценности⁵⁶³) принуждали духовенство к внутренним изменениям: мировоззренческим, поведенческим, культурным. К сожалению, направление таких изменений не было задано ни на уровне имперского, ни на уровне внутрицерковного законодательства – в частности, Леонтьева Т. Г. констатирует внутреннюю неготовность церковных институтов к изменениям на примере феномена «бунтующей церкви» и реакции консервативной церковной среды на попытки обновления: «Православной церкви для своего обновления требовалось пережить период внутреннего духовного бунтарства. Ничего подобного не произошло –

⁵⁶¹ Миронов Б. Н. Социальная история ... Т. 1. С. 105.

⁵⁶² Тернер Дж. Ф. Фронтир в американской истории ... С. 72.

⁵⁶³ Чугунов Е. А., Панкратова О. Б. Модернизационные процессы в России и трансформация духовно-нравственного облика промышленного пролетариата Верхнего Поволжья (конец XIX – начало XX вв.) // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии / Под ред. А. М. Белова. Кострома, 2003. Часть 1. С. 82.

церковная среда почти автоматически отторгала молодых людей подвижнического склада, направив их в политику. Оставались конформисты, неспособные защитить веру»⁵⁶⁴. Очевидно, эти процессы борьбы за изменения в духовном образовании шли и в Сибири – случались и здесь возмущения и «забастовки» семинаристов.

Таким образом, сибирский священник (не столь важно, «переселенец» или «старожил») помимо запросов времени («модернизация») должен был еще ответить запросам среды («фронтир»). Насколько же ему это удавалось? Какие специфические черты дополняют образ идеального пастыря сибирской епархии? Насколько сам пастырь ощущает запросы времени?

Судя по имеющимся материалам, сам священник в полной мере ощущает изменение времени: «Отчего падает престиж и обаяние духовного чина, перед коим так благоговели и преклонялись наши отцы и прадеды? Чем объяснить то разобщение и отделение паствы от пастыря, которое за последнее время стало возрастать все более и более?»⁵⁶⁵ – спрашивает он себя и «мир» со страниц журнала. И, как ему кажется, находит причину в отходе духовенства от евангельских идеалов строгой жизни, в «прогрессизме» священника: «Не соблазн ли, например, смотреть на современных «прогрессистов» – иереев, которые, к великому соблазну всех верующих, стригут свои волосы и бороды, стыдясь даже называть себя пастырем и «отцем» пасомых и предпочитая именоваться: «Иван Максимович», «Павел Тимофеевич?»⁵⁶⁶.

«Облеките пастыря Церкви в светское платье, остригите ему волосы, посадите на велосипед или автомобиль, пустите в театр, цирк, позвольте танцевать, разрешите второй, а, может быть, и третий брак, – словом, сравняйте его с мирянином, и вы ясно увидите, какое уважение к такому пастырю будет чувствовать мирянин», – продолжает автор статьи и выводит

⁵⁶⁴ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. С. 88.

⁵⁶⁵ Значение доброй жизни пастыря, как примера, в пастырской деятельности // Омские епархиальные ведомости. 1910. № 2. С. 28 – 30.

⁵⁶⁶ Там же. С. 28 – 33, С. 29.

образ идеального пастыря как пастыря – борца с миром, «живой противоположности миру», носителя христианского нравственно-духовного опыта безукоризненной жизни. Уже в содержании этой статьи можно усмотреть имеющееся противоречие между попытками рядового духовенства измениться под влиянием времени, тем самым становясь ближе к прихожанам, и жесткой позицией официальной церковной власти, не позволяющей такого отхода. Впрочем, противоречие это не есть исключительно сибирское, скорее, уровень конфликта задается центральной российской печатью (например, «Церковным вестником»), идеи из которых добросовестно перепечатаваю, развивают и доносят до сибирского читателя.

Очевидно, священнику в отдаленном, глухом сибирском приходе проблемы сословия виделись несколько иначе, и идеал пастырский он тоже выражал несколько по-другому: через публикацию биографий «подвижников» и «учителей», через «корреспонденцию» бесхитростного содержания о делах прихода, через служебные записки и переписку, через сведения, передаваемые о приходах и состоянии церквей отцам благочинным, через прошения епархиальному начальству проявляются несколько иные представления. Выражают свое представление о пастыре и прихожане. Как ни странно, в этом смысле «доносы», составляемые крестьянами на неудобных батюшек, ничуть не менее ценны, чем случаи выражения уважения через оказание помощи любимым батюшкам, через строительство, содержание и украшение церквей, через деятельность в «обществах», организуемых причтом, наконец, через вручение наград и подарков духовным лицам. Специфические же запросы к личности духовного лица со стороны сибирского епархиального начальства могут быть рассмотрены через требования, выраженные циркулярно, формулировки оснований для представления к наградам, и, опять же, через статьи, публикуемые в епархиальных ведомостях.

Итак, исходя из обозначенного круга источников, можно констатировать, что общими требованиями к пастырю выступали знание

обряда, строгость жизни, трезвость и бескорыстие. В особенности же – трезвость и знание обряда. Это – тот минимум, который предъявляла паства к своему духовному наставнику в отдаленных селениях епархии. Здесь, кстати, показательна разница между положением городского и сельского духовенства.

Городской служитель обязан был быть хорошо образован, готов к изложению своих пастырских взглядов с церковной кафедры по крайней мере раз в год, естественно, демонстрировать образец жизни, соответствующей званию, исполнять, кроме непосредственно священнических, общественные обязанности надзора за приютами, участия в деятельности братств и обществ. Сельский же признавался достойным звания, если имел за плечами несколько курсов духовной семинарии, более или менее справлял церковный обряд, не имел особых нареканий в оформлении приходской документации и вел в достаточной степени трезвый образ жизни.

В этом смысле замечательно выражен идеал священника «от обратного» в одном из дел «о неблаговидных поступках»⁵⁶⁷. «Служивший при селении Юдинской церкви Каинского округа священник Александр Миньшенин за обнаруженную следствием нетрезвость, совершение в нетрезвом виде не только треб, но и божественной литургии, неисправное ведение обыскной и метрической книг, несоблюдение предбрачных предосторожностей и повенчание двух несовершеннолетних браков, решением Тобольской духовной Консистории от 13 февраля 1895 г. присужден к лишению сана». Впрочем, из другого дела высматривается еще одно требование: донос на священника Николая Поникаровского (село Бутаковское) в вымогательстве сопровождается еще и обвинением в развратном поведении дочери священника девицы Александры⁵⁶⁸. Следовательно, не только сам священник

⁵⁶⁷ КУ Иса. Ф.16. Оп. 1. Д. 52. Л.30.

⁵⁶⁸ Там же. ЛЛ.71, 52.

должен предъявлять прихожанам образец жизни, но и поведение его семейства должно соответствовать определенным требованиям.

Наконец, в самом подробном виде идеал священника, выраженный устами прихожанина, можно увидеть через уже цитированное нами выше дело⁵⁶⁹: жалоба на священника Петра Донского. Этой жалобой отчетливо подтверждается: у крестьян существовали весьма определенные представления об идеальном пастыре, выходящие за рамки формальных требований к исполнению богослужений и ведению документации о гражданских состояниях. Этот идеал в самом общем виде заключался в способности пастыря жить жизнью своих пасомых, принимая ее настолько близко и ставя настолько выше своих собственных потребностей, чтобы прихожане ощущали себя «единым стадом» при добром отце. А к функциям служителя, в таком случае, прихожане относили исправление богослужений, треб, пастырское наставление (в том числе примером своей жизни) и просвещение, и защиту «стада» от любых искажений веры. К сожалению, требования эти, достаточно скромные, на деле зачастую оказываются неисполнимы.

Таким образом, в изучаемый период в сознании духовенства Западной Сибири существуют два взаимоисключающих представления о регионе: «Забывтая Сибирь» как место библейской «мглы» и «дикости» и Сибирь как «свободное, чистое и привольное место. Первый блок представлений транслируется приезжим, «российским» священнослужителями и представляет один из компонентов их социальной идентичности как «российского духовенства». Для старожильского сибирского духовенства также важен географический аспект, оно с гордостью говорит о себе: «я сам лично коренной сибиряк», – и склонно транслировать второй блок представлений. Таким образом, происходит постепенное складывание социальной идентичности сибирского духовенства, основными компонентами кроме непосредственно принадлежности к сословию которого

⁵⁶⁹ КУ ИсА. Ф.16. Оп. 1. Д. 179. Л.31.

являются пространственный – принадлежность к «сибирякам», представления о наличии «сибирского фронта» и о Сибири как о «чистом крае»; временной – Сибирь во времени отстоит от «России» и располагается в «прошлом»; поведенческий состоит в представлениях о «миссионерстве» как адаптивной стратегии. В рамках этой стратегии духовенство формирует локальный миф о Сибири, в который включены представления о суровом крае и мученичестве, представления о собственной деятельности как о цивилизаторской. Параллельно духовенство Западной Сибири продолжает транслировать традиционные представления о рождении, смерти и брачно – семейных отношениях и о собственном месте в обществе: рождение подлежит непременно учету и фиксируется обрядами; смерть выступает в качестве дидактически обставленного театрального акта, семейные отношения выстраиваются в рамках патриархальной идиллии, а собственное место священнослужитель видит в «народном предводительстве. Однако эти представления вступают в противоречие и с представлениями сибирского общества, переживающего социальную трансформацию (одновременно являясь частью этого общества), и со специфическими условиями Сибири, однако канонические нормы, предписывающие определенные формы поведения, остаются неизменными, что выливается в девиантизацию в среде духовенства и конфликтизацию приходских отношений. Показательно, что духовенство продолжает ощущать себя именно сословием, а не профессиональной группой – через общность перечисленных представлений о браке, семье, жизни и смерти, через создание локальных миссионерских мифов.

Девиантизация в среде духовенства проявилась в его алкоголизации (что не было проблемой исключительно духовного сословия, но и крестьянства), сокрытии доходов, блуде, двоеженстве и отдельных случаях домогательств и изнасилований прихожанок. Конфликтизация приходских отношений находила выражение в форме внутрипричтовых и внутриприходских конфликтов (конфликты между причтом и миром и конфликты между

причтом и церковным старостой). Данные явления получили достаточно широкое распространение и огласку, сформировали стереотипное представление о священнослужителе, однако часто не влекли для нарушителя серьезных последствий – служителей, уличенных в пьянстве, переводили в другие приходы, сокрытие церковных доходов влекло наложение штрафов, и лишь серьезные нарушения в области брачных отношений могло повлечь за собой снятие сана. Причина крылась в нехватке штатов и общих условиях «приграничья», когда нравы огрублялись в суровых условиях.

Заключение

Общая численность западносибирского духовенства в изучаемый период невелика – с учётом членов семей, в трёх епархиях Западной Сибири общее число лиц, принадлежащих к духовному сословию, составляло 13–15 тысяч человек. Но эта малозаметная в статистическом смысле общность (0,5 % от общего числа населения епархий), обладая своеобразным взглядом на мир, особыми представлениями о своей социальной роли, специфическими знаниями и функциями, оказывала заметное влияние на сибирское общество.

Пути пополнения численности духовного сословия в Западной Сибири выступали: переводы из других епархий Российской империи, назначения на службу выпускников духовных учебных заведений (местных и из других епархий), переходы из других сословий. В Западную Сибирь ехали добровольно, в надежде на получение более выгодных мест, и в порядке принудительных переводов (за «неблагоповедение» или в случаях конфликтов с прихожанами). Доля выпускников высших и средних учебных заведений среди духовных лиц епархий была невелика – учебные заведения высшего духовного образования в Западной Сибири отсутствовали. Из других сословий в духовное переходили крестьяне (до 25 % по Омской епархии), мещане (около 9 %), реже – чиновники, отставные военнослужащие. Случаи перехода в духовенство дворян единичны.

По уровню образования духовенство остается одним из самых образованных сословий: на момент проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. 73,66 % лиц духовного сословия в Западной Сибири были грамотными. Тем не менее, по качественным характеристикам образовательный уровень духовенства невысок. В Омской епархии приблизительно 25 % священнослужителей получили образование в духовной семинарии, но не смогли завершить полный курс, 14,3 % – курс завершили, 26 % получили полное начальное образование в духовных училищах или иных начальных учебных заведениях, неполное начальное образование получили 17,7 %, а еще около 4 % получили только домашнее

образование. Причинами такого разнообразия образовательных уровней духовенства стали постоянный дефицит кадров в условиях быстро увеличивающейся численности населения епархии; малая привлекательность службы в Сибири; заниженные требования к кандидатам на занятие соответствующих должностей.

Круг обязанностей духовенства был разнообразен – кроме собственно служения на духовное лицо возлагалась организация просветительской и образовательной деятельности в приходе; предоставление статистических данных о приходах; наблюдение за нравственным состоянием молодежи: миссионерская деятельность; ведение актов гражданского состояния и многие другие ситуационно исполняемые обязанности. Можно констатировать существенные заслуги духовенства в области начального народного образования: в изучаемый период начальным школьным образованием в системе церковно-приходских школ было охвачено до 60 тысяч человек.

По материальной обеспеченности духовное сословие было неоднородным. Если городское духовенство могло претендовать на уровень казенного содержания, сравнимый со столичными окладами и значительные доходы от «кружки», то сельское в вопросах материального обеспечения зачастую целиком зависело от общины. Очень малое значение для увеличения благосостояния духовенства в исследуемый период имели церковные земли: несмотря на обширность церковных землевладений (до 100 десятин), обработать самостоятельно служители могли лишь небольшую часть, остальная использовалась только для заготовки дров или вообще не использовалась, а сдача её в аренду усложнялась запретом на долгосрочное пользование. Годовые доходы духовенства в Западной Сибири колебались от 200 до 2000 рублей.

Православный служитель, оказавшийся в Западной Сибири по рождению, в результате свободного выбора или по обстоятельствам, относил себя к большой социальной группе – православному духовенству, однако

географически и этнически представлял себя живущим отнюдь не в «России», а в «Сибири» – месте, где, по его мнению, служение проходит во враждебной среде (иноверческой, сектантской или мрачной «сибирской»), в краю «дикости и мглы», в период «великого переселения народов». В темпоральном пространстве он считал себя «на 50 и 100 лет отстоящим» от живущих в центральной части Российской империи. Он транслировал представления о канонической, «правильной» вере, но сталкивался с непреодолимыми препятствиями – расстояниями, тяготами службы, болезнями, непростыми внутриприходскими отношениями и его представления трансформировались. Переставая считать себя «россиянином», он относил себя к «сибирякам». Он замыкался в своем приходе, мало интересуясь происходящим за пределами его «мира» (особенно это касалось сельского духовенства, городское же дискутировало относительно уместности партийной принадлежности духовного лица), и происходящее в «мире» мало влияло на его жизненный уклад. Сибирские служители испытывали меньший, чем их «российские» коллеги, трепет перед начальством, иной раз доходя до прямого выражения желания не вступать ни в какие с ним контакты; легче относились к упрощениям канонов службы, в отдельных случаях сами шли на прямые нарушения святых обетов.

Лишь части духовенства удавалось исполнять служение на одном месте достаточно длительный срок. Причинами переводов служили конфликты с прихожанами и внутри причта, низкие доходы и трудности службы на конкретных местах, иногда – сообщения об открытии вакансий с более выгодными условиями службы.

Положение духовенства осложнялось внутрпричтовыми взаимоотношениями и сложностями установления необходимого уровня доверия со стороны прихожан. Внутренние причтовые конфликты провоцировались неравномерностью распределения доходов, разной степенью свободы и зависимостей причетников, алкоголизацией населения и девиантным поведением заметной его части. Отношения с приходом

осложнялись денежными вопросами – вынужденной платностью осуществляемых треб, взаимной зависимостью прихожан и «батюшки»: регистрация гражданских состояний, проведение служб и молебнов, освещение кладбищ могли быть способами давления на паству. И, наоборот, община имела свои способы воздействия на служителей – любой неблагоприятный поступок мог стать основанием для проведения следствия в отношении духовного лица.

Контроль общины за поведением служителя оставался достаточно серьезным – прихожане следили за внешним видом, частной жизнью священнослужителя, могли подвергнуть его осуждению за чрезмерное «обмирщение» и, уверенные, что «поп всегда богат», порой уклонялись от обязанностей по содержанию приходского причта. Подвергалась контролю и частная жизнь членов его семьи.

Значительные изменения происходили в области представлений духовенства в Западной Сибири. Духовенство продолжало ощущать свое особое положение посредника между волей Божией и людьми, тем не менее, законодательно оно относилось к одному из сословий, а его функции – функции профессиональной общности, получающей за труды вознаграждение в денежной форме. Служители осознавали двойственность этого положения: духовное «окормление паствы» представлялось им функцией, мало связанной с товарно-денежными отношениями. С другой стороны, в приходской среде наблюдается «уход от церкви» – необходимость требоисправления и посещения церковью для паствы перестает быть очевидной, часты конфликты между приходскими общинами и причтом. Под воздействием среды и размывания группы через приток представителей других сословий, и исходя из потребности в консолидации, в условиях формирования новой социальной идентичности сибирского духовенства, транслируемые им представления консервативны: представления о браке, семье, рождении и смерти, собственной роли в политической жизни общества полностью традиционны.

Но консерватизм этот не был проявлением сознательного выбора конкретной политической программы или глубокой заинтересованности в политической жизни общества – священнослужитель на деле был слишком далек от политики в силу специфики его деятельности. Вера сибирского духовенства в свою особую, мессианскую роль в деле спасения русского народа заставляла его смотреть назад, во времена, которые казались духовенству «идеальными», списывая при этом реалии служения на временные трудности (неурожаи или тяготы войны) и происки внешних врагов (распространение «немецкой пропаганды», «штунды», «социализма»), не желая видеть истинные проблемы. В своих представлениях сибирское духовенство существовало в условиях особого, специфического «религиозного фронта», где тяготы служили отличительной чертой и поводом для гордости «сибиряка-священника», а остальной мир в его представлениях был к нему враждебен. Поэтому «консерватизм» священнослужителя был его защитной реакцией, во многом обусловленной представлением об изначальной «чистоте» Сибири стремлением к истинно праведной жизни, христианскому согласию в общинах – приходах и благим смертям, а проявлялся в самих формах его жизни и социальной идентификации.

Реалии сибирской жизни вступали в противоречие с этими установками, являясь одним из факторов высокой распространенности случаев девиантного поведения среди сельского духовенства – зафиксированы многочисленные случаи прелюбодеяния (незаконное сожителство, двоеженство) и нарушения общественного порядка в состоянии алкогольного опьянения. В сибирских условиях информационного голода эти случаи формировали общее представление о духовенстве и усугубляли негативные проявления в приходской жизни. Многие сибирские приходы демонстрировали все или некоторые признаки «кризиса прихода», однако о действительное наличие кризиса остается под сомнением.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

Казенное учреждение Омской Области «Исторический архив»:

Ф. 16. Омская духовная консистория ведомства православного исповедания, г. Омск. Оп. 1. ДД. 1 – 389.

Ф. 40. Омский Воскресенский крепостной собор Омской епархии, г. Омск. Оп. 1. ДД. 1– 49.

Ф. 41. Омское покровское женское приходское училище Западно-Сибирского учебного округа, г. Омск. Оп. 1. ДД. 1 – 13.

Ф. 44. Омское шестое женское городское приходское училище Западно-Сибирского учебного округа, г. Омск. Оп. 1. ДД. 1 – 8.

Ф. 45. Омское уездное училище. Оп. 1. ДД. 1 – 90.

Ф. 62. Омская третья женская гимназия. Оп. 1. ДД. 1 – 12.

Ф. 106. Омское десятое женское городское приходское училище инспектора народных училищ первого района Акмолинской области, г. Омск. Оп. 1. Д. 1 – 2.

Ф.115. Омская учительская семинария. Оп. 1. ДД. 350 – 390.

Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области»:

Ф.146. Томский епархиальный училищный совет, г. Томск. Оп. 1. ДД. 1 – 38.

Ф.170. Томская духовная консистория, г. Томск (1834 – 1919 г.). Оп. 1– 7. ДД. 2 – 3789.

Ф.171. Томское епархиальное попечительство о бедных духовного звания, г. Томск (1864 – 1916 г.)

Ф.184. Алтайская духовная миссия, г. Бийск (1834 – 1917 г.). Оп. 1. Д. 1 – 27.

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольске»:

Ф. И 57. Канцелярия Епископа Тобольского и Сибирского, г. Тобольск Тобольской губернии (1729 – 1929 гг.). ДД. 300 – 357.

Ф. И 156. Тобольская духовная консистория, г. Тобольск Тобольской губернии (1721 – 1922 гг.). Оп. 15. Д. 192. Оп. 26. Д. 389.

Опубликованные источники:

Периодическая печать:

Омские епархиальные ведомости. Омск: Тип. К. И. Демидова. 1895, 1902, 1906 – 1908, 1910, 1911, 1916, 1917.

Омское эхо. Омск, 1900 – 1917.

Русский вестник. Москва: Т-во типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1900 – 1901.

Сибирская жизнь. Томск: Тип. П. И. Макушина, 1900 – 1902.

Тобольские епархиальные ведомости: журнал, издаваемый Тобольским епархиальным братством. Тобольск, 1890 – 1918.

Томские епархиальные ведомости. Томск.: Б. и., 1890 – 1917.

Церковный вестник: Еженедельный журнал с ежемесячными книжками приложений, издаваемый при С. Петербургской духовной академии. СПб., 1900 – 1908.

Нормативно-правовые акты

Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. / И. Г. Айвазов. М., 1913. 228 с.

Барсов Т. В. Новое положение об управлении церквами и духовенством Военного и Морского ведомств / Т. В. Барсов // Христианское чтение. 1893. №11 – 12. С. 435 – 477.

Богословский А. М. Сборник статей судебных уставов 20 ноября 1864 года, имеющих отношение к Ведомству православного исповедания, разъясненных а) мотивами на коих они основаны, б) каноническими правилами, в) указами Святейшего синода, г) Уставом духовных консисторий, д) Сводом законов и е) решениями Кассационного департамента Правительствующего сената / А. М. Богословский; сост. А. Богословский. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1872. 96 с.

Калашников С. В. Сборник законов и форм о наградах / С. В. Калашников. Тип. И. М. Варшавчика, 1893. 142 с.

Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // Свод законов Российской империи. Т. IX: Особ. прил. кн. VI изд. 1902 г. и по Прод. 1906 г. Цит. по: Сибирские переселения. Документы и материалы. Выпуск 1. Новосибирск, 2003. С. 38 – 78.

Правила о церковно-приходских школах (1884 г.) // Хрестоматия по истории педагогики [Электронный ресурс] / Под ред. С. А. Каменева, сост. Н. А. Желваков. М., 1936. URL: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped.html> (Дата обращения: 18.08.2014).

Свод законов Российской империи: в XVI т. / под ред. Мордухай-Болтовского И. Д., Т.IX: Свод законов о состояниях. СПб., 1913. 208 с.

Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената / Сост. М. Н. Палибин. – Изд. неофициц. СПб.: Издание Юрид. Кн. Магазина Н. К. Мартынова, 1900. 232 с.

Издания делопроизводственного и справочно-статистического характера:

Ведомость Омского епархиального училищного совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Омские епархиальные ведомости. 1910. №13. Приложение.

Ведомость Томского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1909 гражданский год // Томские епархиальные ведомости. 1907. №22. Приложение.

Годовой отчет по Томскому переселенческому району за 1907 г. / Вып. 44. СПб.: Издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. СПб., 1908. 93 с.

Годовой отчет по Тобольскому переселенческому району за 1907 г. / Вып. 45. СПб.: Издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. 1908.

Голошубин И. Справочная книга Омской епархии / И. Голошубин. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. 1240 с.

Завалишин И. Описание западной Сибири: в 3 т. / И. Завалишин. М.: Типография В. Грачева и комп., 1862 – 1865.

Мироносицкий В. Отчет Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Томской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1907 – 1908 учебный год. Томск, 1908. 26 с.

Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии. Томск, 1895. 16 с.

Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Пг., 1916. 78 с. С приложениями.

Новый энциклопедический словарь. Пг.: Издание АО «Издательское дело бывшее Брокгауз – Ефрон», 1916. Т. 28.

Описание Томского переселенческого района: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. СПб., 1911. 14 с.

Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 год. Томск, 1892. 72 с.

Отчетные данные по Акмолинскому переселенческому району за 1907 г. / Составлены на основании отчета быв. Заведывающего переселенческим делом в Акмолинском районе колл.сов. Резниченко. Выпуск 49. СПб., 1908.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1895. 249, VIII с.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1900. 236, IX с.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1909. 397, X с.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1916. 121 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Владимирская губерния: в 2 тетрадях / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1900 – 1904.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Томская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 246 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Московская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1905. 349 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Область войска Донского / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание

Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1905. 136 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Акмолинская область / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 135 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Тобольская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 247 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Самарская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: 1899 – 1905. СПб., 1904. 201 с.

Покровский И. М. Русские епархии в XIV-XIX вв., их открытие, состав и пределы: в 2 т. / И. М. Покровский. Казань, 1897 – 1913. 2 т.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Том 1. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1913. 559 с.

Попов Е. Великопермская и Пермская епархия (1379 – 1879): пятисотлетие проповеди Св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трехсотлетие покорения Сибири / Е. Попов. Пермь: Тип. Никифоровой, 1879. 354 с.

Сектантство в Омской епархии. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1899. 8 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1898/99 год. Томск, 1900. 458 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1902/03 год. Томск, 1903. 531 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год. Томск, 1911. 810 с.

Справочная книга по Томской епархии за 1913/14 год. Томск, 1914. 640 с.

Справочная книга Тобольской епархии, к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913. 66 с.

Сулоцкий А. И. Тобольские и томские архипастыри, или краткая история Тобольской и Томской епархий / А. И. Сулоцкий. Омск, 1881.

Тобольская епархия: Часть первая. Описание местности, занимаемой Тобольской епархией, в географическом и историко-этнографическом отношении. Омск: Тип. А. К. Демидова, 1892. 99 с.

Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1909 год. Томск, 1910. 9 с.

Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1910 год. Томск, 1911. 28 с.

Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1911 год. Томск, 1912. 43 с.

Указатель статей, помещенных в «Томских епархиальных ведомостях» за 1913 год. Томск, 1913. 27 с.

Иные опубликованные источники:

Аквилонов Е. П. О недозволительности служения православным духовенством панихид в храмах по умершим иноверцам-христианам / Е. П. Аквилонов. СПб., 1906. 24 с.

Булгаков С. Н. Настольная книга священно-церковнослужителя / С. Н. Булгаков. М., 1913. 1794 с.

Булгаков М. А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы / М. А. Булгаков. М., 1989. 576 с.

Введенский А. Борьба с сектантством. Одесса, 1915. 413 с.

Витте С. Ю. О Современном положении православной церкви / С. Ю. Витте // Рус. мысль = La pensee russe. Париж, 1995. N 4070. С. I-II.

Инструкции церковным старостам. Харьков: Изд-во книжного магазина В. и А. Бирюковых, 1890. 76 с.

Козлов А. А. Указатель прав, преимуществ, обязанностей и вообще сведений и справок, необходимых для всех состоящих на службе, в запасе и отставке г.г. офицеров, военных врачей, чиновников военного ведомства, подпрапорщиков, а также их семейств и военного духовенства. СПб., 1900. 128 с.

К. И. Что такое церковный староста? СПб., 1902. 23 с.

Кропоткин А. А. Призыв к оживлению прихода. СПб., 1904. 45 с.

Коссович И. Земство, школа, приход / И. Коссович; с предисл. Сергея Шарапова. СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова, 1899. 28 с.

Кунцевич Л. З. Общий очерк баптизма и о миссионерских мерах борьбы с ним. Воронеж, 1913.

Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России /А. А. Папков. М.: Изд-во типо-литографии Владимир Чичерин, 1900. 49 с.

Покровский И. М. Русские епархии в XIV–XIX вв., их открытие, состав и переделы: в 2 т. / И. М. Покровский. Казань, 1897 – 1913. 2 т.

Полисадов И. Н. Глухая исповедь, или Пастырское наставление в обличение тех, кои откладывают напутствие болящих до последних минут их жизни // Соч. свящ. Иоанна Полисадова. СПб., 1866. 48 с.

Полный сборник платформ всех русских политических партий (С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте) Спб., 1906 г. Издание второе «ННШ»: Репринт: М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2001. 132 с.

Рождественский А. В. Что сделало православное духовенство для борьбы с народным пьянством. СПб., 1900. 36 с.

Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России / Д. И. Ростиславов. М.: Александрия, 2011. 1392 с.

Рункевич С. Г. Новый опыт оживления приходской самодеятельности / С. Г. Рункевич. СПб.: Синодальная типография, 1914. 19 с.

Руткевич П. Т. Семинарские годы (Воспоминания о Киевской ДС за 1873 – 1879 гг.). Киев, 1912.

Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Рассказы / Л. Н. Толстой. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1983. 304 с.

Исследовательская литература:

Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров / А. Д. Агеев. Иркут. межрегион. Ин-т обществ. наук и др. М.: Аспект Пресс, 2005. 330 с.

Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. М. Адаменко. Кемерово, 1998. 26 с.

Адаменко А. А. Характеристика приходов Тобольской епархии в начале XX века / А. М. Адаменко // Из истории освоения юга Западной Сибири русскими переселенцами XVII – начала XX вв. Кемерово, 1997. С. 3 – 11.

Адаменко А. М. Приходское духовенство Томской епархии в 1914 г. / А. М. Адаменко // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. Вып. 1. Кемерово, 1996. С. 34 – 37.

Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии, собранная епископом, бывшим Пензенским и Саратовским, Амвросием, а ныне вновь пересмотренная, исправленная и умноженная: в 4 т. / Амвросий (Орнатский). 2-е изд. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1827. 4 т.

Ананина А. В. Клировые ведомости Караканского прихода Томской епархии как историко-биографический источник (середина XIX – начало XX вв.) / А. В. Ананина // Документ в системе социальных коммуникаций: Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 25 – 26 окт. 2007 г. Томск, 2008. С. 248 – 250.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Ф. Арьес, предисл. Гуревича А. Я; под общ. ред. Оболенской С. В. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс – Академия», 1992. 528 с.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. Теория и методология. Словарь. 600 с.

Бабушкина О. Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX– начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ольга Юрьевна Бабушкина. Курган, 2002. 168 с.

Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области. 1884 – 1917: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Анатолий Егорович Басалаев. Чита, 2000. 232 с.

Беглов А. Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2014. С. 56 – 81.

Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства / И. С. Беллюстин. Лейпциг, 1858.

Белова Н. В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Наталья Владимировна Белова. Ярославль, 2008. 266 с.

Белоногова Ю. И. Служба и материальное обеспечение приходского духовенства Московской епархии в начале XX в. / Ю. И. Белоногова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». С. 54 – 78.

Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юлия Игоревна Белоногова. М., 2006. 203 с.

Белоногова Ю. И. Борьба с народным пьянством на примере Москвы и московской епархии в начале XX века / Ю. И. Белоногова // На ниве Христовой. Москва – Ярославль, 2009.

Белякова Н. А. Материальное положение приходского духовенства во второй половине XIX века [Электронный ресурс] / Н. А. Белякова // URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/belyakova.htm (Дата обращения: 12.12.2014).

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. М.: Наука, 1990. 224 с.

Берковская З. Н. Становление и развитие Омской епархии в конце XIX – начале XX вв. / З. Н. Берковская // Омский научн. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2008. №4 (69). С. 25 – 27.

Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. / Ольга Валерьевна Блинова. Омск, 2010. 281 с.

Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII-XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / В. П. Бойко; изд. 2 – е. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. 307 с.

Болховитинов (митр. Евгений). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви / Евгений (Болховитинов). 2-е изд. СПб., 1827. 757с.

Благовидов Ф. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра I / Ф. Благовидов. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1891. 374 с.

Булгаков С. Н. Церковь и культура / С. Н. Булгаков // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 38 – 52.

Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви / С. Н. Булгаков. М., 1911. 416 с.

Быкова А. Г. «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX вв.) / А. Г. Быкова. [Электронный ресурс] URL: http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/hist/bik_dre.htm (Дата обращения: 12.12.2014).

Быкова А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Анастасия Геннадьевна Быкова. Омск, 2012. 370 с.

Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – XX вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Светлана Михайловна Васина. Йошкар-Ола, 2003. 361 с.

Герасимов И. Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. 2007. №. 1 (58). С. 218 – 238.

Гизей Ю. Ю. Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX-начала XX вв.: По материалам Томской Епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юлия Юрьевна Гизей. Кемерово, 2004. 267 с.

Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы средней и высшей и об Учебном комитете при Святейшем синоде / Н. Н. Глубоковский. СПб.: Синодальная типография, 1907. 148с.

Голованова М. А. История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска: Конец XVII – начало XX вв.: дисс ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Мария Анатольевна Голованова. Улан-Удэ, 2004. 211 с.

Голубинский Е. Е. Т. История русской церкви: в 2 т. / Е. Е. Голубинский. М., 1880 – 1900.

Голубинский Е. Е. О реформе в быте в русской церкви / Е. Е. Голубинский. СПб., 1913. 132 с.

Голубцов С. В. История Омской епархии: Образование Омской епархии. Предстоятельство Преосвященного Григория на Омской кафедре (1895 – 1900 гг.) / С. В. Голубцов. Омск, 2008. 166 с.

Гончаров М. А., Плохова М. Г. Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – XXвв. // Вестник ПСТГУ – 2012, вып.2(25). С. 101 – 117.

Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра. ист. наук.: 07.00.02 / Юрий Михайлович Гончаров. Барнаул, 2002. 466 с.

Грекулов Е. Ф. Нравы Русского духовенства / Е. Ф. Грекулов. М.: Nevzorov Haute Ecole, 2011. 98 с.

Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России / Е. Ф. Грекулов. М.: Наука, 1964. 147 с.

Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения / Е. Ф. Грекулов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 124 с.

Грекулов Е. Ф. Православная церковь в роли помещика и капиталиста / Е. Ф. Грекулов. М. 1930. 139 с.

Давлешин В. Р. Военное духовенство в России XVIII – начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02 / Вадим Рауфович Давлешин. М., 2004. 233 с.

Давыдов Д. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации / Д. Давыдов // Социологическое обозрение. Т. 11. 2012. № 2. С. 132.

Дамешек И. Л. Сибирь в российском имперском регионализме: 1822 – 1917 гг.: дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ирина Львовна Дамешек. Иркутск, 2006. 222 с.

Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917– 1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 765 – 766.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерки политики свободы. М.: Росспэн, 2002. 228 с.

Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII – XVIII века) / Пер. с франц. Екатеринбург, 2003. 752 с.

Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России / А. Дмитриев. М., 1931.

Дмитриев А. Церковь и крестьянство на Руси / А. Дмитриев. М., 1931.

Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лариса Константиновна Дрибас. Иркутск, 2005. 283 с.

Дружинина Ю. В. Сельская интеллигенция Западной Сибири в конце XIX – начале XX века: процессы формирования и социальная активность: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юлия Викторовна Дружинина. Омск, 2014. 254 с.

Дулов А. В. Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. II / А. В. Дулов, А. П. Санников; рец.: Б. С. Шостакович, Ю. А. Зуляр. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. 319 с.

Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 5 – 47.

Ершова Н. А. Приходское духовенство Петербургские епархии в XVIII веке: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Ершова Наталья Александровна. СПб., 1992. 189 с.

Есипова В. А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX века: На материалах Томской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Валерия Анатольевна Есипова. Томск, 1996. 230 с.

Есипова В. А. Ставленнические дела священников и диаконов Томской епархии второй половины XIX в. как исторический источник / В. А. Есипова // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI – XX вв. Новосибирск, 1998. С. 161 – 173 с.

Евдокимова А. Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Анжелика Николаевна Евдокимова. Чебоксары, 2004. 384 с.

Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства русской православной церкви / А. Б. Ефимов. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. 688 с.

Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. Ростов-н/Д., 1999. 200 с.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26 – 50.

Замятин Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение [Электронный ресурс] / Д. Н. Замятин // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. 2072 – 3156, N 1 (январь-февраль). С. 21 – 25. URL: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=60235> (Дата обращения: 25.10.2015).

Замятина (Белаш) Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина (Белаш) // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75 – 88.

Зарецкий Ю. П. Жизнь протопопицы и «Житие» Аввакума // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 4. С. 220 – 228.

Зверев В. А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861-1917 гг.) / В. А. Зверев. Новосибирск: НГПИ, 1993. 244 с.

Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма / В. А. Зверев. Новосибирск, 1988. 88 с.

Землякова Н. А. Извне и изнутри: образ Сибири в религиозной периодической печати второй половины XIX в. [Электронный ресурс] / Н. А. Землякова // Исторические науки. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7487> (Дата обращения: 12.12.2014)

Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири / В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2007. 258 с.

Знаменский П. В. История Русской церкви: учебное пособие / П. В. Знаменский; под ред. проф. К. Е. Скурата. Сергиев Посад, Московская духовная семинария, 2006. 87с.

Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времен Петра / П. В. Знаменский. Казань, 1872. 581с.

Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. / Н. Д. Зольникова. М., 1990. 291 с.

Зоткина Н. А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX – XX вв.: преступность, пьянство, проституция: На материалах Пензенской губернии: дис. ...канд.ист.наук: 02.00.07 / Надежда Александровна Зоткина. Пенза, 2002. 374 с.

Ивакин Г. А. Православное духовенство в Государственных думах Российской империи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Григорий Анатольевич Ивакин. М., 2006. 228 с.

Ильин В. Н. Проблема перехода прихожан из официального православия в старообрядчество на территории Томской губернии в XIX в. / В. Н. Ильин // Известия АлтГУ. 2007. N 4. С. 33 – 37.

Исаков С. А. Томская православная епархия и ее архипастыри / С. А. Исаков, Н. М. Дмитриенко // Томские архиереи: Биографический словарь, 1834 – 2002 / С. А. Исаков, Н. М. Дмитриенко; Том. гос. ун-т. Проблем. лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири, Том. обл. краев. музей. Томск, 2002. 111 с.

Калашников Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дмитрий Николаевич Калашников. Курск, 2011. 189 с.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. В. Каменский. М., 2007. 403 с.

Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков: справочные материалы / К. Г. Капков. М.: Летопись, 2008. 752 с.

Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Томской епархии: дисс...канд. ист. наук: 07.00.02 / Елена Валерьевна Караваева. Новосибирск, 2011. 290 с.

Карташев А. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. / А. Карташев. М.: Терра, 1997. 2 т.

Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.

Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX-начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Андрей Иванович Конюченко. Челябинск, 2006. 507 с.

Колосов Н. А. Типы православного духовенства в русской светской литературе. М., 1902. 82 с.

Кузнецов А. М. Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций: XVIII – начало XX века: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Андрей Михайлович Кузнецов. М., 2000. 226 с.

Ле Руа Ладюри Э., Монтайю, окситанская деревня /Э. Ле Руа Ладюри; пер. В. А. Бабищева, Я. Ю. Старцева. Екатеринбург, 2001. 539 с.

Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX в. / Т. Г. Леонтьева. М.: Новый Хронограф, 2002. 272 с.

Леонтьева Т. Г. Быт приходского православного духовенства в пореформенной России (по дневниковым записям и мемуарам) / Т. Г. Леонтьева // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 28 – 49.

Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России» / Т. Г. Леонтьева // Женщины. История. Общество. Тверь.: ТГУ. 1999. С. 47 – 58.

Леонтьева Т. Г. Церковная интеллигенция. К вопросу об участии в политической жизни государства / Т. Г. Леонтьева // Поиски новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы истории, методологии, источниковедения и историографии. Тезисы научно-практической конференции. Иваново, 1993. С. 328 – 330.

Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) / Т. Г. Леонтьева // Отечественная история. 2001. №3. С. 170 – 178.

Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. №3. С. 24 – 32.

Лисюнин В. Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Виктор Федорович Лисюнин. Тамбов, 2006. 283 с.

Лысенко Н. А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Наталья Алексеевна Лысенко. Омск, 2015. 222 с.

Лысенко Ю. А. Киргизская Духовная миссия Омской епархии в 1881 – 1917 гг. / Ю. А. Лысенко // Макарьевские чтения: материалы шестой международной конференции (21– 23 ноября 2007 года). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. 313 с. С. 47 – 58.

Макарова В. Ю. Священник и больной / В. Ю. Макарова // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. 2002. Вып. 2. С. 131 – 169.

Макарчева Е. Б. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половине XIX в.: По материалам Тобольской епархии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Елена Борисовна Макарчева. Новосибирск, 2001. 261 с.

Мангилева А. В. Современная историография истории духовного сословия в России XIX – начала XX вв. / А. В. Мангилева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 134 – 149.

Мануйлова Д. Е. Церковь как социальный институт / Д. Е. Мануйлова. М., 1978. 64 с.

Мендюков А. В. Православное приходское духовенство в дореволюционной России (по материалам Среднего Поволжья) / А. В. Мендюков // Историко-археологические изыскания: Сборник научных трудов молодых ученых. Самара: Научно-технический центр (НТЦ), 2001. С. 52 – 58.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 4 т. / П. Н. Милюков. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896 – 1903. 4 т.

Миронов Б. В. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. СПб., 2003. 2 т.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. М., 1990. 271 с.

Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени / С. И. Миропольский. СПб., 1894. 240с.

Митрополит Платон (Левшин). Краткая российская церковная история / Платон (Левшин). Сергиев Посад, 2010. 370 с.

Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / И. Герасимов, С. Глебов, Я. Кусбер, М. Могильнер, А. Семенов и др. М.:Новое издательство, журнал «Ab Imperio», 2010. 426 с.

Мухин И. Н. приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: По материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Илья Николаевич Мухин. М., 2006. 340 с.

Мухортова Н. А. Городская приходская община в Западной Сибири во 2-й пол. XVIII – 60-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Наталья Анатольевна Мухортова. Новосибирск, 2000. 251 с.

Нагорная М. А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Марина Алексеевна Нагорная. Омск, 2012. 24 с.

Никольский Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 448 с.

Овчинников В. А. Православные монастыри, архиерейские дома и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Владислав Алексеевич Овчинников. Кемерово, 2002. 294 с.

Павлов А. С. Курс церковного права / Соч. А. С. Павлова. Посмерт. изд. ред. «Богословского вестника», выполн. под наблюдением доц. Моск. духов. акад. И. М. Громогласова. Сергиев Посад, 1902. 539 с.

Петров С. Г. Духовенство и школа в 1917 – 1919 гг.: запрет на преподавание Закона Божиего / С. Г. Петров // Интеллигенция, общество, власть. Новосибирск, 1999. С. 112 – 113.

Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. М.: Независимая газета, 1993. 423 с.

Полищук И. С. Духовенство и крестьянство в политике большевистской партии и советской власти в 20-х – начале 30-х годов: По материалам Тверского Верхневолжья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иван Спиридонович Полищук. Тверь, 2001. 278 с.

Пономарев М. В. Политическая культура православного духовенства России в 1917 – 1930-е гг.: центр и провинция: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Максим Владимирович Пономарев. Волгоград, 2010. 238 с.

Преображенский И. В. Исторические заслуги нашего духовенства пред престолом и отечеством / И. В. Преображенский. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1873. 855с.

Преображенский И. В. Духовенство и народное образование: По поводу сообщения, сделанного в собрании экономистом г. Соколовым, «Земство и

народное образование» / И. В. Преображенский. СПб.: Тип. Спб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. 95 с.

Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XXв. Петрозаводск, 2009. 422с.

Пушкарев С. Г. Историография русской православной церкви / С. Г. Пушкарев // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 5 (ЖМП). С. 67 – 79.

Пушкарев С. Г. Роль Православной Церкви в истории русской культуры и государственности / С. Г. Пушкарев. Книгопечатная Пресс И. Почаевскогогоу, 1938. 59 с.

Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. Новосибирск: РИПЕЛ, 2005. 193 с.

Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике / Л. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1990. С. 167 – 181.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. М.: Круг, 2011. 560с.

Рогозный П. Г. Церковная революция. 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П. Г. Рогозный. СПб.: Лики России, 2008. 224 с.

Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Наталия Николаевна Родигина. Новосибирск, 2006. 477 с.

Родигина Н. Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века / Н. Н. Родигина // Диалог со временем. № 39. 2012. С. 171 – 182.

Родригес А. М. История XX века. Россия – Восток – Запад / А. М. Родригес, С. В. Леонов, М. В. Пономарев. Запад. Восток. М., 2008. 560 с.

Рафаил (Ивочкин). Участие Смоленской епархии в борьбе за трезвость. (Из опыта социального служения Русской Православной Церкви во второй

половине XIX – начале XX вв.) [Электронный ресурс] / Рафаил (Ивочкин). URL: <http://smoleparh.ru/Istoria/View/598> (Дата обращения: 12.12.2014).

Розов А. Н. Сельский священник в духовной жизни русского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... доктора культурол. наук: 24.00.01 / Александр Николаевич Розов. СПб., 2003. 338.

Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007.

Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.

Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Татьяна Анатольевна Сабурова. Омск, 2006. 438 с.

Савицкая О. Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905 – 1914 гг.: По материалам Саратовской губернии: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Ольга Николаевна Савицкая. Волгоград, 2001. 296 с.

Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ, 2005. 1(45) Серия: Психология. С. 13 – 17.

Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века / Сборник научных статей. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.

Сибирь в составе Российской империи / Сост.: Дамешек Л. М., Ремнев А. В. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368с.

Силова Е. С. Развитие теоретических концепций цивилизации / Е. С. Силова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. N 9 (263). Экономика. Вып. 37. С. 9 – 11.

Скобелев К. В. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма: 1861 – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Константин Владимирович Скобелев. Омск, 2002. 335 с.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/gorsib/4-33.html> (Дата обращения: 29.10.2014).

Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи: монография / Скутнев А. В.; С.– Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, Киров. фил. 2-е изд., испр. Киров: КФ СПбГУП, 2012. 173 с.

Скутнев А. В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской Православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г. (На материалах Вятской епархии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алексей Владимирович Скутнев. Киров, 2005. 271 с.

Собенников А. С. Миф о Сибири в творчестве А. П. Чехова («Очерки из Сибири») / А. С. Собенников // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 277 – 283.

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI – нач. XVIII вв. М.: Изд-во «Индрик», 2002. 352 с.

Судакова О. Н. Концепт «Сибирская культура» в теории фронта. / О. Н. Судакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 179 – 183.

Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / Ф. Дж. Тернер. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

Титлинов Б. В. Духовная школа России в XIX столетии: Вып. 1. Время Комиссии Духовных Училищ. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года / Б. В. Титлинов. Вильна: Тип. Русский Почин, 1908. 385с.

Тальберг Н. Д. История Русской церкви / Н. Д. Тальберг. Джорданвилль, 1959. 925 с.

Титлинов Б. В. Православие на службе самодержавия в русском государстве / Б. В. Титлинов. Л., 1924. 210 с.

Титлинов Б. В. Смысл обновленческого движения в истории / Б. В. Титлинов. Самара, 1926.

Титлинов Б. В. Церковь во время революции / Б. В. Титлинов. Пг.: Былое, 1924. 196 с.

Уортман Р. Николай II и образ самодержавия / Р. Уортман // История СССР. 1991 г. № 2. С. 119 – 128.

Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. – Т. II: От Александра II до отречения Николая II / Р. Уортман. М., 2004. 796 с.

Устинов Л. Е. Крестный путь: История церквей и церковно-приходских школ Нарымского края. Священнослужители и религиозность населения, 1597 – 1953 гг. / Л. Е. Устинов. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2002. 192 с.

Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Оксана Николаевна Устьянцева. Томск, 2003. 259 с.

Ушакова О. В. Духовенство Омской епархии и трезвенное движение в 1907 – 1914 гг. (по материалам «Омских епархиальных ведомостей») / О. В. Ушакова // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. докл. и сообщ. Третьей Регион. науч. метод. конф. Омск, 1997. С. 190 – 193.

Ушакова О. В. Уровень образования духовенства западно-сибирских епархий в 1907 – 1914 гг. / О. В. Ушакова // Современное общество: Научная конференция, посвященная 25-летию Омского государственного университета. Омск, 1999. Выпуск 1. С. 77– 78.

Филарет (Гумилевский). История Русской церкви: В 5 периодах. / Филарет (Гумилевский). М.: Тип. В. Готье, 1848 – 1859. 5 т.

Филарет (Гумилевский). К истории обсуждения приходской реформы во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] / Филарет (Сковородкин). URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2605733.html> (Дата обращения: 29.10.2014).

Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России / Г. Фриз // История СССР. 1991 г. №2. С. 107 – 119.

Фриз Г. Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. / Г. Л. Фриз // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 3 – 4 (30). С. 86 – 105.

Фролова Т. А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Татьяна Анатольевна Фролова. Омск, 2006. 185 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. М.: Попурри, 1999. 624 с.

Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. М., 2011. 228 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. М.: АСТ, 2010. 704 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. / М. Фуко. М.: АСТ, 1999. 470 с.

Храпова Н.Ю. Место и роль Алтайской духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828 – 1905): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 1989. 224 с.

Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 263 с.

Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ольга Петровна Цысь. Екатеринбург, 2003. 283с.

Чистяков Г. Мученичество как феномен [Электронный ресурс] / Г. Чистяков // Вестник Европы. 2002, № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/chis.html> (Дата обращения: 25.12.2014).

Чугунов Е. А., Панкратова О. Б. Модернизационные процессы в России и трансформация духовно-нравственного облика промышленного пролетариата Верхнего Поволжья (конец XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / Е. А. Чугунов, О. Б. Панкратова. URL:

<http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Chugunov/4.htm> (Дата обращения: 02.02.2015).

Чуркин М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: дисс... д-ра ис. наук: 07.00.02 / Михаил Константинович Чуркин. Омск, 2007. 447.

Шагжина З. А. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Забайкалье, вторая половина XVII – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зоя Александровна Шагжина. Улан-Удэ, 2000. 189 с.

Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. //Социокультурное развитие Сибири XVII – XX вв. Бахрушинские чтения. / Отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1998. С. 64 – 74.

Шиловский М. В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) / М. В. Шиловский // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: РИПЭЛ +, 2003. Вып. 3. С. 101 – 118.

Щербич С. Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX вв. Опыт социокультурного исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Софья Николаевна Щербич. Тюмень, 2001. 273 с.

Эткинд А. Хлыст: секты, литература и революция / А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 644 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. М.: НЛО, 2013.

Freeze Gregory L., *The Parish Clergy In Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform.* – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1983. 442 p.

Hedda J. *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia* / Jennifer Hedda. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. 300 p.

Manchester L. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia and the Modern Self in Revolutionary* / L. Manchester. Northern Press, 2008. 288 p.

Приложения

Приложение 1. Таблица 1

Распределение населения центральных губерний Российской империи по вероисповеданиям в 1897 г. в процентном соотношении и по численности

Губерния	Православные	Старобрядцы и уклоняющиеся в раскол	Армяно-григориане и католики	Римско-католики	Лютеране	Реформаты	Бaptисты	Менониты	Англикане	Остальные христианские исповедания	Караимы	Иудеи	Магометане	Буддисты и ламаиты	Прочие нехристианские исповедания	Итого
Самарская губерния	2.16 7.79 6 (78,8 %)	97.568 (3,5 %)	41 (0,36 %)	57.485 (2,1 %)	156.112 (5,7 %)	10.890 (0,4 %)	605 (0,0002 %)	4.616 (1,7 %)	4	178 (0,0005 %)	28	2.613 (0,9 %)	288.655 (1,04 %)	2	4.864 (1,8 %)	2.751. 386
Владимирская губерния	1.47 3.52 1 (97,2 %)	38.107 (2,5 %)	3	1495 (0,1 %)	770 (0, 05 %)	32	0	0	136	1	49	1204 (0, 08 %)	413 (0, 02 %)	0	1	1.515. 691
Московская губерния	2.27 2.14 5 (93,5 %)	99.825 (4,1 %)	1.665 (0,06 %)	17.670 (0,72 %)	21.437 (0,9 %)	2.218 (0,1 %)	0	3	838 (0, 03 %)	103	347	8.704 (0,35 %)	5605 (0, ,23 %)	11	10	2.430. 581

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 56 – 103; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: VI. Владимирская губерния: в 2 т. СПб., 1900 – 1904. Т. 2. С. 66 – 109; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: XXIV. Московская губерния. СПб., 1905. С. 100 – 167.

Распределение населения окраинных губерний Российской империи по вероисповеданиям в 1897 г. в процентном соотношении и по численности

Губерния	Православные	Старообрядцы и уклоняющиеся в раскол	Армяно-григоряне и католики	Римско-католики	Лютеране	Реформаты	Баптисты	Менониты	Англикане	Остальные христианские исповедания	Караимы	Иудеи	Магометане	Буддисты и ламаиты	Прочие нехристианские исповедания	Итого
Виленская губерния	415.708 (26,12 %)	25.673 (1,6 %)	59 (0,0037 %)	935.031 (58,82 %)	3578 (0,22 %)	177 (0,01 %)	0	2	2	359 (0,002 %)	576 (0,04 %)	204673 (12,9 %)	4364 (0,27 %)	1	14	1.589.393
Архангельская губерния	337.288 (97,4 %)	6227 (1,8 %)	0	621 (0,17 %)	1.807 (0,52 %)	17 (0,0049 %)	0	0	0	1	1	251 (0,072 %)	55	0	0	346.265
Ферганская область	9.969 (0,63 %)	53	173	1.590 (0,1 %)	370 (0,02 %)	5	0	0	0	1	2	2.782 (0,18 %)	1.557.057 (99 %)	126	83	1.572.211

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: IV. Виленская губерния: в 2 т. СПб., 1900 – 1904. Т. 2. С. 88 – 95; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Архангельская губерния: в 3 т. СПб., 1899 Т. 2. 208 – 227; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXXIX. Ферганская область. СПб., 1904. С. 60 – 10.